

Ж.В. Ганиев

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

**Фонетика, графика,
орфография, орфоэпия**

Учебное пособие

Ж.В. Ганиев

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

**ФОНЕТИКА, ГРАФИКА
ОРФОГРАФИЯ, ОРФОЭПИЯ**

Учебное пособие

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2012

УДК 811.161'34(075.8)
ББК 81.2Рус-8-923
Г19

Ганиев Ж.В.

Г19 Современный русский язык : фонетика, графика, орфография, орфоэпия : учеб. пособие / Ж.В. Ганиев. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 200 с. + CD.

ISBN 978-5-9765-1044-9 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-037405-8 (Наука)

Пособие охватывает четыре взаимосвязанных раздела дисциплины «Современный русский литературный язык»: фонетику, графику, орфографию, орфоэпию. Фонетический уровень состоит из иерархически взаимодействующих ярусов – фонемы (и их репрезентанты – звуки), слоги, фонетические слова, синтагмы, фразы, фоноабзацы, тексты. Каждый из ярусов всесторонне рассмотрен в пособии; фонемный ярус анализируется в традициях Московской фонологической школы. В орфоэпии основное внимание уделено постановке публичного (профессионального) произношения, в связи с чем привлекаются труды Л.В. Щербы и его школы в исследовании стилей (кодов) произношения.

Для студентов филологических факультетов, представителей публичных профессий – политиков, преподавателей, журналистов и др.

УДК 811.161'34(075.8)

ББК 81.2Рус-8-923

ISBN 978-5-9765-1044-9 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-037405-8 (Наука)

© Ганиев Ж.В., 2012

© Издательство «ФЛИНТА», 2012

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	6
-------------------	---

Раздел первый. ФОНЕТИКА, ГРАФИКА, ОРФОГРАФИЯ

Глава 1. Предмет фонетики	11
§ 1. Фонетический уровень языка.....	11
§ 2. Задачи курса фонетики	13
§ 3. Специфика учебного типа произношения.....	14
Глава 2. Введение в звуковой (фонемный) ярус	16
§ 4. Определение звука речи.....	16
§ 5. Начальные сведения о фонетической транскрипции.....	18
§ 6. Фонема.....	19
§ 7. Сильные и слабые позиции фонем.....	20
§ 8. Взаимоотношения гласных и согласных в русской фонетике.....	23
Глава 3. Система согласных фонем	26
§ 9. Общие сведения о согласных звуках. Роль корреляций в консонантизме	26
§ 10. Нейтрализация и ассимиляция согласных фонем по месту и способу их образования (слабые позиции)	29
§ 11. Соотносительный ряд согласных фонем по глухости-звонкости (сильные и слабые позиции).....	31
§ 12. Соотносительный ряд согласных фонем по твердости-мягкости (сильные и слабые позиции).....	35
Глава 4. Система гласных фонем. Связь фонетики с графикой и орфографией	42
§ 13. Классификация гласных.....	42
§ 14. Модификации гласных фонем под ударением (сильная позиция) ...	44
§ 15. Фонетическая природа русского словесного ударения.....	46
§ 16. Гласные фонемы в безударном положении (слабые позиции).....	50
§ 17. Гласные фонемы в 1-м предударном слоге (слабая позиция).....	50
§ 18. Гласные фонемы в других безударных слогах, кроме 1-го предударного (слабые позиции).....	52
§ 19. Фонематическая транскрипция.....	56
Глава 5. Графика и орфография	59
§ 20. Особенности русской графики.....	59
§ 21. Принципы русской орфографии	61

Глава 6. Просодические единицы	67
§ 22. Сегментные и суперсегментные единицы	67
§ 23. Слог	68
§ 24. Фонетическое слово	73
§ 25. Синтагма	78
Глава 7. Фраза	85
§ 26. Фраза и предложение	85
§ 27. Понятие интонационной конструкции русского литературного языка	86
§ 28. Интонационная система русского языка	88
§ 29. Фонетическая транскрипция коммуникативных единиц. Интонация и знаки препинания	94
Глава 8. Фонетика текста	101
§ 30. Текст и фоноабзац	101

Раздел второй. ОРФОЭПИЯ

Глава 9. Предмет орфоэпии	111
§ 31. Фонетическая система и культура произношения	111
§ 32. Источники отступления от норм	112
§ 33. Вариантность в литературном языке	115
§ 34. Произносительная норма	116
§ 35. Литературный язык и нормативное произношение	117
§ 36. О носителе нормативного произношения	119
§ 37. Вопрос о местных вариантах русского литературного произношения	121
§ 38. Практическое значение орфоэпии	123
§ 39. Понятие о стилях произношения	125
Глава 10. Культура звучания коммуникативных единиц языка	129
§ 40. Чтение вслух	129
§ 41. Обучение чтению текста	130
§ 42. Парафонетические средства как проблема культуры устной речи	135
§ 43. Устранение неблагозвучия в речи	140
Глава 11. Орфоэпические особенности в консонантизме и вокализме. Орфоэпия словесного ударения	145
§ 44. Особенности произношения согласных звуков	145
§ 45. Особенности произношения гласных звуков	150
§ 46. Орфоэпия словесного ударения	152

Глава 12. Произносительные варианты как основа орфоэпии	157
§ 47. Равноправные варианты	157
§ 48. Фонетические варианты как стилистическая особенность	158
§ 49. Профессиональное значение русской произносительной стилистики	162
§ 50. О неполных (эллиптических) вариантах произнесения, характерных для разговорной речи	166
§ 51. Особенности русского профессионального произношения в публичной речи	172
Глава 13. Произношение словоформ в отдельных фонетических подсистемах	183
§ 52. Произношение слов иноязычного происхождения	183
§ 53. Произношение отдельных грамматических форм	187
§ 54. Особенности в произношении аббревиатур	188
§ 55. Особенности в произношении служебных частей речи	192
§ 56. Некоторые особенности произношения русских отчеств, имен, фамилий	193
Заключение	198

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое учебное пособие подготовлено в соответствии с университетской программой по современному русскому литературному языку, и в соотношении частей и видов работ автор исходит из отведенных программой часов на лекционные и практические занятия. Пособие предназначено для изучения фонетики, орфоэпии, а также принципов русской графики и орфографии, естественно, с учетом знаний, полученных учащимися в средних учебных заведениях. Кроме того, студенты при изучении фонетики должны использовать определенные сведения из курса теории языка (морф, морфема и т.д.).

В первом разделе пособия рассматриваются все ярусы фонетического уровня языка – от звуков и их артикуляционно-акустических характеристик вплоть до звучания текста как коммуникативной единицы (главы о консонантизме и вокализме, а также «Просодические единицы», «Фраза», «Фонетика текста»). В начальных главах первого раздела понятия звука и фонемы раскрываются в составе морфа и морфемы и определенным образом связаны с практикой правописания: здесь обнаруживается связь фонетики с морфологией и синтаксисом (последнее см. в главе «Фраза»). Отдельное внимание уделено соотношению фонетических понятий, когда единицы нижележащего яруса являются составной частью единиц следующего по иерархии яруса и функционирование единиц нижестоящего яруса позиционно обусловлено особенностями вышестоящей структуры.

Пособие создано в соответствии с традициями Московской фонологической школы (МФШ) и, как это было при ее зарождении, имеет отчетливую практическую направленность. Московская фонологическая школа применима к русской орфографии в связи со сложившейся исторической судьбой нашей письменности. Можно с уверенностью утверждать, что среди народов, имеющих в качестве ведущего принципа в национальной орфографии исторический принцип (например, в английском письме, в письменности ряда восточных языков), концепция

типа Московской фонологической школы возникнуть не может.

Несколько замечаний об освоении курса. Как показал опыт, наибольшие трудности учащиеся испытывают при осмысленном различении букв и звуков (например, в фонетической транскрипции), при усвоении безударного вокализма и «атрибуции», опознании на слух интонационных конструкций русского языка. Указанные феномены составляли (если это может утешить студентов) особые трудности и в процессе развития русской фонетической науки начиная с XVIII в. и почитаются сейчас учеными как великие открытия.

Очевидно, что при нынешнем условном делении науки о звуковом уровне языка на фонетику и орфоэпию границы между ними носят переменчивый во времени характер. Второй раздел книги излагает нормы орфоэпии в их динамике – от ныне употребляемых допустимых, устаревших (например, вариантов в сценической речи, в речи представителей старшего поколения) вплоть до норм, которым принадлежит будущее судя по расширяющимся масштабам их употребления. Вместе с тем, как отметил еще в XIX в. В.А. Богородицкий, нормативное произношение любого человека меняется с годами, т.е. в зрелом возрасте и позже его орфоэпия отличается от того, что было на заре молодости. Не забудем также совета классиков нашей науки о том, что орфоэпические нормы в определенных случаях должны быть в известной мере консервативными (см., например, советы Р.И. Аванесова, М.В. Панова).

В качестве основной особенности орфоэпии представлено стилистическое (кодовое) многообразие нормативного (литературного) произношения с учетом различных социальных характеристик носителей литературного произношения. Один из основоположников современного языкознания И.А. Бодуэн де Куртенэ, а также его последователь и ученик Л.В. Щерба неоднократно подчеркивали, что наука вместо формулирования лингвистических абстракций, которые как бы поднимаются над реальным произношением, говором, должна изучать говорящего человека, стремиться к выяснению определяющих факторов, которые (в пределах языка или диалекта) могут объяснить, по-

чему человек говорит так, а не иначе. Курс орфоэпии содержит специфичные и понятные студентам и представителям публичных профессий приемы повышения культуры речи перед аудиторией, пути улучшения произносительных качеств официальной речи. Важно при этом показать, с одной стороны, как звучит обиходная, разговорная речь (с ее неконтролируемым, «автоматизированным» произношением), а с другой – профессиональная, официальная, публичная речь, учесть различные факторы, которые определяют их особенности, с тем чтобы, исходя из проанализированных, осмысленных фактов, прочно усвоить основы профессионального, в широком смысле, произношения. Попутно заметим, что в устной профессиональной речи, как и при редактировании текстов, немаловажно также знание правил благозвучия (эвфонии) в родном языке, начало которым в XVIII в. положил М.В. Ломоносов.

Пособие предназначено для использования при изучении теоретических курсов, а также содержит вопросы, задания и упражнения для отработки на практических занятиях. Кроме того, каждая глава снабжена списками учебной и научной литературы. В книге прослеживается ее преемственность по отношению к учебному пособию автора «Русский язык: Фонетика и орфоэпия» (М.: Высшая школа, 1990).

К пособию приложен диск, в котором озвучены отдельные места из параграфов, а также некоторые упражнения, которые, как показал многолетний опыт, вызывают трудности у учащихся при выполнении (страницы пособия 30, 88, 90–95, 101–102, 103, 104).

Раздел первый

ФОНЕТИКА, ГРАФИКА, ОРФОГРАФИЯ

Глава 1. ПРЕДМЕТ ФОНЕТИКИ

§ 1. Фонетический уровень языка

Система звучаний распадается на ряд фонетических ярусов, не смешивающихся друг с другом: это фонетические ярусы текста, сверхфразового единства, фразы, синтагмы, фонетического слова, слога, звука. Единицы фонетических ярусов имеют особые средства для создания своей цельности; единство фразы создается интонацией, единство синтагмы – интонационным центром, единство фонетического слова – словесным ударением, слоговой ритмикой.

По общему правилу, единицы более высокого уровня в звучании состоят из единиц нижестоящего яруса: звучание текста складывается из звуковых особенностей сверхфразовых единств, те, в свою очередь, распадаются на фонетические фразы, включающие в себя синтагмы, и т.д.

«Фонетика в действительности противопоставляется в системе каждого языка и словообразованию, и морфологии, и лексике и, однако, неразрывно со всеми ними связана», – писал Л.В. Щерба [Щерба, 1958, 167]. Фонетическое оформление текста, сверхфразового единства, фразы также производно, несамостоятельно, оно служит выражению семантико-стилистических характеристик соответствующих значимых уровней; звучание текста или фразы своими средствами служит функционированию языка в обществе. А необходимые для науки и практики уровни фонетического слова и звука (фонемы) вообще невозможно выделить без обращения к смыслу значимых единиц языка.

В каком же порядке целесообразнее описывать ярусы фонетики? Если иметь в виду оптимальный научный анализ, то следует двигаться, спускаясь сверху вниз «по иерархической лестнице», «идя от целого к частям, от общего к частному, от

высших кругов иерархии к низшим» [Реформатский, 1975, 59]. Убедительный довод в пользу такого решения – характер порождения языковой коммуникации. Единицей коммуникации является текст; при порождении текста центральное место занимает представление о замысле, прогнозирующем начало и конец будущего текста, об иерархии микротем (ССЦ – сложных синтаксических целых) и субтем, которые задают необходимые направления в развертывании замысла в текст, а тем обуславливают и его структуру. При таком подходе части текста получают не статус единиц, образующих текст, а единиц, возникающих в результате разложения текста [Колшанский, 1984, 90]. Следовательно, по логике научного исследования надо было бы, начиная с фонетики текста и далее последовательно переходя от «высших кругов иерархии к низшим», изучить в конце «лестницы» звуковой уровень.

Однако логика изложения согласно одному из положений науковедения существенно отличается от логических принципов исследования. Это методологическое положение подтверждается убедительными примерами из истории наук. Учебное изложение предмета, ставящее перед собой методические цели, подчиняет этому и свою логику изложения. Имея перед собой конечной задачей анализ фонетики текста, сверхфразового единства, звучания минимальной коммуникативной единицы – предложения (т.е. фонетики фразы), мы должны найти методически оправданный путь для достижения цели. В этом процессе методически целесообразно начинать не «сверху», а с нижнего яруса – с единиц звукового (фонемного) уровня. Вот что писал Л.В. Щерба о плане всего учебного курса фонетики: «Я не боюсь начинать изложение ее именно с отдельных звуков (хотя и признаю преимущественную важность в некоторых отношениях синтаксической фонетики). В самом деле, смешно изучать интонацию фразы, не умея произносить понятным образом звуки этой фразы. Это все равно – и даже хуже – что разучивать оперные арии, не поставив голоса» [Щерба, 1953, 4].

§ 2. Задачи курса фонетики

Работу над произношением надо начинать с изучения звуков в словах, считал Л.В. Щерба. Он писал: «Это будет даже в высшей степени полезно для дальнейшего, так как сразу приучит относиться сознательно к звукам речи. ...Учащиеся, вполне хорошо говорящие по-русски, должны произносить сначала только ... слова, так как на них они должны научиться слышать разные оттенки звуков, которые до сих пор ускользали от их внимания, и на них они должны уловить положение языка, потребное для каждого из них. Слова эти надо произносить энергично и максимально отчетливо, но не растягивая их; упражняться полезно перед зеркалом, освещая им же себе рот. Цель всех этих упражнений состоит в том, чтобы научиться изолировать все... оттенки и произносить их легко и точно» [Щерба, 1953, 34, 33].

Методические цели раздела «Фонетика» в настоящем пособии достигаются решением ряда теоретических и практических задач. К ним относятся: описание акустико-артикуляционных характеристик русских звуков, слогов, интонации; характеристика единиц русской фонетики, коррелирующих со значимыми уровнями языка. Другими словами, сначала мы стремимся к описанию фонетического слова, в дальнейшем следует описание фразы, сверхфразового единства, фонетики текста, раскрытие «идиоматичности» фонетической системы русского языка (выражение А.А. Реформатского). В результате приходит умение слышать звучание родной речи и транскрибировать ее, а это означает углубление тембрального (вербального) слуха. Конец курса фонетики – это «опознание» в транскрипции фразы и текста русских интонационных конструкций, осуществление тем самым связи фонетики с синтаксисом (ср. «синтаксическую фонетику» Л.В. Щербы). С предыдущим связано в дальнейшем освоение основ русской графики и орфографии, тесно соприкасающихся с фонологией; подготовка к морфемному и словообразовательному анализу (определение фонемы и звука зависит от понятия морфемы в языке, по-

этому рассматривается связь фонетики со словообразованием и морфологией).

Системный показ фонетических средств русского языка подготавливает к освоению следующего раздела пособия – «Орфоэпии», общая задача которой заключается в повышении культуры русской устной речи, в выработке правильности и мастерства произношения у тех, для кого публичная речь является профессией.

§ 3. Специфика учебного типа произношения

Поскольку в языке имеется несколько нормативных вариантов звукового и интонационного оформления значимых элементов, необходимо методически обоснованно выбрать один из них для учебного изложения предмета, т.е. в качестве основы для описания фонетики.

Решая, какой из вариантов произношения целесообразно привлечь при описании фонетической системы языка, можно опереться на объективно складывающуюся массовую практику в учебной деятельности. Как показывает опыт, основой для фонетического описания служит так называемый учебный тип произношения (и интонирования), несколько замедленный, который обычно демонстрируют преподаватели и учащиеся на уроках родного языка, приводя фонетические примеры и соответственно при транскрибировании. По своему качеству такой тип произношения ориентируется на профессиональную дикторскую речь. Здесь своя «клишированная» интонация и тщательные варианты произнесения слов, входящих в состав информационных и публицистических текстов (не путать произношение дикторов (актеров) с произношением ведущих – журналистов на телевидении и радио).

Дикторский, учебный тип нормативного произношения соответствует той эвристической и коммуникативной задаче, которую ставит перед собой процесс фонетического обучения, он как бы логично вытекает из процесса показа, объяснения,

исследования, усвоения фонетики. Учебный тип произношения – один из сравнительно нечастых случаев, когда звуки, по известному выражению Л.П. Якубинского, как бы «всплывают в светлое поле сознания» [Якубинский, 1986, 163]. Здесь, а также в сценической, публичной речи уменьшается привычный фонетический автоматизм в производстве и восприятии сказанного. Такие случаи со средствами общения в быту (т.е. с «практическим языком», по другому выражению Якубинского) интуитивно не смешиваются. При обучении фонетике очень полезны специальные задания и упражнения на выработку учебного стиля произношения.

Вопросы и задания

1. Какие языковые уровни вам известны?
2. Назовите единицы фонетических ярусов и средства для создания их цельности.
3. В каком порядке следует анализировать фонетические ярусы?
4. Перечислите задачи курса фонетики. В чем состоит связь фонетики с орфоэпией, словообразованием и морфологией?
5. Охарактеризуйте учебный тип произношения. В каких публичных профессиях произношение близко к учебному типу? Противопоставьте нормативно-бытовое и учебное произношение.

ЛИТЕРАТУРА

- Ганиев Ж.В. Русский язык: Фонетика и орфоэпия. – М.: Высш. шк., 1990.
- Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. – Ч. I. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1967.
- Киров Е.Ф. Фонология языка. – Ульяновск: СВНЦ, 1997.
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии: пер. с нем. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В.Щерба / под ред. Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич. – 4-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Глава 2. ВВЕДЕНИЕ В ЗВУКОВОЙ (ФОНЕМНЫЙ) ЯРУС

§ 4. Определение звука речи

Выделить звуки речи человек в свое время сумел лишь с помощью специальных наблюдений, т.е. с созданием «науки о звуках» (см. § 1). Вот что писал об этом известный отечественный языковед В.И. Чернышев: «Те элементы речи, которые мы изучаем под названием звуков, слогов и слов, определились путем научного исследования речи, а не вследствие непосредственного ее восприятия. Необразованный человек не только не различает звуков и слогов в словах своей и чужой речи, но во многих случаях не сумеет разложить речь и на отдельные слова» [Чернышев, 1915, 60]. С другой стороны, у грамотного человека создается впечатление, что слово раскладывается на четко различаемые звуки, т.е. звуковому потоку приписывается та дискретность, которая свойственна письму. Представления эти сложились на основании статических артикуляций, тогда как звукопроизводство в потоке речи не статично, а динамично.

Современный акустико-артикуляционный анализ показывает, что выделить, четко разграничить друг от друга звуки в связной речи нет возможности. Более того, цельного, однородного звука речи практически не существует, это, в общем, иллюзия. В экспериментальной фонетике существовало даже мнение, что поток речи не делится на звуки. Взаимовлияние, взаимная адаптация звуков в потоке речи получила наименование коартикуляции.

При специальном акустическом анализе число сегментов в речевом потоке не совпадает с числом различаемых носителем языка звуков. Причиной такого несоответствия между лингвистическими единицами и элементами речевой волны является эффект коартикуляции и другие особенности фонетического контекста. Так, признаки согласных, по данным акустического анализа, не даны одномоментно, они распределены во времени.

Например, взрывной согласный передается, по данным приборов, несколькими акустическими сегментами: начальный переходный сегмент, сегмент смычки, сегмент взрыва, сегмент фрикации (щели), конечный переходный сегмент. Аспираторный интервал рассматривается, как правило, в качестве составной части эксплозии (взрыва).

Сведения о смычном или щелевом характере согласного (*б, п, т, к* или *ф, в, с, х*) сосредоточены в начальном сегменте. Сведения о твердости или мягкости согласного даются в последних сегментах, конечной частью согласного. Другими словами, объективно разделить поток речи на дискретные звуки, четко разделяемые между собой, практически невозможно, а между тем в языковом сознании существует представление о конечном числе звуков в словоформе. Как разрешить это противоречие?

Выход из «заколдованного круга» давно нашла фонетика, обратившись к значащим единицам языка. Например, Московская фонологическая школа (одна из концепций в фонологии; ее основатели – Н.Ф. Яковлев, А.А. Реформатский, П.С. Кузнецов, Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров) устанавливает число звуков и их качество, исследуя их в пределах минимальной значащей части слова – морфа (разновидности данной конкретной манифестации морфемы¹). Например, корневая морфема <вод> употребляется в различных словоформах² в виде различных вариантов: *вод-а́, вод-яно́й, во́д-ный, вод, па́-вод-ок, вод-ола́з* и т.д. В одну морфему объединяются морфы, обладающие, во-первых, тождеством значения и, во-вторых, частичным формальным тождеством составляющих. Не всегда морфы совпадают по своему формальному составу, ср.: *ловл^в – лов^в – лоф* в словоформах *ловл-ю – лов-ят – лов* и т.д.

Анализируя воплощения морфемы в различных словоформах, ученые Московской фонологической школы устанавлива-

¹ В учебной и научной литературе термин «морфема» часто употребляется в общем смысле – и как обозначение собственно морфемы, и как обозначение каждого морфа (или алломорфы) каждой морфемы. Целесообразно разграничивать эти понятия так, как мы разграничиваем понятия звука и фонемы.

² Словоформа – данное слово в данной грамматической форме.

ют, в частности, наряду с ударным звуком *ó* различные типы безударных звуков, наряду со звонким *ð* – глухой *m*, наряду с твердыми *ð*, *m*, – мягкие согласные *ð^в* и *m^в*. Так, на основе деления словоформы на морфы (и морфемы) фонетика определяет их звуковой состав, количество и качество согласных и гласных. Описывая фонетический уровень в тесной связи со словообразованием и морфологией, теория Московской фонологической школы (МФШ) обнаруживает и свое прикладное значение: именно термины МФШ являются основой для формулирования основных принципов русской графики и орфографии.

§ 5. Начальные сведения о фонетической транскрипции

В предыдущем параграфе при определении качества звуков речи необходимо было представить их в возможно более точном виде, однако пришлось ограничиться орфографической записью, поскольку не было еще введено понятия фонетической транскрипции. Транскрипция – это специальный способ записи речи для научно-лингвистических целей. Фонетическая транскрипция с возможной точностью передает на письме звучание устной речи в виде цепочек различных фонетических единиц, в узком же смысле (для нужд изложения в данной главе) транскрипция – это запись звуков речи с учетом их позиционных модификаций в потоке речи.

В транскрипции используются обычные буквы алфавита и специальные значки для недостающих символов. Для транскрипции (в узком ее понимании, которое употребляется в данной главе) важны две ее особенности – обозначение границ фонетического слова и места словесного ударения. Фонетическая транскрипция заключается в квадратные скобки []. Обозначения фонем, морфем и фонологической транскрипции (см. об этом ниже) рекомендуется брать в ломаные скобки < >. Орфографическая запись примеров дается курсивом.

§ 6. Фонема

Если каждый из морфов, являющихся манифестантами одной морфемы (например, морфемы <вод>, см. § 4), состоит из отдельных звуков ([вот, вад] и т.д.), из чего же состоит сама морфема? Ответ таков: как соотносительны морф и морфема, соответственно так же связаны звук и фонема, т.е. морфема состоит из фонем. Фонема – единица нижнего в фонологии яруса, служащая для различения и отождествления морфем (словоформ)¹.

Морф и его составная часть – звук – суть линейные единицы, которые непосредственно вычлняются в речи; морфема и ее составная часть фонема – обобщенные единицы, конкретными представителями которых являются морф и звук. Так, морфема <вод> состоит из фонем <в, о, д>. Конкретными манифестантами этих фонем являются звуки: для <в> – [в]; для <д> – [д], [д'] мягкий (в словах *вода, водяной*), [т] (*вод*); для <о> – кроме [ó] ударного, два типа безударных гласных звука в словах *вода, водяной*. Относясь друг к другу как часть и целое, понятия фонемы и морфемы связывают два крупных уровня языка – фонетический и морфологический.

Качество звуков, являющихся конкретными манифестантами фонем, устанавливается на основе тождества морфем [см. Реформатский, 1970, 414–418]. Признаком тождества является одно и то же значение и некоторое несовпадение в произношении, которое зависит от фонетических закономерностей, действующих в современном языке. Так, в составе словоформ *водá – вóды – вод – нó воду* и др. в корневой морфеме наблюдается разное произношение гласных, зависящее от места словесного ударения, а также звонкость-глухость согласного перед

¹ Иначе – и каждый раз по-своему – понимается единица этого яруса в других фонологических концепциях (Ленинградская фонологическая школа, Пражская лингвистическая школа, учение Д. Джоунза, дескриптивисты, глоссемантики и т.д.), хотя и называются эти единицы в них одинаково – фонемами. Встречаясь с этим «термином» (а термин в идеале должен быть однозначным), надо каждый раз устанавливать его понятийную соотнесенность (или содержание).

гласным или в конце слова. Морфы, связанные такими отношениями, принято называть алломорфами. Ими могут быть и другие части слова: приставки (например, приставка <роз> в словах *раздать* – *расчертить* – *расширить* – *ропуск* и т.д.), суффиксы (например, слова *пуховый* – *гипсовый* – *ключевой* – *плюшевый* и т.д. имеют один суффикс <ов>), а также окончания (*городá* – *моря* – *сёла* – окончание <а>; *столóв* – *музéев* – *кóвриков* – окончание <ов>).

Разное звучание морфов внутри перечисленных групп зависит не только от современных фонетических закономерностей (место ударения, позиция в слове), но и от факторов морфологических, например, в парах *сон* – *сна*, *бегу* – *бежишь*, а также *сёла* – *сельский*, *вода* – *заводь*, *рука* – *ручка* и т.д. С точки зрения действующих грамматических норм, «построить» правильно форму слова или новое однокоренное слово здесь можно, только зная морфонологические (исторические, скрытые на прошлых этапах развития языка) чередования. Это не алломорфы, а варианты морфем с неодинаковым фонемным составом – <сон – сн, бег – беж, с’ол – с’эл’, вод – вод’, рук – руч’>, в сопоставляемых морфемах нет полного совпадения фонем.

Звуки объединяются в фонемы не по их близости (в звучании, в артикуляции), а по общности функциональной. Фонема представлена звуками (или нулем звука), которые всегда занимают одно и то же порядковое место в составе алломорфов. «Любая попытка описать и классифицировать звуки речи без учета их связи со значением обречена на неминуемый провал. ...Только путем анализа функционирования звуков в языке можно построить систему фонем для данного языка» [Якобсон, 1985, 76, 50]. Членимость речевого потока на звуки речи не задана его физическими характеристиками. Следовательно, выделение звуков происходит при обращении к значащим единицам слова.

§ 7. Сильные и слабые позиции фонем

Закономерности фонематического уровня действуют в языке в пределах фонетического слова – словоформы, имеющей

словесное ударение. Это может быть и знаменательное слово с примыкающими к нему служебными словами (союзами, предлогами, частицами), объединенное одним словесным ударением (*и мы, на ногу, на ноге, ты ли, пришёл бы* и т.д.).

Для того чтобы охарактеризовать фонематическую систему языка, надо не только выделить существующие фонемы, сгруппированные по различным их признакам, но и указать фонетические позиции, в которых эти фонемы выступают.

Фонемы реализуются в звуках речи, находясь в позициях двух типов. Сильной считается та позиция, в которой фонема не смешивается с другой, т.е. разным (противопоставленным) фонемам соответствуют разные звуки. В сильных позициях фонема сохраняет различительные признаки (например, глухость и звонкость согласных звуков перед гласными в случаях типа *пал – бал*). В слабой позиции данный различительный признак фонемы теряется и члены пар фонем, противопоставленные по данному признаку, сливаются в одном звуке, нейтрализуются; например, глухость-звонкость как различительный признак в конце слова теряется, члены пар фонем по глухости-звонкости сливаются в одном глухом звуке: *сноп – сноб, гас – газ* и т.д. Пример неразличения гласных фонем в слабой позиции: *сома – сама*; здесь в безударном слоге одинаково произносятся гласные звуки на месте разных фонем <о, а>. Позиции различают не для фонемы в целом, а для отдельных ее признаков.

Звуки – представители одной фонемы, попадающей в различные позиции, чередуются друг с другом в морфеме, образуют парадигму (понятие фонемы). Фонему называют по тому звуку, который ее представляет в сильной позиции. Изучить данный ярус в фонетике – значит изучить не только его фонемы, но и его позиционную систему. Позиции, будучи общими для нормированного языка, не ограничены отдельными словами.

Однако в русском языке есть случаи, когда определенные различительные признаки фонемы восстановить невозможно, иными словами, нельзя определить, из каких фонем состоит данная морфема. Например, нельзя (по концепции МФШ) установить, какая гласная фонема – <a> или <o> – в предупред-

ном слоге слов *баран, характер, корова, собака* (на эти гласные в других формах слов или в однокоренных словах никогда не падает ударение). В этих случаях, когда слабая позиция для фонемы постоянна и не чередуется с сильной позицией, появляется особая единица фонемного яруса – гиперфонема (термин проф. В.Н. Сидорова). В словах *фтор, где, столь, кто* в начале, а в словах *вдруг, натошак* в конце постоянно не различаются глухие и звонкие фонемы. В слове *аспирант* гиперфонемы <о/а>, <с/з>/>, <и/е>, <т/д>.

В слабых позициях у фонем имеется возможность «работать» на предсказательность, т.е. здесь реализуется одна из детерминантных особенностей русского языка (подробнее о детерминантах в русской фонетике см.: [Богомазов, 2001, 117]).

Упражнение 1. В данных группах словоформ установите фонемный состав тождественных морфем (приставок, корней, суффиксов, окончаний) и назовите звуки в морфах, являющиеся представителями отдельных фонем. Например, звуки [с, з, ш, ш', с'] – представители фонемы <з>. Фонему следует называть по ее сильной позиции в морфеме.

Подбородок, подворотня, подзаголовок, подзеркальник, подножие, подоконник, подпол, подрамник, подснежник, подтекст, Подмосковье.

Безаварийный, бездарь, бездеятельный, беззаботный, безвкусица, бессердечный, бесшумный, бессмыслица, бесчестье.

Розлив, раздать, роспуск, распутица, распустить, расщепить, расшить, разжевать.

Везти, вёз, вёзший, везущий, ввезёт, увеза.

Уместный, место, местком, переместить, местничество, заместитель.

Ходовой, абрикосовый, ключевой, ситцевый, сырьевой, метровый, рублёвый, тюлевый.

Украшенный, унесённый, решённый, посаженный, построенный, составленный, осуждённый.

Волнами, землями, линиями, статьями, героями, сёлами, степями.

Молодого, смелого, синего, волчьего, рыбацкого, большого, бывшего, чарующего, горячего, долгого.

§ 8. Взаимоотношения гласных и согласных в русской фонетике

В русском языке на 36 согласных фонем приходится всего пять гласных (или $\approx 1 : 7$), т.е. гласных фонем в русском в 3–4 раза меньше, чем в западных языках, а согласных фонем больше приблизительно в 1,8–1,5 раза. Русский язык относится к языкам ярко выраженного консонантного типа. Гласные – слабая в информативном отношении часть русского звучания. Различительная способность безударных гласных низка из-за частых нейтрализаций (неразличения в слабых позициях). Если попеременно исключить из письменного русского текста гласные, а затем согласные, можно убедиться, что текст можно почти «угадать» по согласным, а по одним гласным понять его смысл практически невозможно. Сравните роль согласных и гласных хотя бы в данном предложении: а) (согласные) ср-вн-т- р-ль с-гл-сн-х – гл-сн-х х-т- б- в д-нн-м пр-дл-ж-н-; б) (гласные) --а--и-е -о-о--а--ы- и --а--ы- -о-я -ы – -а--о- --е--о-е-ии. По одним согласным намного легче реконструировать «ущербное» предложение, чем только по гласным.

Какова же обычная встречаемость согласных и гласных в реальных речевых условиях? Частота встречаемости гласных и согласных в русских и западных звучащих текстах, как это ни кажется парадоксальным, почти одинакова: в английских, немецких и русских речевых произведениях около 40% звучания – гласные, остальные – согласные, т.е. соотношение приблизительно равное [см. Бондарко, 1981, 175]. Следовательно, соотнося долю гласных и согласных фонем в русском языке ($\approx 1 : 7$) и встречаемость гласных и согласных в западноевропейских языках ($\approx 2 : 3$), делаем вывод: «содержательность» гласных звуков в русской речи намного ниже «содержательности» согласных (с более частым знаком не случайно, а закономерно связывается менее значимая информация).

К.С. Станиславский называл гласные рекой, а согласные – берегами звучащей речи. Основной носитель лексического значения – консонантная структура слова. По ней можно статисти-

чески определить, к какой части речи относится слово, получить другую информацию о грамматических свойствах слова. Незначительная роль гласных в выражении лексического значения благоприятствует их «специализации» на выражении грамматических форм слова – окончаний, формообразующих суффиксов, например, для выражения вида, причастных и деепричастных форм глагола и т.д. С гласными связано словесное ударение, слоговая ритмика слова, интонация фразы и т.д. Однако в слове как единице русского языка роль гласных в громадном большинстве случаев сводится к созданию некоего базового фона для развертывания семантически нагруженных консонантных различий. Согласные выражают прежде всего лексические значения, а гласные – грамматические [см.: Богомазов, 2001, 294].

Изучая единицы фонемного яруса, которые реализуются именно в слове (и в его значащих частях), важно выяснить взаимодействие и сравнительную роль согласных и гласных фонем в словоформе. При соседстве гласных и согласных в слове чаще всего именно гласные аккомодируются со стороны согласных, а не наоборот (т.е. согласные «приспосабливают» к себе артикуляцию гласных). Это значит, что в русском языке именно в артикуляции гласных звуков как репрезентантов гласных фонем чаще заметны следы влияния соседних согласных, а не наоборот. Лучше всего это проиллюстрировать на примере влияния твердости-мягкости согласных на качество соседних гласных, ударных и безударных. Особенности в произношении гласных рядом с мягкими согласными являются неосознаваемым, «автоматизированным» свойством русской артикуляции и восприятия у носителя русского языка: [и]-образные переходы в начале и конце гласного служат для русских слушателей сигналом мягкости окружающих согласных. Например, слыша нечто вроде [ʰa], мы знаем, что перед гласным имеется мягкий согласный; [aʰ] для нас сигнал того, что следующий согласный мягкий, и т.д.

Поскольку при соседстве русских согласных и гласных в словоформе именно согласные играют активную роль, то начинать описание фонемного яруса в русском языке нужно с консонантизма [см.: С.Б. Бернштейн, I, 1961].

Вопросы и задания

1. Дискретны ли звуки в речи или между ними имеются динамические отношения? Как в фонетике называется этот феномен?
2. Перечислите основателей Московской фонологической школы.
3. К какой единице речи обратились представители МФШ для определения звука речи?
4. Объясните заслуги МФШ в описании фонетического уровня в тесной связи его со словообразованием и морфологией.
5. Что такое русская фонетическая транскрипция (в представлении МФШ) и какими обозначениями она пользуется?
6. Определите соотношения между морфом и звуком, морфемой и фонемой.
7. Что такое сильные и слабые позиции фонем? Что такое гиперфонема (в учении МФШ)?
8. Сколько согласных и гласных фонем в русском языке? Каковы взаимоотношения гласных и согласных в потоке русской речи?

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. – Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Богомазов Г.М. Современный русский литературный язык. Фонетика. – М.: Владос, 2001.
- Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Трунин-Донской В.Н. Общая и прикладная фонетика. – М.: Изд-во МГУ, 1986.
- Касаткин Л.Л. Современный русский язык. Фонетика. – М.: Академия, 2006.
- Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. – М.: Высш. шк., 1979.
- Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. – М.: Наука, 1970.
- Яacobson P.O. Звук и значение. Избр. работы: пер. с англ., нем., франц. языков. – М.: Прогресс, 1985. – С. 30–91.
- Halle M. The sound pattern of Russian. A linguistic and acoustical investigation. With an excursus on the contextual variants of the Russian vowels by L.G. Jones. – Gravenhage: Mouton, 1959.

Глава 3. СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

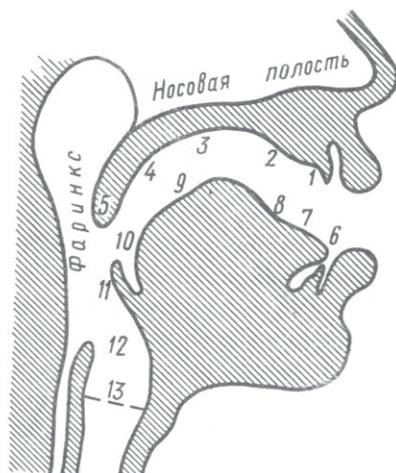

Схема речевых органов

1 – альвеолы (бугорки у корней верхних зубов); 2, 3 – передняя и задняя части твердого нёба; 4 – мягкое нёбо; 5 – язычок (увула); 6 – кончик языка (лат. *арех*) и его передний край; 7, 8, 9 – передняя, средняя, задняя части спинки языка (спинка – лат. *dosum*); 10 – корень языка; 11 – надгортанник; 12 – полость гортани; 13 – голосовые связки.

§ 9. Общие сведения о согласных звуках. Роль корреляций в консонантизме

Прежде чем проанализировать системные отношения между фонемами, необходимо классифицировать звуки, являющиеся репрезентантами фонем, которые попадают в различные фонетические позиции в составе фонетического слова. Следует особо отметить, что согласных звуков несколько больше, чем фонем. Основные согласные звуки приведены в помещенной ниже таблице в соответствии с четырьмя дифференциальными признаками: место образования, твердость-мягкость согласных, способ образования и участие-неучастие голоса (звонкость-глухость согласных).

			Губные				Язычные							
			губно-губные		губно-зубные		переднеязычные				среднеязычный		заднеязычные	
							зубные		нёбнозубные		средненёбный		задненёбные	
			тв.	мягк.	тв.	мягк.	тв.	мягк.	тв.	мягк.			тв.	мягк.
Шумные	смычные	глух.	п	п'			т	т'					к	к'
		звонк.	б	б'			д	д'					г	г'
	аффрикаты	глух.					ц	ц'	ч	ч'				
		звонк.					дз̣	д'з̣'	дж̣	д'ж̣'				
щелевые	глух.			ф	ф'	с	с'	ш	ш':			х	х'	
	звонк.			в	в'	з	з'	ж	ж':			ʃ		
											j (й)			
Сонорные	смычно-проходные	носов.	м	м'			н	н'						
		боков.					л	л'						
		дрожащ.							р	р'				

Указанные здесь звуки являются в морфах репрезентантами 36 согласных фонем: <п, п', б, б', м, м'; ф, ф', в, в'; т, т', д, д', с, с', з, з', н, н', л, л', ц; ч', ш, ш':; ж, р, р'; j; к, к', г, г', х, х'> .

В системе согласных фонем русского языка соответственно имеются четыре дифференциальных признака, соотносимых с признаками места, способа образования, глухости-звонкости и твердости-мягкости. Последние две корреляции являются парными, первые – многомерными. Именно парные корреляции играют особую роль в языке, они образуют ядро фонематической системы, так как устойчивость ее обусловлена развитостью корреляционных отношений, проявляющих себя в сильных и слабых позициях. Корреляция твердых-мягких согласных – наиболее важная и развитая в русском языке, так как в данное противопоставление вовлекается больше всего согласных фонем, которые затрагивают также реализацию соседних гласных фонем (чего нельзя в такой же мере сказать о других дифференциальных признаках согласных). Признак твердости-мягкости является яркой фонологической приметой русского языка, определяющей идиоматичность русской фонетики, неизвестной во многих иностранных языках.

В сочетаниях согласных может иметь место такая фонетическая закономерность, как уподобление одного звука другому, например в словах *сжечь, сдвинуть, визг, песня* и др. Во всех случаях уподобление носит регрессивный характер, т.е. следующий в сочетании согласный (в сочетаниях из вышеприведенных слов он выделен: *сж, сд, зг* – конец слова, *сн'*) определяет фонетическую характеристику предшествующего согласного. Это явление называется ассимиляцией, которая связана с определенным дифференциальным признаком и проявляется в слабой позиции (см. последующие параграфы главы).

Вопросы и задания к § 9

1. Срисуйте основные элементы из схемы речевых органов.
2. Пользуясь таблицей согласных звуков, перечислите звуки по месту их образования.
3. Пользуясь той же таблицей, перечислите звуки по признаку их глухости и звонкости.

4. Пользуясь указанной таблицей, назовите звуки по признаку их твердости и мягкости.
5. Какая из парных корреляций в фонематической системе согласных является наиболее важной, определяющей идиоматичность русской фонетики ?
6. В каком направлении осуществляется ассимиляция в сочетаниях русских согласных?

§ 10. Нейтрализация и ассимиляция согласных фонем по месту и способу их образования (слабые позиции)

Некоторые согласные фонемы в определенных положениях оказываются в с л а б о й позиции по месту и (или) способу образования и нейтрализуются, т.е. перестают различаться по этим дифференциальным признакам.

Так, зубные (свистящие) <с, з>, оказавшись перед нёбно-зубными (шипящими) [ш, ж, ш':], уподобляются шипящим и произносятся слитно с ними в виде долгого шипящего: *сшить* [ш:], *с шилом* [ш:], *с жаром* [ж:], *сжать* [ж:], *расщедриться* [ш':], *с щеткой* [ш':], *сжечь* [ж:], *разжать* [ж:], *из железа* [ж:] и т.д.

Зубные переднеязычные <с, з> перед нёбно-зубной аффрикатой [ч'] произносятся как мягкий шипящий [ш']: *расчертил* [ш'ч'], *исчезнуть* [ш'ч'], *с чувством* [ш'ч'], *с чем* [ш'ч'], *из чехла* [ш'ч'], *без числа* [ш'ч'] и др.

Зубные смычные фонемы <т, д>, оказавшись перед аффрикатами – зубной [ц] и нёбно-зубной [ч'], произносятся вместе с ними в виде аффрикат с долгим затвором: *отца* [ц:], *братцы* [ц:], *молодца* [ц:]; *двадцать* [ц:], *тридцать* [ц:], *летчик* [ч':], *отчизна* [ч':], *разведчик* [ч':], *укладчик* [ч':], *обществоведческий* [ч':], *отчаяние* [ч':]¹ и т.д. Сюда же относятся орфографические сочетания *-ться, -тся*: *боротся* [ц:], *бoryтся* [ц:], *готовиться* [ц:], *гото-*

¹ Наряду с указанными транскрипционными знаками существует и другой способ обозначения долготы аффрикат [ɕ], [ɕ'] , принятый в «Орфографическом словаре русского языка» под ред. Р.И. Аванесова, а также [ɕ̄], [ɕ̄'].

вится [ц:] и т.д. В написаниях *-стся, -сться (-зться)* и *-сти-* произносится звуко сочетание [сц]: *наестся, зачесться, грызться, истца*.

Корневые <т, д>, оказавшись перед суффиксальным [с] в сочетаниях *тск, дск, тств, дств*, звучат вместе как [ц^с]: *детский, заводской, богатство, наследство* (звук [ц] с призвуком [с]). На месте *дс* в финальном сочетании *дск* звучит [ц]: *Кисловодск, Петрозаводск* [цк] (вариант [ц^ск]).

Эти же фонемы <т, д> перед [ш':] могут произноситься в виде нёбно-зубного мягкого звука [ч':]: *отщипнуть* [ч'ш':], *под щелью* [ч'ш':], *процентщица* [ч'ш'] и др. (в отчетливой речи [т] сохраняется).

Если носовая <н> оказывается перед [к, г] с последующим [т, ц, с], то на месте <н> слышен заднеязычный носовой [н,]: *инстинктивный* [нкт'], *Вашингтон, Веллингтон* [н,кт], *санкционировать* [н,кц], *функционировать, пунктуация, вьетконговцы, бандунгский* [н,ск]. В этой позиции артикуляция <н> приспособляется к артикуляции заднеязычной смычной [г] или [к].

Ассимиляция как результат изменения основного звучания фонемы в русской литературной речи является по своему направлению исключительно регрессивной, т.е. звучание предшествующей согласной фонемы приспособляется к звучанию последующей. Здесь приведены примеры полной и неполной ассимиляции. Изменение артикуляционно-акустических свойств первого звука в сочетании объясняется активным действием произносительных органов, начинающих работу для образования второго звука уже во время произнесения первого. Это же касается и нейтрализации противопоставлений по признакам глухости-звонкости и твердости-мягкости.

Упражнение 2. Затранскрибируйте данные словоформы.

Сжал, сшил, исшарил, с жару, с шарик (величиной), низший, из жажды, из жал, с жарким, из жатвы, из жатки, с жен, высший, из жен, из жижи, из жижицы, с жильца, с жильцом, сжигал, сжил, сжимал, из жил, с жирами, с жирком, из жирка, из жницы, из жука, с жуком, из шайбы, из шапки, с шапки, с шатким (положением), низшую, из шах-

ты, из шашки, с шашку (величиной), с шест, с шины, из шины, из ширмы, с ширмы, с широким, из шишки, из школы, из шкуры, из шпалы, из шутки, из шхуны.

С чашки, из чашки, исчезнуть, с частых, с чем, (жду) с час, из чаши, с чижом, из чижа, из числа, с числа, из чистки, исчертит, с числом, считал (напечатанный текст), считчик, считывать, с чубуком, с чугуном, с чужбины, с чужих, из чужих, из чистых, из Чили, с чудных, из Читы, с чулком, из чулка, из чуждых.

Братцы, уродцы, тибетцы, ситцы, детский, шведский, истцом, тщится, летчик, датчик, бутсы, курдский, братский, пиратский, шиитский, тщетный.

С щедрым, из щепки, с щипцами, из щипцов, с щитом, из щита, из щедрых, с щипчиками.

Вопросы и задания к § 10

1. Как нейтрализуются в слабой позиции зубные свистящие согласные перед фрикативными шипящими фонемами? Приведите примеры.
2. Как преобразуются (в слабой позиции) зубные свистящие фонемы перед шипящей аффрикатой? Приведите примеры.
3. Как нейтрализуются зубные переднеязычные смычные, оказавшись перед аффрикатами? Ваши примеры?
4. Как произносятся финальные буквосочетания *-тся, -ться, -ться*? Ваши примеры?
5. Как звучат буквосочетания *тск, дск, тств, дств, дск*? Приведите примеры.
6. Как звучат буквосочетания *тц, дц*? Ваши примеры?
7. Как произносится *н* перед *г* или *к*? Приведите примеры.

§ 11. Соотносительный ряд согласных фонем по глухости-звонкости (сильные и слабые позиции)

Глухие и звонкие согласные звуки отличаются в русском языке также степенью напряженности органов речи: глухие – более напряженные, чем звонкие, площадь соприкосновения ак-

тивного и пассивного органа у глухих больше, они образуются при более сильной воздушной струе. Русские звонкие согласные звуки являются полнозвонкими, т.е. голос участвует в их образовании на всем протяжении звучания согласных.

Соотносительный ряд глухих-звонких согласных фонем состоит из 11 пар: <п – б, п' – б', ф – в, ф' – в', т – д, т' – д', с – з, с' – з', ш – ж, к – г, к' – г'>. Из общего числа согласных фонем (36) остальные 14 в соотносительные пары по глухости-звонкости не входят: <м, м', н, н', л, л', р, р', j; ц, ч', ш':, х, х'> (непарные фонемы). Фонемы <ц, ч', ш':, х, х'> являются непарными глухими, так как соответствующие звонкие фонемы в русском языке отсутствуют. Остальные девять фонем (до точки с запятой в списке непарных) – сонорные, образуемые при помощи голоса и незначительного шума, у этих фонем в русском языке нет соответствующей глухой пары.

С и л ь н ы м и позициями по глухости-звонкости, когда члены пар глухих-звонких фонем различаются по этому признаку, являются положения:

перед всеми гласными звуками. Примеры: [п]ал – [б]ал, [п']ыл – [б']ыл, [п]от – [б]от, [п']ел – [б']ел, [п']ил – [б']ил, со[в]а – со[ф]а, [ф]он – [в]он, [ф']етр – [в']етра, [т]ам – [д]ам, [т]ом – [д]ом, [т']ерзать – [д']ерзать, [т']ик – [д']ик, [с]ам – [з]ам, [с]ом – [з]онт, [с']ияние – [з']ияние, [ш]ест – [ж]ест, [ш]утка-ж[ш]утко, [к]ора – [г]ора, [к']юре – [г']юйс, ро[с]ы – ро[з]ы, сто[к]а – сто[г]а и т.д.;

перед сонорными согласными [м, м', н, н', л, л', р, р', j]. Примеры: во[с']ми – во[з']ми, тру[п]ный – тру[б]ный, [с]на – [з]нал, беспло[т]ный – беспло[д]ный, ко[с']нись – ка[з']нись, [п]леск – [б]леск, [с]лой – [з]лой, [к]луб – [г]луп, [п]росит – [б]росит, [к]ран – [г]ран, [т]рель – [д]рель, [п']ью – [б']ью, коло[с']ья – коло[з']ья и др.;

перед [в, в'] (с последующим гласным). Примеры: [т]ворец – [д]ворец, [с]вой – [з]вон, [с]верь – [з]верь, [т]верь – [д]верь и др.

Другие позиции по глухости-звонкости являются слабыми. В них вместо членов пар произносятся или только глухие согласные звуки, или только звонкие.

С л а б ы м и позициями по глухости-звонкости являются следующие:

конец слова. В этом положении на месте парных фонем звучат глухие согласные звуки. Примеры: *сно*[п] (*сноп* и *сноб*), *гри*-[п] (*грипп* и *гриб*), *гри*[ф] (*гриф* и *грив*), *ро*[т] (*рот* и *род*), *ко*[т] (*кот* и *код*), *гла*[с] (*глас* и *глаз*), *ко*[с] (*кос* и *коз*), *но*[ш] (*нож* и *нош*), *лу*[к] (*лук* и *луг*), *ро*[к] (*рок* и *рог*) и т.д.;

положение перед глухим согласным. Пример: [ск]а[с]кой (*с каской* и *сказкой*), ве[с']ти (*вестí* и *везтí*), сла[т]кой (*с латкой* и *сладкой*), ду[ш]ка (*душка* и *дужка*), ср. также ло[к]ти и но[к]ти, пры[т]ки и поря[т]ки и т.д. В указанных позициях оглушаются и группы шумных согласных, ср. ви[ск], дро[ст] и мо[ст]; боро[стк]а и пове[стк]а и т.д.;

положение перед звонким согласным. Примеры: про[з']ба, ко[з']ба, моло[д']ба, [з]бой, [з']делать (вариант [з']), [з]дать, [г] зиме, о[д]бежать о[д] забора, [з]бежать [з] горы и др. Перед <в> оглушение или озвончение происходит в том случае, если за ним следует шумный согласный. Если последний в группе согласных глухой, то вся группа оглушается: на[тфп]áдиной, бе[сфс]áдника. Если последний в группе согласных звонкий, то все согласные звуки произносятся звонко: [звд]овóй, о[двзг]ляда. Иными словами, положение перед <в> с последующим шумным согласным является слабой по глухости-звонкости позицией, когда вместо членов пар произносятся только глухие или только звонкие звуки.

Озвончаться могут и непарные глухие <ш', х, ц, ч'>. Соответствующие звонкие звуки [ж', γ, дз̂, д'ж'] слышны, например, в фонетических словах *товáри*[ж'] *бы*, *засó*[γ] *же*, *певé*[дз̂] *бы*, *пé*[д'ж'] *бы* и др.

С другой стороны, в соответствующих позициях иногда могут оглушаться и сонорные согласные, в особенности в конце слова рядом с глухими согласными: *ска*[р]н, *миллиа*[р]д, *до*[л]г, *но*[л]з (полуглухость), [м̂]шистýй, [р̂]та, воп[л̂], *смот*[р̂], *мыс*[л̂] (глухость) и т.д.; есть свидетельства, что старательное произношение типа *летни*[j], *дики*[j], *мнени*[j] и т.д. иностранцы записывали под диктовку с буквами *х̂* в конце [Реформатский, 1975, 82].

В русском языке голос или его отсутствие – существенный признак, а напряженность-ненапряженность – сопутствующий и в какой-то мере факультативный [Якобсон, Фант, Халле, 1962, 206–207]. Напряженность глухих согласных в русском языке в нормальных условиях не воспринимается, но хорошо проявляется в шепоте: при шепоте глухие отличаются от звонких своей напряженностью, говорить шепотом утомительнее, чем с голосом. Надо заметить, что произношение некоторых русских глухих звуков также сопровождается некоторой аспирацией, которая для русского уха несущественна и потому не воспринимается нашим слухом ([т, к] аспирированы отчетливее, [п] с нулевой аспирацией) [Виноградов В.А., 2003, 132].

Как и в соотносительном ряду по твердости-мягкости (см. ниже), ассимиляция по глухости-звонкости в русском языке по своему направлению имеет исключительно регрессивный характер.

Упражнение 3. Затранскрибируйте данные словоформы.

Хлеб, род, рот, рад, дуб, ход, ад, клуб, гриф, грив, рас, груб, раб, глуп, шуб, труб, прав, плод, улов, нрав, слов, кров, лев, узнав, лук, серб, лиг, луг, серп, пирог, сток, прыг, сок, сугроб, вдруг, круг, стог, год, кот, плуг, шаг, рог, рок, слог, ног, дуг, сад, склад, сыт, лет, град, ход, суд, бред, вод, вот, бед, нож, муж, чиж, тишь, лишь, свеж, шарж, стриж, луж, стуж, рожь, ложь, стаж, дрожь, груз, глаз, глас, уз, ус, раз, вес, влез, кворум, вниз, баз, кос, коз, срез, роз, бас, рос, воз.

Визг, писк, ласк, мест, хвост, мозг, вождь, дрозд, рост, изб, нужд, служб, трезв, резв, уезд.

Вторить, вскипит, в час, в шельф, в чижа, в шар, в шест, в шею, птахи, вторглись, все, вход, в школу, всходы, в чашку, кто, встал.

Трубки, скобки, дубки, подпись, складки, книжки, гадкий, низкий, бумажки, сладкий, редкий, травки, стружки, губки, кошки, пробки, лавки, ножи, узкий, ложки, сказки, фуражки, резкий, ласки, краски, жуткий, крепкий, рослый.

Сдвиг, сбыл, сдул, взбил, сделки, с гор, сзади, к вздоху, с дачи, к делу, к дому, к другу, к морю, к быку, к зиме, к горю, к жиру, сбросу, спросит, сгубил, сдал, сбил с толку, сдачи, где, в дружбу, жди, в бок.

Просьбы, избит, свадьбы, отбыл, тот бы, ночь бы, смех же, туч же нет, сох бы и сох, отец бы, с роц бы, дочь бы, узда.

Вопросы и задания к § 11

1. Перечислите соотносительный ряд согласных по глухости-звонкости.
2. Назовите сильные позиции согласных по глухости-звонкости. Предложите свои примеры словоформ, иллюстрирующих задание.
3. Назовите слабые позиции согласных фонем по глухости-звонкости. Предложите свои примеры, иллюстрирующие ваши ответы.

§ 12. Соотносительный ряд согласных фонем по твердости-мягкости (сильные и слабые позиции)

При произнесении мягких согласных звуков, в отличие от соответствующих твердых, средняя часть спинки языка стремится к центру твердого нёба (к этой точке ближе всех артикуляция [j]). От движения языка при твердости-мягкости согласных – хотя это и неощутимый момент артикуляции – зависит и форма глотки (сужение в нижнефарингальной полости при твердых, расширение всей фарингальной полости, особенно в верхней ее части – при мягких; см. схему речевых органов в начале гл. 3). Соответствующий мягкий согласный отличается не только положением языка по отношению к зонам нёба, но также некоторым сдвигом задней части языка вниз и расширением задней полости рта и зева, что сопровождается ощутимым мышечным напряжением [Русская грамматика, Прага, 1979, 8]. Произношение мягких (палатальных) согласных требует большей энергии и напряжения произносительных органов. Артикуляционно и акустически твердые и мягкие согласные имеют самостоятельные признаки, выступают как равноправные фонемы. Мягкость, например, у звуков [т', д'] характеризуется в фазе раскрытия смычки значительным фрикативным элементом (т.е. они звучат как [т'^h, д'^h]).

Категория твердости-мягкости является наиболее характерной, определяющей в русской фонетике (а потому самой боль-

шой трудностью для иноязычных учащихся, овладевающих русской артикуляционной базой, самой заметной особенностью иноязычного акцента в русской сегментной фонетике).

В русском языке оппозиции по твердости-мягкости – самый обширный соотносительный ряд, он охватывает 30 согласных фонем: <п – п', б – б', ф – ф', в – в', м – м', т – т', д – д', с – с', з – з', н – н', л – л', р – р', к – к', г – г', х – х'>. Вне соотносительного ряда по твердости-мягкости стоят фонемы <ч', ц, ш, ш'; ж, j> (непарные); на них не распространяется действие сильных и слабых позиций по твердости-мягкости (не изменяясь по твердости-мягкости сами, они по своему качеству, однако, способны создавать слабые позиции для предшествующих им в слове парных по твердости-мягкости согласных; см. ниже).

С и л ь н ы м и позициями в русском языке по твердости-мягкости, когда члены пар согласных различаются по этому признаку, являются следующие положения:

на конце слова. Примеры: *ко*[н] – *ко*[н'], *бра*[т] – *бра*[т'], *ле*[с] – *ле*[с'], *кро*[ф] – *кро*[ф'], *пра*[ф] – *пра*[ф'], *о*[с] – *о*[с'] и пр.;

перед гласными (кроме <э>). Примеры: [с]аду – [с']яду, [в]аза – [в']яза, [л]ук – [л']юк, по[т]ок – по[т']ёк, [л]учи – к[л']ючи, [в]ол – [в']ёл, [в]ыл – [в']ил¹, [б]ыл – [б']ил, тра[в]ы – тра[в']и и пр.;

для переднеязычных (<т-т', д-д', с-с', з-з', н-н', р-р'>) положение **перед заднеязычными** (в основном перед [к, к']) и **твердыми губными** ([б, м, в]). Примеры: *ре*[т]ко – *ре*[т']ка, у[с]ко – Лю[с']ка, ба[н]ка – ба[н']ка, го[р]ка – го[р']ко и т.д.; по[д]бавь – хо[д']ба, и[з]ба – ре[з']ба, [с]мой – пи[с']мо, при[з]ма – Кля[з']ма, то[р]ба – бо[р']ба, ту[р]ман – тю[р']ма и т.д.;

¹ Гласные [ы – и] в парах словоформ *выл – вил, был – бил, травы – трави* следует считать реализацией одной гласной фонемы <и>, которая в одних позициях (например, после мягких согласных) произносится в виде [и], после твердых согласных – в виде [ы]. Следовательно, указанные пары слов отличаются друг от друга согласной фонемой – твердой или мягкой, а отличия в гласных звуках [ы] и [и] являются зависимыми от самостоятельных качеств – твердости или мягкости согласного (концепция МФШ). Другую точку зрения см. [Богомазов, 2001, 129].

для фонем <л-л'> (тоже переднеязычных) – положение **перед любым согласным, кроме [j]** (а не только перед заднеязычными и твердыми губными). Примеры: во[л]на – во[л']на, бо[л]т – во[л']т, то[л]стит – по[л']стит, по[л]зять – по[л']за, мо[л]чи – ма[л']чик, Во[л]га – О[л']га, ко[л]ба – мо[л']ба и др.

С л а б ы м и позициями по твердости-мягкости, когда члены пар согласных фонем, не различаясь, нейтрализуются, сливаются (часто в результате ассимиляции) в одном звуке, мягком или твердом, являются:

положение перед фонемой <э>. В исконно русских словах согласные перед <э> мягки. Например, в корнях: [п']ел, [б']ел, [м']ера, [в']ера, [т']ело, [с']ер, [з']елень и т.д. Однако перед <э> возможны и твердые, и мягкие согласные. Наличие в русском языке значительного числа общеупотребительных слов – аббревиатур и заимствований – с твердым согласным перед <э> привело к тому, что эта позиция для твердости-мягкости стала сильной. Появились пары слов, различающихся твердостью-мягкостью согласных перед <э>: [сэр – с'эр, мэр – м'эр, пэр – п'эрл], *па*[рэс] – *по*[р'эс], пас[тэ'л'] – *пос*[т'ёл']. Хорошо известны *нэп, эсер, ГЭС, ТЭЦ, МТС* и т.д. с твердыми согласными перед <э>.

Совпадение в мягком согласном звуке парных фонем перед окончанием *-е* (например, в форме *угле* от слов *угол* и *уголь*) – факт не фонетики, а морфонологии, показатель морфологического стыка, мена твердого согласного на мягкий в конце основы перед окончанием, а не слабая позиция по твердости-мягкости [см. Реформатский, 1979, 11]. В отличие от словоформ с окончанием *-е* (*бахроме, казне, толпе*), в словах иноязычного происхождения перед финальным <э> часто звучит твердая согласная (*макраме, кашне, куте* и т.д.);

для большинства зубных – положение **перед большинством парных по твердости-мягкости зубных согласных** (фонемы <л-л'>, как известно, различаются перед зубными). Примеры: *ше*–[ст] – *ше*[с'т'], *преле*[сн]о – *преле*[с'н']ица, *по*[зн]о – *по*[з'н']ий, *не*[нс] – *не*[н'с']ия, *ва*[т:]а – *ва*[т':]е, *раке*[тн]ый – *раке*[т'н']ица, *го*[дн]ый – *прошлого*[д'н']ий и т.д. Мягкость [д', т'] в факультетных сочетаниях ([д'н', т'н']) обнаруживается на слух с трудом из-за

отсутствия взрыва (т.е. из-за импловивности) в образовании [д', т']; о мягкости этих согласных легче судить, обращая внимание на качество предшествующих гласных. В некоторых случаях предшествующий зубной произносится с неполным смягчением (полумягко): *ви[д'н']ее*, *Пе[н'з']е*, *по[з'н']ее*, *бе[н'з']ин*, *[с']лива*, *е[с']ли*, *пе[т'ли]*, *ме[д']лить*, *[с']лет*, *со[н']ливый* и др. (тенденция к отвердению в особенности перед [л']). Зубные <с, з> в сочетаниях <лст', лзн', рст', рзн'> (т.е. после твердых [л, р] перед мягкими [т', н']) обычно не смягчаются, ср.: *то[лст']еть*, *по[лст']и*, *опо[лзн']и*, *ше[рст']*, *каве[рзн']ее*. То же в сочетаниях <ртн', рдн'>: *куро[ртн']ик*, *усе[рдн']ее*.

На конце приставки или предлога зубные перед мягкими зубными корня или следующего слова могут произноситься твердо: *ра[з]делить*, *о[тн']ёс*, *ра[з]нести*, *по[д]небесье*, *бе[з] них*, *чере[с] сени*, *по[д] небом* и т.д.; но возможно и мягкое произношение: *во[с':]ел*, *ра[с'т']янут*, *и[с':]елá*, *бе[с':]ильный*, *чере[с':]и-то*, *о[т':]ёр*, *о[д':]елка*;

для фонем <н – н'> – положение перед мягкими [ч', ш':] (как известно, другие зубные <т, д, с, з> перед [ч', ш':] реализуются в виде согласных с измененным местом и способом образования [ч', ш'], см. § 10; зубные <л-л'> перед нёбно-зубными [ч', ш':] различаются). Примеры: *бараба[н] – бараба[н']чик – бараба[н']щик*, *чула[н] – чула[н']чик*, *пте[н]ца – пте[н']чик*, *ко[н]ца – ко[н']чик*, *го[н]ка – го[н']щик*, *манеке[н] – манеке[н']щица*, *сме[н]а – сме[н']щик* и др.;

положение перед фонемой <ј>. Примеры: [п'ј]ю, [б'ј]ю, се-[м'ј]я, [в'ј]ю, *пла[т'ј]е*, *ли[с'ј]я*, *дру[з'ј]я*, [л'ј]ю, *бе[л'ј]е*, [р'ј]яно и др. На стыке приставки или предлога с корнем или следующим словом, начинающимся с <ј>, наряду с мягкими отмечаются согласные с неполным смягчением, а также твердые: *о[б'~бј]явление*, *ра[з'~зј]ехались*, *о[б'~бј]ем* и т.д.; обычны твердые согласные в следующих фонетических словах: *по[д]зём*, *по[д] ёлкой*, *о[т]ямы*, *бе[з] юмора* и т.д.

Губные согласные перед негубными могут быть только твердыми, независимо от того, твердый или мягкий следующий со-

гласный: *любо*[ф'] – *любо*[вн]ый, *любо*[вн]ик; *голу*[п'] – *голу*[пк']а, *голу*[пк']е [см. Панов, 1979, 104–105].

Непарные твердые согласные фонемы <ш, ж, ц> во всех положениях звучат твердо. Внепарные мягкие <ч', ш':, j> во всех положениях звучат только как мягкие согласные. В противоположность остальным внепарным по твердости-мягкости согласным фонемам заднеязычные <к, г, х>, являясь твердыми в большей части позиций, в других позициях выступают в качестве мягких согласных звуков. Во всех положениях, где остальные твердые и мягкие парные согласные фонемы различаются (на конце слова, перед гласными, кроме <э>, и т.д.), заднеязычные [к, г, х] и [к', г', х'] не различаются: перед <а, о, у> в огромном большинстве слов звучат твердые заднеязычные [к, г, х], а перед <и> – только мягкие [к', г', х']; ср. [к]арт, [к]ом, [к]ум, но [к']инь; [г]ам, [г]ор, [г]уст, но [г']имн; [х]ам, [х]ор, *вверх*[х]у, но [х']итрый. На конце слова заднеязычные только твердые: лу[к], но[к], ве[к], лё[к], су[х], со[х] и др. Имеется ряд форм исконно русского слова *ткать* с мягким [к'] перед [о] – т[к'ó]шь, т[к'ó]т и т.д. – и случаи мягких [к', г'] перед <а, о, у> в заимствованных словах – ли[к'ó]р, киос[к'ó]р, мани[к'у]р, [г'а]ур и др. Случаи произношения [к', г'] перед непередними гласными укрепляют формирующуюся фонематическую самостоятельность <к', г'>. Реальным стало и противопоставление <х – х'> перед <э> – тоже в связи с иноязычными словами, ср. *мохер*, *Хельсинки* и *Хэмфорд*, *Манхэттен*, *Хэбэй*.

Упражнение 4. Укажите твердые и мягкие согласные фонемы в данных словоформах.

Ответ – ответь, одет – одеть, ваза – вяза, высок – висок, эконом – эконо́мь, колко – сколько, бур – бурь, мода – ме́да, уголка – уго́лка, банка – ба́нка, редко – ре́дка, бодро – бе́дра, мят – мять, лот – ле́д, рад – ряд, ров – ре́в, рысь – рис, станет – стянет, сэр – сер, мэра – мера, метр (устар. 'учитель') – метр ('мера длины'), СЭВ – сев, теста ('испытания') – теста (из муки), кончит – кончить, труба – трубя, следа – следя.

Стек, денди, кашне, сепсис, кафе, купе, сел, клеть, день, сели, мель, текст, на трубе, семь, голубь, восемь, познакомь, вглубь, бровь, вновь, оставь, лето, сено, небо, балет.

Упражнение 5. Укажите случаи ассимилятивного смягчения или ассимилятивной твердости согласных в консонантных сочетаниях. Охарактеризуйте слабые позиции по твердости-мягкости.

Шест – шесть, жест – жёсть, пастель – постель, мест – месьть, бант – бантик, водный – водник, с домом – с дедом, сзади – с зимы, бездарность – бездельник, отругать – отделить, одну – одни, дно – на дне, винт – винтик, длинный – длинней, ванны – в ванне, странный – странник, лестный – лесьть, аккуратный – аккуратнее, тросточка – трость, мост – предмостье, станет – стянёт, тесто – в тесте, вместо – вместе, езда – ездить, узда – уздечка, полезно – полезнее, хвост – о хвосте, лист – листик, прелестный – прелестница, косный – коснеть, разный – разница, поздно – позднейший.

Ездил, съел, барабанщик, бастион, бегодня, беднейший, бедняк, болезненный, безделушка, беззастенчивый, безобразник, березняк, бетонщик, бледнеть, блестящий, близнецы, блеснёт, блестеть, блюстител, бороздить, в борозде, пенсионер, чеканщик, военщина, бревенчатый, кончик, лесник, пятница, наследник, в массе, сосняк, воскресник, дразнить, с сестрой, с ним, толстяк, растянут, оттереть, голубятня, дневник, античный, карантин, бандит, кондитерский, кандидат, блондин, рецензия, кончу, женщина, семья, вьюга, муравьи, сыновья, бельё, авантюра, десантировать, в поезде, ароматнее, басня, артистично.

Вопросы и задания к §12

1. Перечислите соотносительный ряд согласных фонем по твердости-мягкости. Предложите примеры слов, подкрепляющие ваш ответ.
2. Объясните, чем отличаются артикуляции твердых и мягких согласных звуков в фарингальной области (неощутимый момент артикуляции).
3. Почему противопоставление твердых и мягких согласных фонем названо А.А. Реформатским идиоматической чертой русской фонологии?
4. Назовите сильные позиции согласных по твердости-мягкости. Подкрепите ответ своими примерами.
5. Назовите слабые позиции согласных по твердости-мягкости. Можете проиллюстрировать ответ своими примерами? Приведите их.

ЛИТЕРАТУРА

- Barnetová V., Běličova-Křůšková H., Leška O., Skoumalová Z., Strakova V. Русская грамматика. – Т. 1. – Praha: Academia, 1979.
- Бархударова Е.Л. Русский консонантизм: типологический и структурный анализ. – М.: Изд-во МГУ, 1999.
- Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – С. 97–143.
- Брызгунова Е.А., Дмитренко С.Н., Суханова М.С. Фонетика. Фонология. Основные сведения об ударении. Интонация // Русская грамматика. – Т. I. – М.: Наука, 1980. – С. 14–122.
- Фланаган Дж.Л. Анализ, синтез и восприятие речи: пер. с англ. – М.: Связь, 1968.
- Щерба Л.В., Матусевич М.И. Фонетика // Грамматика русского языка. – Т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 49–102.
- Fónagy J. Die Metaphern in der Phonetik. Ein Beitrag zur Entwicklung des wissenschaftliche Denkens. – The Hague, 1963.
- Jones D. & Ward D. Phonetics of Russian. – Cambridge: Univ. Press, 1969.

Глава 4. СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ. СВЯЗЬ ФОНЕТИКИ С ГРАФИКОЙ И ОРФОГРАФИЕЙ

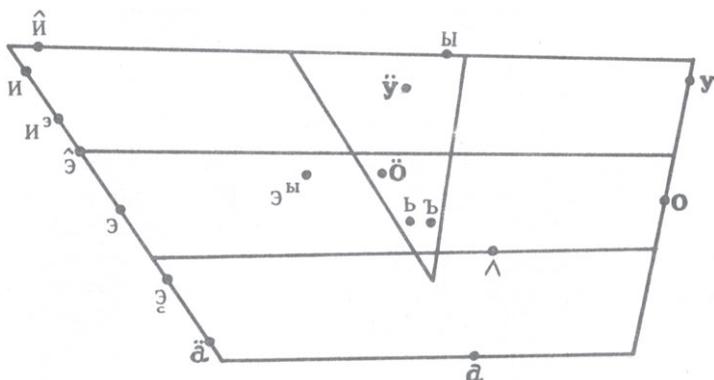
§ 13. Классификация гласных

В русском языке в соответствии с положениями Московской фонологической школы различаются пять гласных фонем: <и, э, а, о, у> (вместо э можно в транскрипции употреблять букву *e*, в произношении без йотации, как в латинском чтении). Система гласных фонем в различных позициях представлена довольно большим количеством гласных звуков, не похожих на основной вид фонемы (в 4–5 раз больше числа основного вида фонемы). Это отличает систему гласных от известной нам системы согласных фонем, где в слабых позициях количество модификаций, не совпадающих по звучанию с основным видом фонем, не так велико (звуки [γ, дз̄, д̄ж̄], глухие сонорные и т.д., всего на 20–30 % больше числа основного вида фонем, см. гл. 3). Язык консонантного типа, как русский, имея такую небольшую группу гласных фонем, превращает их в различных позиционных условиях в поразительное разнообразие гласных звуков, и это одна из примечательных, идиоматичных особенностей русского языка.

Одна из удачных схем-классификаций русских гласных звуков – четырехугольник Международной фонетической ассоциации (МФА) (The Principles, 1965).

Четырехугольник условно ориентирован так: слева воображаемое ротовое отверстие, справа – задняя стенка нёба, по верхней стороне четырехугольника проходят высшие точки подъема языка. Нижняя сторона короче верхней: в нижнем положении движения языка более стеснены, чем в верхнем. По сходной причине передняя сторона графической схемы длиннее, чем задняя (передняя часть языка более маневренна). Линии внутри четырехугольника показывают степень подъема языка (условно разграничены верхний, средний и нижний подъемы) и ряд глас-

ного (передний, средний и задний ряды также разграничены условно). Как бы мало ни отличалась артикуляция двух гласных (по месту и степени подъема языка), для них в схеме всегда можно найти особое место¹.

Типов гласных звуков в потоке русской литературной речи встречается больше, чем это показано на схеме. Так, не указаны, например, модификации ударных передних гласных рядом с мягким согласным. В этом положении гласные испытывают передвижку вперед по ряду в начальной или конечной фазе своей артикуляции: [‘а, а; ‘о, о; ‘у, у; ы; э]. **Огубление** как артикуляция обозначено на схеме жирным шрифтом. Огубленные гласные – это [у, **ю**, **о**, **ö**] и другие не указанные в схеме гласные звуки (см., напр., выше, в этом же абзаце).

Классификация гласных звуков **по ряду**, учитывающая место подъема языка: гласные звуки **переднего ряда** – [‘у, и, и³, ê, э, э, ä]; гласный **передне-среднего ряда** – [э³]; гласные **среднего ряда** – [ы, **ю**, ö, ь, ь]; гласные **средне-заднего ряда** – [Λ, а], гласные **заднего ряда** – [у, о].

¹ Далее в тексте даны пояснения к знакам в схеме по трем дифференциальным признакам: наличию-отсутствию огубления (лабиализации) у гласного, по месту и степени подъема языка при образовании гласных. Отдельно остановимся на двубуквенных обозначениях в схеме [и³, э³] – это гласные звуки, средние между [и-э, э-ы]. Скобка под [э] передает открытый звук, близкий к [ä].

Классификация гласных звуков **по подъему**, учитывающая степень подъема языка: к гласным звукам **верхнего подъема** относятся [û, и, ы, ÿ, у]; гласные **верхне-среднего подъема** – [и⁹, ê]; гласные **среднего подъема** – [э, э^м, ö, ь, ь, о]; гласные **средне-нижнего подъема** – [э, А], **нижнего подъема** – [ä, а].

§ 14. Модификации гласных фонем под ударением (сильная позиция)

Гласные фонемы под ударением в соседстве с твердыми или мягкими согласными изменяются в своем качестве, выступают в своих разновидностях, более передних или задних по ряду (в начале, конце звука или на всем его протяжении), напряженных или открытых по образованию. Различия в образовании гласных, вызванные влиянием соседних согласных, приспособление вокалической артикуляции к артикуляциям соседних согласных – характерная черта аккомодации, свойственная русскому языку. Модификации ударных гласных в зависимости от твердости и мягкости соседних согласных показаны в таблице.

Позиции Фонемы	В начале слова		После твердых согласных		После мягких согласных	
	перед твердым	перед мягким	не перед мягким	перед мягким	не перед мягким	перед мягким
<и>	и	î	ы	ы'	и	û
<э>	э	ê (или ê)	э	э'	э	ê
<а>	а	а'	а	а'	·а	ä
<о>	о	о'	о	о'	·о	ö
<у>	у	у'	у	у'	·у	ÿ

Обратим внимание на контраст между вокализмом и консонантизмом: в таких параллельных чередованиях, когда в сильных позициях дифференциальные признаки фонем не смешиваются друг с другом, согласные фонемы представлены не че-

тырьмя-пятью, а чаще одним звуком, изредка двумя (например, непарные фонемы по глухости-звонкости – звуками [ц – дз, ч' – д'ж'] и т.д.), модификации согласных в сильных позициях нормально не осознаются говорящими (полузвонкость, полумягкость и т.д.). В противоположность согласным фонемам гласные в сильных позициях обычно представлены, как это видно из таблицы, четырьмя схожими (в горизонтальной строке), но все же различаемыми звуками. Специфическая черта фонематического яруса в русском языке: при минимальном числе гласных фонем – развитая система параллельных рядов звуковых чередований, а при большом разнообразии согласных фонем – всего 1–2 репрезентанта у каждой из них в сильной позиции.

В начале слова перед твердой согласной, а также в положении после твердой согласной, в том числе в конце слова, на месте ударной фонемы <э> звучит [э] открытое: [э]ра, [мэ]р, кашн[э] и т.д. В абсолютном начале перед мягкими согласными ударные <и, э> испытывают передвижку вверх (становятся более напряженными и закрытыми), здесь произносятся более узкие гласные, с более высоким и энергичным поднятием языка; такое изменение обозначается «крышечкой» над буквами: [û, ê]. То же и в положении между мягкими согласными. Примеры: [и]ра-[û]ре, [э]та – [ê]ти ([e] в латинском чтении, без йотации), [п'ût'], [п'êt'] и т.д.

Открытость-закрытость для русских ударных гласных – позиционная особенность, зависящая от фонетического положения гласного. Что касается ударных передних гласных (а также <э> после твердых согласных), то соседство с мягкими сказывается на них заметным продвижением вперед по ряду в начальной, конечной фазе длительности или на протяжении всего гласного. Схематически это обозначается так: [a't', ta't', t'a, t'ât']. Примеры: [á]рия, [ó'п'ис'], [ý]часть; [ма́'т'], в[ó']ля, [му'т'], м[э'р']ия, [мы'т']; те[б'á], [фс'о], [фс'у]; [с'át'], [т'ót'и], [пл'ÿн'] и т.д.

Влияние <j> на соседний ударный гласный зачастую отличается от описанного здесь аккомодирующего действия мягких согласных. Переходный [и]-образный элемент, который приоб-

ретаёт ударный гласный в соседстве с мягким согласным, играет определяющую роль при восприятии мягких согласных: носитель русского языка «опознаёт» мягкость согласного по переходному элементу соседнего гласного. Этот переходный элемент у непередних гласных [ä, ö, ü] дольше, чем у передних: ведь от уклада [и] до укладов [а, о, у] больший путь, нежели от [и] до [э]. Сравнительно с высказанным положением в соседстве с твердыми согласными наибольшим изменениям рядом с мягкими подвергается качество ударных <а, о, у>.

Заметная черта русского вокализма – неоднородный характер ударных гласных на протяжении их звучания. После твердых согласных ударное [о] начинается с короткого широкого неслогового призвукa [ʏ] и произносится в целом как дифтонгоид [ʏо]. Русское [ы] также носит дифтонгоидный характер, весь гласный звучит примерно как [ы^и]. Дифтонгоидными бывают [э], [а]. Несмотря на дифтонгоидный характер гласных (имеющих призвук), в русском языке нет дифтонгов – сочетаний гласных, составляющих один слог.

Упражнение 6. Затранскрибируйте данные словоформы.

Пут – путь, кон – конь, вал – вял, выть – вить, стук – тюки, луг – люк, вол – вёл, мол – мёл, гроб – грёб, быт – бит, быть – бить, тапки – таяпки, ел – ель, цеп – цепь, удар – ударь, был – былль, плот – плоть, стыда – стыдя, ос – ось, гроза – грозья, стал – сталь, тем – темь, нос – нёс, пат – пять, пыл – пил, лак – ляг, мыли – мили, слез – слезь, пальцы – пяльцы, труба – трубя.

Банщик, блинчики, задний, водник, пустить, лесь, месь, ездил, часть, гвозди, казнь, стирать, шерсть, истёк, оттиск, спутник, дня, кланчить, кончик, гонщик, бьёт, судья, хвостик, листик, бросить, кончишь, лезть.

§ 15. Фонетическая природа русского словесного ударения

Позиция в слове под ударением – сильная для гласных фонем, которые, имея здесь по четыре модификации, не смешива-

ются друг с другом, сохраняют различительные признаки. Слабыми позициями для гласных фонем является употребление их в различных безударных слогах. Здесь выступает меньшее, чем в сильной позиции, число гласных звуков, на месте определенных фонем произносятся одинаковые звуки, когда члены отдельных оппозиций перестают различаться, нейтрализуются. Так, фонемы <о – а>, противопоставленные в сильной позиции по всем трем дифференциальным признакам – ряду и степени подъема языка, наличию-отсутствию огубления, – не различаются в безударных слогах, их различительные признаки нейтрализуются.

Свойства словесного ударения первоначально целесообразно рассмотреть на материале отдельных слов, когда в учебном стиле произношения слово реализуется как однословная фраза. Произнесение отдельных слов при объяснении языковых закономерностей – это примеры учебной речи, иных коммуникативных задач они не решают. Изменения, вносимые в акустическую природу русского словесного ударения, когда слово употреблено в составе фразы и других коммуникативных единиц – в условиях функционального многообразия речи, будут рассмотрены ниже, при анализе этих языковых единиц: фразы, сверхфразового единства (фоноабзаца) и т.д. Пока же обратимся к разграничению ударных и безударных слогов в составе отдельно взятых слов. Эффект ударенности в таких примерах создается большей длительностью ударного гласного по сравнению с безударным, более сильным, чем в безударном слоге, контрастом между согласным и гласным в ударном слоге, а также различиями в качестве звучания ударных и безударных гласных [Бондарко, 1981, 54–55, 116–117]. На ударном слоге слова в значительной мере концентрируется артикуляционное усилие, которое выражается в увеличении акустической интенсивности на ударном гласном. Самым постоянным признаком, отличающим ударный гласный от соответствующего безударного, является его бóльшая относительная длительность. Итак, длительность ударного гласного больше средней длительности звука в слове, безударного – короче этой средней длительности. В специальных опытах

с синтезированной речью было показано, что увеличение или уменьшение длительности гласного воспринимается аудиторам как изменение места ударного гласного в слове [Бондарко, 1977, 154].

Однако этот признак является не единственным фактором, определяющим восприятие русского гласного как ударного, так как в различных коммуникативных условиях безударные гласные могут оказаться в русской фразе длительнее ударных. Другой различитель ударности-безударности русского слога – яркость или смазанность контраста между гласным и согласным в составе слога. Выделить безударный гласный в слоге бывает затруднительно, так как зачастую у такого гласного отсутствует стационарная часть, он представляет собой как бы переход от одного согласного к другому. В таком безударном слоге ослаблен контраст между его компонентами. Контраст между согласным и гласным звуками ясно выражается именно в ударных слогах. Здесь коартикуляция согласного с гласным слабее, поэтому и собственные признаки гласного и согласного звуков в слоге выступают ярче. Напротив, в безударных слогах коартикуляция сильнее, а собственные признаки компонентов соответственно смазываются. Точнее, разные типы безударности различаются между собой и степенями внутрислоговых контрастов [см. также: Богомазов, 2001, 62].

Носители русского литературного языка безошибочно определяют качество ударности даже во фразах, где за неимением безударных слогов нет возможности сопоставить ударные и безударные гласные (например: *Весь день шел дождь*). В языке сильна качественная разница между ударными и безударными гласными (их артикуляционно-акустическими характеристиками). Так, [и] в безударном слоге звук более открытый, более заднего образования по сравнению с ударным [и́], безударный [у] может быть несколько более открытым и передним, чем ударный [у́]. Гласный [á] отличается от безударного похожего гласного и длительностью, и качеством: безударный [А] характеризуется большей закрытостью и в ряде случаев изменением по ряду.

Отмечено, что под ударением чаще бывают корни и суффиксы, т.е. стержневая часть слова отражает его лексическое значение, а заударная – грамматическое [см. Богомазов, 2001, 64–65].

Упражнение 7. Определите место ударного слога в данных словоформах.

Вода, движение, книга, страна, занятие, суета, переворот, по-новому, домам, переходить, бумага, сумка, глазом, тетрадь, ароматный, новенький, переехать, газета, глазам, некого, погулять, новый, никого, стена, не доезжая, учитель, ничего, нечего, студент, белый, доехать, ходить, передавать, понравился, выскочил.

Задания и вопросы к § 13–15

1. Срисуйте схему-классификацию русских гласных звуков на основе четырехугольника МФА. Сориентируйте его так же, как это показано в § 13 (слева – ротовое отверстие, справа – задняя стенка нёба и т.д.).
2. Назовите в классификации гласных звуков их дифференциальные признаки.
3. Перечислите огубленные гласные звуки.
4. Приведите классификацию гласных звуков с точки зрения ряда их образования (учитывая место подъема языка).
5. Приведите классификацию гласных звуков с точки зрения подъема (учитывая степень подъема спинки языка). В каком направлении поднимается язык? Ответьте на вопрос, используя уже известную вам схему речевых органов (в начале гл. 3).
6. В чем заключается аккомодация гласных фонем под ударением (рядом с согласными)?
7. Сопоставьте приблизительно, по вашим сведениям, количество модификаций согласных и гласных фонем. Где их число больше?
8. Расскажите о фонетической природе русского словесного ударения. Найдите в словах (в ваших примерах) ударный и безударные слоги.

§ 16. Гласные фонемы в безударном положении (слабые позиции)

Безударные гласные в русском языке отличаются от соответствующих ударных гласных полного образования меньшей четкостью (менее энергичной артикуляцией), а также сравнительной краткостью, приводящими к изменениям в степени подъема и по ряду. Эти изменения называются **редукцией**. Она определяется положением гласного по отношению к ударному слогу, а также твердостью-мягкостью предшествующего (иногда и последующего) согласного. Различаются, по крайней мере, две степени редукции: меньшая – в 1-м предударном слоге и большая – в других безударных слогах.

Для безударных фонем <а, о, э> характерны такие качественные изменения гласных, когда редуцированный звук сильно или значительно отличается от исходного: происходит **качественная редукция**. Гласные фонемы <у, и> (звуки [у, и, ы]) в безударном положении изменяются не так резко – теряют в долготе, силе (количественная редукция). Например, в словоформах [уму́, сыры, ид'и] и т.д. в безударных слогах произносятся приблизительно те же гласные, что и под ударением, но несколько ослабленные, более открытые и краткие. Количественную редукцию в транскрипции обозначать не принято.

§ 17. Гласные фонемы в 1-м предударном слоге (слабая позиция)

После парных твердых согласных. В исконно русских словах, а также в подавляющем большинстве заимствованных слов на месте фонем <о> и <а> и гиперфонемы <о/а> (см. § 6) в 1-м предударном слоге после твердых согласных произносится звук [ʌ], при котором раствор рта чуть меньше и подъем языка чуть выше, чем при образовании звука [а] в ударном слоге. Примеры:

[вЛд́а, нЛѓа, грЛз́а, вЛл́ан; трЛв́а, сЛды, глЛз́а, мЛйс; сЛм́а] (*сома* и *сама*).

После мягких согласных. На месте фонем <а, о, э> в 1-м предударном слоге после мягких согласных обычно произносится звук типа безударного [и] (качественная редукция). Само исконное <и> в 1-м предударном слоге, количественно редуцируясь, произносится с меньшим подъемом языка, чем под ударением, и приближается к произношению звука [и] на месте безударных фонем <а, о, э> после мягких согласных. Таким образом, при изменении форм слов <п'ат', с'эм', с'о́ла>, а также в словах, однокоренных с <л'ис>, на месте гласных фонем <а, э, о, и> в 1-м предударном слоге произносятся практически одинаковые звуки (*пяти, семи, селá; лисá*). Это приводит к омофонии, т.е. к неразличению на слух, словоформ *лесá* и *лисá, мелá* и *милá* и т.д.

В определенных речевых условиях на месте фонем <а, о, э> после мягких согласных в 1-м предударном слоге нередко слышится гласный, средний между [и] и [э], т.е. [и^э] или даже [э^и]. В этих случаях звучание словоформ *лесá* и *лисá, мелá* и *милá* и др. различается и они не являются омофонами.

После твердых шипящих и [ц]. На месте фонемы <а> (и гиперфонемы <а/о>, зачастую в иноязычных по происхождению словах) в 1-м предударном слоге после [ш, ж, ц] произносится, по общему правилу, редуцированный звук [Λ]. Примеры: [жЛр́а, шЛл́ун, шЛф'ор, жЛнгл'ор, жЛк'ей, цЛр́апнут'] и др.

На месте фонем <э, о> после твердых шипящих, а также на месте непроверяемой *е* после [ц] в 1-м предударном слоге слышится редуцированный звук [ы^э]. Примеры: [жы^эна, жы^эсто́к'ий, жы^эс'т'áн'ш'ик, шы^эпта́т', шы^элкá, шы^эс'т'й, цы^элá, цы^элу́йу] и др.

В той же позиции при определенных речевых условиях (логическое выделение и т.д.) нередко слышен звук, по своему качеству средний между [э] и [ы], т.е. [э^ы].

§ 18. Гласные фонемы в других безударных слогах, кроме 1-го предударного (слабые позиции)

Фонемы <а, о> в абсолютном начале слова. На месте фонем <а, о> в абсолютном начале слова, притом не только в 1-м предударном, но и в более удаленных от места ударения слогах – 2-м, 3-м и т.д. предударных (но не после предлога, оканчивающегося на согласный), произносится звук [Λ], ср.: [ó]сы – [Λ]сы, [ó]птик – [Λ]птический, [ó]рден – [Λ]рденá, [ó]тнять – [Λ]тнять, [ó]тзвук – [Λ]тзвátь, [á]встрия – [Λ]встри́йский, [á]дрес – [Λ]дресá, [а]кт – [Λ]ктíровать, [á]нгел – [Λ]нгелóчек и т.д.

После предлогов на твердый согласный (*с, из, от, под* и др.) в начале следующего слова на месте <а, о> произносятся разные звуки в зависимости от положения безударного гласного по отношению к ударному слогу. В 1-м предударном слоге, по общему правилу, слышится [Λ]: [сΛкнá], *под* [Λ]рлóm, [изΛсý, ΛтΛфстр'ýй]ского и т.д.

Во 2-м и других предударных слогах после предлогов на согласный в начале самостоятельного слова произносится очень краткий (редуцированный) гласный среднего ряда и среднего подъема [ъ] (обозначается буквой «ер»). Длительность 2-го предударного в 4–5 раз короче длительности ударного [á] [Богомазов, 2001, 20]. По месту подъема языка этот звук приблизительно такой, как и звуки [а] и [ы]. По степени подъема языка он занимает среднее положение между гласным [ы] (верхнего подъема) и [а] (нижнего подъема). Примеры: [ΛтýднÁвó, сýгурцá'м'и], *под*[ýгАрóд]ом, [изýфтΛмá]та и т.д.

Гласные фонемы после парных твердых согласных в различных безударных слогах, кроме 1-го предударного. На месте фонем <а, о> во всех безударных слогах, кроме 1-го предударного и абсолютного начала слова, – во 2-м, 3-м и других предударных и заударных слогах – произносится звук [ъ]. Примеры: [стýр'икá, стýрЛнá, сýрýкЛвó'й; нáстýр'ну, вýскýзът'] и др. Словоформы *яблоко* – *яблоká*, *дело* – *дéла* и т.д. произносятся

ся одинаково – со звуком [ъ] на конце; точно так же одинаково произносятся формы *заходило* (ср.р.) и *заходила* (ж.р.), *бывало* и *бывала* – с [ъ] на конце.

В конце высказывания перед паузой на месте заударных <а, о> в конечном открытом слоге может произноситься более открытый и менее редуцированный гласный [Λ].

Гласные фонемы после мягких согласных в различных безударных слогах, кроме 1-го предударного. На месте фонем <а, э, о> после мягких согласных в безударных слогах (кроме 1-го предударного), в том числе заударных, слышится сильно редуцированный звук более переднего образования, чем [ъ], обозначаемый буквой [ь] («ерь»). Примеры: [с'ър'и'ебрó, б'ър'ьгЛвóй, ш':ьтЛвóт, п'ьтЛч'óк, пр'ьмЛтá; вь'н'ьсу, вь'кл'ьн'ч'ил, плó'ш':ьт'; двó'йь, пó'л'ь, знá'н'ийь, дЛбр'ейь, крЛбó'т'ь, двЛр'án'ь, фш':ás'т'йь; знá'йьт'ь, ч'итá'йьш, кó'л'ьт, суч'т'ьл'ьм, бра'т'йьф, т'уч'ьй, пр'эжн'ьвь, бл'эзн'ьй, крЛс'й'вь'й] и т.д.

В конечном слоге вместо [ь], в особенности перед паузой, может произноситься менее редуцированный звук типа [и], а в определенных текстовых условиях [и^н] или даже [э^н]: [фпó'л'и~л'и^н~л'э^н, Лсь'н'и~н'и^н~н'э^н] и т.д.

Однако в окончаниях и суффиксах на месте заударной фонемы <а> после мягких согласных произносится звук [ъ]: [н'ид'эл'ь, прыг'ун'йь, плá'т'йь, кЛлó'с'йьм, д'ир'ев'йьх, т'уч'ьм'и, дóбр'йь; ч'итá'йь, плá'ч'ь] и др. Значит, в окончаниях и суффиксах после мягких согласных различаются, с одной стороны, заударные <о, э>, представленные звуком [ь], и заударная фонема <а>, на месте которой звучит [ъ]. Однако этот звук [ъ] после мягких не всегда устойчив и зачастую заменяется более передним [ь]: [зán'ьт~ьт, прó'с'ьт~ьт, нá'ч'ьл~ьл, ст'ул'йьм'и~ьм'и, т'уч'ьм'и~ьм'и] и др.

Гласные фонемы после твердых шипящих и [ц] в различных безударных слогах, кроме 1-го предударного. Фонемы <а, о, э> (или гиперфонема <а/о/э>) в безударных слогах, кроме 1-го предударного, после [ш, ж, ц] произносятся, по общему правилу, в виде звука [ъ]: [шг'луны́, ж'ьргЛн'йьзм, ц'ьхЛвó'й,

цълАва'т', шълкАв'йць, фшгьс'т'иром, жълАбók; кóжньный, нóшь, двац'ьт', д'ьв'йць, вйшгъл, кúр'ицьй] и др.

Гласные в окончаниях существительных среднего рода в форме именительного и родительного падежей единственного числа после твердых шипящих и [ц] звучат зачастую одинаково, как [ъ]: *сёрдце* и *сёрдца*, *сólнце* и *сólнца*, *лóже* и *лóжа* и др.

Однако в большинстве заударных окончаний на месте фонемы <э> (или непроверяемой *e*) после [ш, ж, ц] произносится звук типа [ы^э]; ср.: [влóжы^э, Астóрьжы^э, нЛú'лицы^э, вн'йшы^э, кч'áшы^э, кстрáжы^э, крукАв'йцы^э] – предложный падеж единственного числа существительных всех родов, дательный падеж единственного числа существительных женского рода; [нáшы^э, вáшы^э] – притяжательные местоимения среднего рода; ср. также [т'йшы^э, мён'шы^э, хúжы^э, бл'йжы^э] – суффиксы сравнительной степени прилагательных, наречий; [дáжы^э, тóжы^э, тákжы^э] – финали служебных частей речи и мн. др. Отмечается значительная разница между заударными и предударными слогами [см. Богомазов, 2001, 63–64].

Сочетания безударных гласных. На месте сочетаний гласных фонем <ао, оо> во 2-м и 1-м или 3-м и 2-м предударных слогах произносится обычно [АА], т.е. гласный [А] слышится не только в 1-м предударном слоге, но также и в 3-м и во 2-м: [нААкн'э, пААдно'й, нААбúм, сААтв'эцствьвт', вААбрАжэ'н'ийь, вААпш'э] и др.

В предударных сочетаниях *eo, ea, io* на месте *o, a*, будь они и во 2-м и в 3-м предударных слогах, неизменно произносится звук [А]: [н'ьАкурáтньный, н'иАднАвó].

В других сочетаниях (например, *oi, ai, ou, au*) на месте *o, a* во 2-м предударном слоге, по общему правилу, произносится [ъ]: [пъйгрá-т', нъйзú-с'т', нъугáт, пьукá, пьугАвóру] и т.д. [Аванесов, 1984, 87–110].

Безударный вокализм – основные случаи нейтрализации гласных фонем – может быть схематично представлен следующей таблицей:

Абсолютное начало слова	2-й и другие предударные прикрытые слоги	1-й предударный слог	Гласная фонема	Звучающий слог (не финаль)	Конечный открытый звучащий слог
[Λ]	П о с л е п а р н ы х т в е р д ы х с о г л а с н ы х				
	[Ъ]	[Λ]	< а >	[Ъ]	[Ъ ~ Λ]
			< о >		
[Ъ]	П о с л е т в е р д ы х ш и п я щ и х и [ц]				
	[Ъ]	[Ы ^о]	< о >	[Ъ]	[Ъ ~ Ы ^о]
			< э >		
[Ь]	П о с л е м я г к и х с о г л а с н ы х				
	[Ь]	[и ~ и ^о]	< а >	[Ъ ~ Ъ]	[Ъ]
			< о >	[Ь]	[Ь ~ и ^о]
			< э >		

Упражнение 8. Затранскрибируйте данные сочетания слов.

Буровая вышка, попросил не приходить, отдать на дом, в старом доме, не слышно топота, травяной покров, необходимые пояснения, умеет отобрать, в инородное тело, еловый лес, убрала в квартире, из острого желания, невидимые слезы, отвели под огород, слетает шелуха, последний сантиметр, в театральной ложе, желтизна щек, вшестером не управимся, плясал от души, единый подход, в итальянском кинофильме, какая-то неуязвимая, решительно объяснить, перевязала чем могла, решительно объяснить, наклеивать ярлыки, береговая охрана, близлежащая площадь, счастливая поездка, башенные часы, банку сливового варенья, дельное соображение, витать в облаках, изящное сооружение, не отобрала вовремя, неизгладимые впечатления, ни единого звука, благие пожелания, выиграть решающий матч, у островов в низовьях реки, во избежание перегрева, неестественное положение, агрессивные устремления, на пять часов, пятьдесят тысяч, первичные ячейки.

§ 19. Фонематическая транскрипция

Фонематическая транскрипция передает каждую словоформу по составу фонем, не отражая возникающих в слабых позициях модификаций согласных и гласных. Она применяется при морфемном и словообразовательном анализе, где важна структурная, а не произносительная сторона, обнаруживая тем самым уже упомянутую выше тесную связь словообразования и морфологии с фонемным строением словоформ. В фонематической транскрипции каждая фонема независимо от позиции ее реализации передается всегда одним и тем же знаком. Такая форма записи словоформ нуждается в значительно меньшем количестве знаков, чем транскрипция фонетическая, так как количество фонем меньше, чем число их модификаций (особенно среди гласных). Фонематическая транскрипция близка к русской системе орфографии, где главенствует морфемный принцип (каждая морфема в составе словоформ должна передаваться на письме буквами так, как если бы каждая обозначаемая фонема в морфеме находилась в сильной фонетической позиции).

Текст фонематической транскрипции рекомендуется заключать в ломаные скобки: < >. Чтобы не усложнять запись, гиперфонемы представлены как непроверяемые фонемы. В этих случаях, когда в морфеме (приставке, корне, суффиксе, окончании) невозможно поставить фонему в сильной позиции и тем самым установить ее качество, ограничимся соответственным орфографическим обозначением. Такие случаи в приведенном ниже образце фонематической транскрипции выделены курсивом. Соседние морфемы отделены дефисом.

Текст для транскрипции. *«Роман, так сказать, наиболее предрасполагает к глубокому познанию окружающей нас огромной жизни, а не к попыткам представить свое маленькое “я” центром мироздания. Этот жанр по природе своей представляет самый широкий плацдарм для художника-реалиста. Многие молодые течения в искусстве отвергают реализм, исходя из того, что он будто бы отслужил свое. Не боясь упреков в консерватизме, заявляю, что придерживаюсь противоположных взглядов,*

будучи убежденным приверженцем реалистического искусства» (М.А. Шолохов).

Фонематическая транскрипция. < роман так сказ-ат' наибол'-эжэ пр'эд-роз-по-лог-ај-от к глуб-ок-ому по-знан'-иј-у окруж-ај-уш':-ој нас огромн-ој жи-зн'-и а н'э к по-пит-к-ам пр'эд-став'-и-т' свој-о мал-эн'к-ојо ја цэнтр-ом м'ир-о-здан'иј-а || эт-от жанр по пр'ирод-э свој-эј пр'эд-ставл'-ај-от сам-иј шир-ок-иј плацдарм дл'а худож-н'ик-а-р'эал'-ист-а || мног-ијэ молод-иј'э т'эч'-эниј-а в искусств-э от-в'эрг-ај-ут р'эал'-изм ис-ход'-а из то ово што он *будто* би от-служ-и-л свој-о || н'э бој-а-с' у-пр'ок-ов в консэрват'-изм-э за-јавл'-ај-у што при-д'эрж-ива-ј-у-с' прот'ив-о-по-лож-н-их вз-гл'ад-ов будуч'и уб'эжд'-онн-им при-в'эрж-онц-ом р'эал'-ист'ич'эск-ово искусств-а ||>

Вопросы и задания к § 15–19

1. Что такое редукция безударных гласных?
2. Расскажите о произношении гласных фонем в 1-м предударном слоге после парных твердых, после мягких согласных, после твердых шипящих и [ц]. Во всех случаях приведите примеры.
3. Расскажите о произношении безударных <а, о> в абсолютном начале слова, в прикрытых безударных слогах, кроме 1-го предударного. Приведите примеры.
4. Расскажите о произношении безударных <а, о, е> после мягких согласных в различных безударных слогах, кроме 1-го предударного. Касаясь каждого случая, приведите примеры.
5. Расскажите о произношении безударных <а, о, е> после твердых шипящих и [ц]. Приведите примеры.
6. Расскажите о произношении сочетаний безударных гласных фонем. Приведите примеры.
7. Что такое фонематическая транскрипция? Предложите примеры фонематической транскрипции отдельных словоформ и целых фраз. В чем фонематическая транскрипция близка к русской орфографии?

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. – 7-е изд.– М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. – М.: Просвещение, 1977.
- Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – С. 60–97.
- Виноградов В.А. Лингвистика и обучение языку. – М.: Наука, 2003.
- Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. – Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1983.
- The principles of the International Phonetic Assotiation. – London: Acad. print, 1949 (reprinted 1965).

Глава 5. ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

§ 20. Особенности русской графики

Отношение букв к обозначаемой ими звуковой речи рассматривает графика. Современная русская графика восходит к так называемой кириллице – алфавиту, созданному в основном на базе древнегреческого и названному по имени славянского просветителя Константина (Кирилла) Философа (IX в.). На Руси кириллица введена с X–XI вв. в связи с принятием христианства. Приспособление этого алфавита к русскому языку шло постепенно и получило свое юридическое оформление в двух законодательных актах: личной корректуре Петра I (1708–1710 гг.) и декретах советской власти (1917–1918 гг.). Материал для декретов взят из трудов орфографической подкомиссии Императорской Академии наук под руководством главы Московской лингвистической школы акад. Ф.Ф. Фортунатова (подкомиссия работала начиная с 1904 г.).

Буквенная запись отражает фонемный состав языка. Однако в русской графике букв меньше (33), чем фонем в языке (41). Заметное упрощение достигается благодаря универсальному обозначению на письме твердости-мягкости большей части согласных фонем. Для обозначения 30 парных твердых и мягких согласных употребляется только 15 букв, а на твердость или мягкость согласной фонемы указывает на письме последующая буква гласной *а, о, у, ы* или *я, ё, ю, и* (ср. *мал – мял, мыл – мил, мол – мёл, лук – люк*). Там, где парный по твердости-мягкости согласный находится не перед гласной, его твердость или мягкость обозначается отсутствием или наличием буквы *ь* (ср. *горка – горько, мол – моль*). Следовательно, в случае с парными по твердости-мягкости согласными единица письма и чтения – не отдельная буква, а буквосочетание, являющееся цельным графическим элементом.

Перед звуком, обозначенным буквой *е*, может произноситься как парный мягкий согласный (в огромном большинстве слу-

чаев), так и парный твердый (в части слов иноязычного происхождения); ср. *метр* [м'] 'единица меры' – *метр* [м] 'учитель', а также *стен*, *тело*, *тема* и, с другой стороны, *стенд*, *стек*, *тембр*. Здесь отсутствует информация о твердости или мягкости предшествующего согласного, чтение конвенционально, основано на языковом узусе, на знании слова.

Вне пар по твердости-мягкости находятся <ш, ж, ц>, как постоянно твердые, и <ч', ш' >, как постоянно мягкие фонемы. Написание букв *а, о, у* после букв, обозначающих мягкие согласные *ч, щ*, и написание после твердых согласных фонем гласных букв *е, ё, и* (а в заимствованных словах иногда и букв *ю, я*) является отступлением от принятой в русской графике системы обозначения твердости-мягкости. Эти отступления, сложившиеся исторически, сохраняются потому, что указанные согласные не являются членами пар по твердости и мягкости. Внепарная твердость <ш, ж, ц> и мягкость <ч', ш':> обозначена самими буквами и не требует дополнительного обозначения на письме.

Учитывая это, желательным было бы устранить разнобой, например, в установленных написаниях *цы – ци* (ср. напр. *цыган*, но *циновка*), поскольку после остальных непарных по твердости-мягкости согласных принято единое обозначение фонемы <и> (через букву *и*). Уменьшение числа неоправданных с фонологической точки зрения исключений должно привести к разумному и научно обоснованному упрощению правил русской графики. Это предлагала в 1964 г. Орфографическая комиссия АН СССР, в которой видную роль играл М.В. Панов.

Важной особенностью русской графики является отсутствие особой единой буквы для обозначения фонемы <ј>. Отступлениями от действующих в русском языке правил обозначения фонемы <ј> можно считать написания слов иноязычного происхождения с буквосочетанием *ьо* вместо *ьё* (*почтальон*, *медальон*, *лосьон*, *батальон* и др.; ср. *бельё*, *польём* в исконно русских словах), написания сложносокращенных русских слов с сочетаниями *ьо, ья, ьу, ью* (ср. *сельхозкруг*, *сельхозаэродром*, *Дальуголь*, *стройучасток*), обозначение начального в слоге <ј> в многих словах иноязычного происхождения через *й*: *йод*, *йог*,

йот, йеменский, майор, район, майолика, майонез и др.

Упражнение 9. Указывает ли на твердость или мягкость предшествующего согласного последующий пробел или графема-буква, выделенная в словах?

Парашют, тест, житель, щедрый, люди, отель, мышь, тесто, лёд, стажёр, цыган, сын, пастель, дисплей, жир, циновка, стенд, мыться, плач_ (детей), пыл_ (души), пыль, шоссе, мел, горка, горько.

Упражнение 10. Где в выделенных буквосочетаниях или буквах соблюдается основной принцип обозначения фонемы <j> перед гласным звуком, а где имеется отступление от этого принципа?

Изъян, судя, ёлка, почтальон, Йошкар-Ола, мою, Гойя, яма, ёж, йог, майор, фейерверк, синьор, моё, адьютант, Нью-Йорк, лосьон, стройучасток, карьера, юг, батальон, Йоханнесбург, Минюст, компаньон, йеменский.

§ 21. Принципы русской орфографии

Орфография – это совокупность правил, устанавливающих единообразную передачу на письме морфем и словоформ, слитных, дефисных и отдельных написаний слов и их частей, употребление прописных букв, буквенных аббревиатур, сложносокращенных слов и графических сокращений, способов переноса слов. Передача на письме словоформ и морфем связана с фонематическим ярусом.

Основной принцип русской орфографии заключается в том, что каждая морфема в составе словоформы должна передаваться на письме буквами так, как если бы каждая обозначаемая фонема в морфеме находилась в сильной фонетической позиции. Согласно этому морфемному принципу пишется одинаково в любых словоформах, например, корень *-вод-* : [вóд]ный, [вЛд]а, [вѣд]овóз, за[вѣт'] и др.; приставка *под-* : [пó·д']нял, [пЛц']сел, [пѣд]рубить, [пѣч']черкнуть, [пѣт]плывать и др.; суффикс *-от-*:

дрем[óт]а, *крас*[Лт]а, *пах*[ът]а; окончание *-ому*: *прост*[óму], *сам*[ьму], *сам*[Амú] и т.д.

В русском письме не отражаются позиционные изменения фонем, например, редукция безударных гласных, оглушение-озвончение или ассимиляционное смягчение согласных. Вместе с тем в написаниях ясно видны исторические чередования гласных и согласных, которые в настоящее время не являются уже живыми, позиционными. Это, например, чередование <о, е> / нуль звука (*ров* – *рв-а*, *весь* – *вс-я*); <о/а> (*добр-ый* – *за-дабривать*); <г/ж, к/ч', х/ш> (*дорог* – *дорож-е*, *пеку* – *печ-ёшь*, *горох* – *горош-ина*) и т.д.

Имеется ряд отступлений от основного орфографического принципа.

1. Ряд приставок, корней, суффиксов и окончаний пишется в соответствии с их звучанием, когда буквой обозначается не фонема, а ее звуковая реализация в слабой позиции. Такие написания называют **фонетическими**:

а) приставки с чередующимися конечными [з/с] (*без-*, *воз-*, *раз-* и т.д.) имеют двойное написание. Приставка *раз-* выступает даже в четырех вариантах, так как на письме отражается не только чередование з/с, но и а/о: *розвальни* – *развал*, *расписка* – *роспись*, *рбзлив* – *разлív* и т.д.;

б) в корнях с начальной <и> после приставок на согласную пишется обычно *ы* (*предыстория*) и т.д.;

в) отдельные корни отражают на письме чередование гласных и согласных: *зори* – *заря*, *рост* – *расти*, *скакать* – *соскок*, *сватать* – *свадьба*, *отверстие* – *отверзать* и т.д.;

г) в существительных после шипящих согласных корня пишется под ударением суффикс *-ок*, без ударения *-ек*, ср. *петушок* – *орешек* и др.;

д) в окончаниях прилагательных мужского рода в форме именительного падежа под ударением пишется *-ой*, без ударения – *-ый*, *-ий*: *простой*, *большой* – *добрый*, *хороший*, *синий* и т.д.;

е) в окончаниях существительных и прилагательных после шипящих и **ц** под ударением пишется *о*, без ударения *е*: *свечой*, *овцой*, *чужой* – *тучей*, *улицей*, *свежей* и т.д.

2. В русском письме имеется ряд беспроверочных написаний, в которых нельзя установить, какую фонему обозначает та или иная буква, т.е. слабая позиция фонемы не проверяется сильной (гиперфонема – термин МФШ). Так, в любых формах словообразования и словоизменения ударение в основах слов, например, *собака, топор, болтать, морковь и сарай, барак, барабан, лапша* сохраняется на одном и том же слоге. Обозначение гласного [А] предударного слога буквами *о* и *а* обязано этимологии этих слов, а не выводится из современных отношений. Имеются случаи, когда проверка может привести к ошибке. Ср. *пловец* и *плавучий* при наличии в ударном слоге только [а]: *плáвать*.

Иногда невозможно проверить слабую позицию и у согласных. Например, не проверяется глухость-звонкость согласных, первых в сочетаниях; ср. *зигзаг, экзема, ковш, искать, вокзал, экзамены, анекдот, футбол, Афганистан, Кавказ, космонавт, абстрактный* и др. Нельзя проверить написание непроизносимых согласных в словах *лестница, чувство* и др.; правильность написания согласного *г* в окончаниях *-ого* прилагательных и местоименных слов мужского и среднего рода в форме родительного падежа (*красного, моего* и т.д.); глухость-звонкость конечных согласных в окончаниях глаголов *идут, горит, несёшь* и т.д., в окончаниях существительных в форме родительного падежа множественного числа *-ов* (*столов* и т.д.); нельзя проверить глухость-звонкость согласных в финали наречий (*настежь* и т.д.), в суффиксе деепричастия *написав* и др. Такие написания называют **историческими**, или **традиционными**, и при обучении орфографии их рекомендуют просто запоминать. В прошлом многие подобные написания соответствовали произношению; так, в древнерусском языке <ш, ж, ц> были мягкими, поэтому после них закономерно писалась буква *и*. Исторические написания могут и не соответствовать этимологии слова.

Традиционных написаний в русской орфографии сравнительно немного, а между тем для французского и в особенности для английского языков исторический принцип орфографии является ведущим.

3. С помощью орфографии условно разграничиваются омофоны, имеющие тождественное фонемное строение. Такие написания называются **дифференцирующими**, иногда **грамматическими**; ср. *туш* – *тушь*, *плач* – *плачь*, *ожог* – *ожёг* и др. К дифференцирующим относятся также написания *компания* – *кампания*, *бал* – *балл* и др. [Аванесов, 1984, 245–275; Иванова В.Ф., 1976].

Упражнение 11. Какие выделенные написания соответствуют, а какие не соответствуют основному (морфемному, или морфологическому) принципу русской орфографии?

Расположен, вода, подрубить, подчеркнуть, воспламенить, помощник, сплошь, ожёг, щека, сверхизысканный, загорать, пахота, предыстория, делает, роскошь, самому, контригра, лезть, синей, синего, подступ, пловец, безвкусный, берёзовый, выращенный.

Упражнение 12. Какие отступления от основного (морфемного, или морфологического) принципа русской орфографии допущены в выделенных буквах – фонетические, исторические (традиционные), дифференцирующие? Определите тип приведенных написаний.

Истопить, тушь, развал, загорать, зигзаг, расписка, (прозвучал) туш, поджёг, роспись, экзема, поджог, компания, лестница, предыдущий, расти, кампания, мяч, чувство, орешек, добрый, балл, бал, красного, роскошь, товар.

Упражнение 13. В каких инициально-буквенных аббревиатурах нормативно, т.е. принято, неалфавитное название согласных букв, а в каких нормативно алфавитное чтение названий согласных?

ВВЦ, СНГ, ЦБ РФ, СБ, МХТУ, НСО, ФРГ, МУСЗН, ЛДПР, РУДН, ЦРУ, ВТО, РГДУ, ФБР, МГПУ, БТР, МГУ, ПТУ, ЦСУ, ГИБДД, США, ФСБ.

Вопросы и задания

1. К какому шрифту восходит современная русская графика и когда она получила свое юридическое оформление?
2. Благодаря какому фонологическому ряду достигнута экономия букв в русском алфавите? Сделайте арифметический подсчет такой экономии.
3. Что является цельным графическим элементом при отражении на письме парной твердости-мягкости согласных? Приведите примеры.
4. В чем заключается конвенциональность русского письма при передаче парных по твердости-мягкости согласных перед буквой *е* в словах иноязычного (западного) происхождения? Приведите примеры твердого или мягкого звучания согласного в этих случаях (пользуйтесь данными из орфоэпического словаря).
5. Обозначена ли на письме твердость или мягкость согласных *ш, ж, ц, ч, щ*?
6. Назовите случаи и приведите примеры разнобоя (исключений) в русской графике, опирайтесь на данные справочников по правописанию.
7. Расскажите об отступлениях от действующих в русском языке правил передачи на письме фонемы <j>. Приведите примеры.
8. Перечислите титульные разделы, на которые делится русская орфография.
9. Сформулируйте основной принцип русской орфографии. Приведите соответствующие примеры.
10. Назовите примеры отступлений от основного орфографического принципа при написании разных частей слова (приставок, корней, суффиксов, окончаний).
11. Объясните, что такое беспроверочные написания. Как они связаны с русской фонологией (концепция МФШ)?

ЛИТЕРАТУРА

Богомазов Г.М. Современный русский литературный язык: Фонетика. – М.: Владос, 2001. – С. 175–220.

Бодуэн де Куртенэ И.[А.] Об отношении русского письма к русскому языку. – СПб.: Унив. тип., 1912.

Букчина Б.З., Чельцова Л.К. Орфографическая комиссия 1963–1964 годов // Жизнь языка: сб. статей к 80-летию М.В. Панова / сост. Л.А. Капанадзе; отв. ред. С.М. Кузьмина. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 391–394.

Гвоздев А.Н. Основы русской орфографии. Об основах русского правописания // А.Н. Гвоздев. Избр. работы по орфографии и фонетике. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. – С. 27–86, 213–248.

Иванова В.Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1976.

Касаткин Л.Л. Современный русский язык. Фонетика. – М.: Академия, 2006. – С. 223–248.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). – М.: Наука, 1965.

Панов М.В. Об усовершенствовании русской орфографии // М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. – Т. 1 / под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 522–537.

Щерба Л.В. Теория русского письма. – Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1983.

Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) // А.А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. – М.: Наука, 1970. – С. 123–148.

Глава 6. ПРОСОДИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

§ 22. Сегментные и суперсегментные единицы

В фонетике принято называть фонемы и их репрезентанты (звуки) сегментными единицами. Остальные типы единиц относятся к более высоким фонетическим ярусам, являются как бы «надстройкой» над фонематическим ярусом. Особенность этих единиц (сравнительно с фонемой, звуком) такова, что подавляющее большинство из них не может быть изолировано и воспроизведено (хотя бы искусственно), так как всегда накладывается на некоторую последовательность фонем (звуков) [Реформатский, 1975, 58, 71].

Суперсегментные единицы – это строение слога, единство фонетического слова, структура синтагмы, фразы и т.д. По общему правилу, единицы более высокого яруса состоят из единиц низшего ранга, т.е., например, фонетическое слово распадается на слоги (которые состоят из сегментных единиц – звуков), синтагма, в свою очередь, состоит из ряда фонетических слов и т.д. В сущностную характеристику единицы нижележащего яруса входит та роль, которую она играет в качестве составной единицы в категории следующего, верхнего ранга (яруса). Так, для описания фонемного (звукового) яруса мы привлекали просодические единицы – понятия фонетического слова (для определения сильных и слабых позиций), слога и словесного ударения (например, в вокализме). Так, синтагма получает свою характеристику, функционируя в составе фразы, а фраза, в свою очередь, как составная часть единицы коммуникации – текста (или его части – сверхфразового единства).

Просодические средства выполняют функцию организации речевого потока. Объединяя фонетические единицы, находящиеся на более низком иерархическом ярусе, в единицы более высокого иерархического ранга (слоги в фонетические слова и синтагмы, синтагмы во фразы и т.д.) и одновременно членя поток звучания на указанные фонетические единицы, просодиче-

ские средства обеспечивают тем самым единство и членимость речевого потока.

Каждая из просодических единиц имеет свои особенности, проявляющиеся на соответствующем фонетическом ярусе. Например, для слога как просодической единицы важнейшую роль играет проблема слогаделения в речевом потоке, для фонетического слова – функции словесного ударения, для синтагмы – фонетические закономерности, обусловленные непрерывностью звучания в пределах определенной длительности, и понятие синтагматического центра, а для фразы ведущую роль играют интонационные конструкции. Не все просодические единицы коррелируют со значимыми единицами языка. В русском языке незначимым является слог, нет прямой и детерминирующей связи со значением у синтагмы. С другой стороны, без помощи значения нельзя точно определить границы фонетических слов, тесно связаны со значением и являются выразителями коммуникации интонационные конструкции и такие фонетические единицы высшего яруса, как фраза, сверхфразовое единство (СФЕ).

§ 23. Слог

Слог – не сумма составляющих его звуков, а качественно новая единица. При артикулировании слога мы произносим его звуки не по отдельности, а определенным образом объединяем их. Слог спаян изнутри явлениями аккомодации одного звука другому; коартикуляция (взаимная адаптация звуков, см. § 4) выявляется в первую очередь в пределах слога. В слогах типа «согласный + гласный» (СГ) все движения для произнесения гласного, не противоречащие артикуляции согласного, начинаются с самого начала слога, т.е. на участке согласного; в слоге типа ССГ, имеющем два смычных согласных, смычка второго согласного начинается на территории смычки первого. В слоге с последующим огубленным гласным [у] или [о] предыдущие согласные произносятся тоже с огублением (проследите за по-

ложением губ при произношении согласных, например, в слогах *егу, стро и стра* и т.д.).

При восприятии, например, согласного звука (в слоге СГ) слушающий распознает его («принимает решение») только после анализа последующего звука, т.е. при идентификации согласного слушатель анализирует весь слог.

Явления аккомодации в разных типах русских слогов проявляются в разной степени: слог СГ отличается, как уже было сказано, очень большой взаимосвязанностью и слитностью (в частности, дифференциальные характеристики согласных по месту и способу образования, а также по твердости-мягкости реализуются именно в слоге), а в последовательности ГС каждый из элементов меньше поддается аккомодации, влиянию друг на друга. О связи степени аккомодации со слогоделением см. [Богомазов, 2001, 50].

Такие суперсегментные характеристики фонетического слова, синтагмы и фразы, как разные типы ударений и интонация, соотнесены именно со слогом и реализуются в слогах: некоторые ударные слоги в словоформах более выделены в речи, другие менее, большинство слогов безударные; тот или иной рисунок интонации (интонационной конструкции) создается изменением различных ее характеристик внутри последовательности слогов.

Отличаясь артикуляционным и акустическим единством, слоги служат минимальными единицами, на которые распадается звучащая речь, – это элементарные артикуляционные комплексы; физическим пределом членимости речевого потока как непрерывной ритмической последовательности является слог, а не звук. Речеобразование организуется не по отдельным звукам, а по слогам. Иными словами, слог – это минимальная единица, которую можно произнести (одиночный согласный звук произносится тоже в виде открытого слога), это самый краткий отрезок, который можно выделить при анализе артикуляционных движений¹.

¹ Здесь говорится о неразложимости слога с произносительной, артикуляционной стороны; на слух же слог (при анализе морфов) может быть разложен на отдельные звуки.

Выделение слогов в словоформе происходит не на основе значений, а только по фонетическим характеристикам. Основным типом слога для русского языка является открытый слог, это общее положение. Какие же слоги конкретно типичны для русского языка, другими словами – какие произносительные стереотипы привычны для нас? В русском языке строение слога зависит от условий его реализации в слове: определенные (в том числе и самые сложные) типы слогов свойственны односложным словам, а если слово неодносложное, то некоторые структуры свойственны их начальным слогам, другие – неначальным.

Наиболее частые односложные русские слова имеют структуру ССГС (*стол*), СГС (*дом*) и СГСС (*мост*); далее идут структуры ССГСС (*власть*), СССГС (*страх*), ССГ (*сто*). Среди русских односложных слов больше таких, которые начинаются с согласных, меньше тех, что имеют согласные в конце. В многосложных словах структура слога упрощается. Самые частые в русском тексте слова состоят из двух-трех слогов элементарной модели СГ с открытым конечным слогом (типа СГСГ – *дело*, СГСГСГ – *работа*), реже употребляются слова со слогами того же типа, но с закрытым финальным слогом (СГСГС – *хотеть*, СГСГСГС – *великий*). Трехсложные слова с консонантными сочетаниями и слова более сложной структуры не входят в число широкоупотребительных.

В типичных структурах представлены слоги с консонантным началом (т.е. прикрытые слоги). Для слова в целом характерно консонантное начало, одна из типичных его структур начинается с сочетания согласных (*смена, дверь, вдруг* и т.д.), намного реже встречаются в тексте слова с конечными сочетаниями согласных. Такие консонансы обычны для середины слова, в соседстве с ударным гласным звуком, чаще всего перед ним (*нужда, пустыня, согласие* и т.д.).

Трудности изучения слога в русском языке связаны именно с тем, что он не соотносится с какими-либо значимыми единицами (с морфемой, словом, предложением), а выявляется только на основе собственно фонетических характеристик.

Каждый язык располагает своими правилами деления речи на слоги, правилами строения слогов, имеет автоматизированный силлабический стереотип в произнесении. Где проходит слогораздел в русских словоформах? В русском языке с его синтетическим морфологическим строем имеется много неслоговых морфов, состоящих из согласных, и отсутствует тесная взаимосвязь между морфными и слоговыми границами. Здесь различие в слогоразделе не используется для словоразличения.

Отсюда и подвижность слоговой границы в русском языке внутри морфов, ср. пары словоформ по их морфному и слоговому членению: *изб*, но *и-зба*, *род*, но *ро-до-вой* и т.д. В русском слоге могут существовать от одного до трех морфных стыков, ср. *при|ш|л|о|сь*. Совпадение слоговых и морфных границ довольно редко, оно встречается на стыке префикса с корнем в глаголах (напр., после приставок *при-*, *у-*, *за-*, *на-* и т.д.) [см. Современный русский язык. Теоретический курс: Фонетика, 1985, 82–86]. Для ряда иностранных языков нормально совпадение границ морфов с межслоговыми границами. Русскому языку, как показано, свойственна в целом склонность к открытому слогу: в последовательностях СГСГ, ГСГСГ слогораздел всегда проходит после гласного независимо от места морфной границы (ср. *ру-ка*, *у-тя-та*, *ро-до-вой* и др.).

Давно дебатруется вопрос о слогоразделе в русских словах с внутренними сочетаниями согласных, находящимися между гласными звуками (сонорная гипотеза, гипотеза эксплозии – имплозии и др.). Как показало исследование артикуляционных и акустических характеристик слов типа *пастух*, *патруль*, механизм организации слога в них таков: с концом первого гласного кончается и первый слог, а согласный после него ([с] в слове *пастух*, [т] в слове *патруль*) принадлежит артикуляторно следующему слогу, так как во время произнесения этого согласного уже обнаруживаются признаки гласного [у]. Говоря иначе, в указанных словах с интервокальными сочетаниями согласных сначала артикуляционно выполняется слог с гласным [А], а как только [А] в артикуляции заканчивается, начинается выполнение слога с гласным [у] [Бондарко, 1982, 65–66]. Такой харак-

тер слогоделения связан со спецификой примыкания согласного звука к предшествующему гласному звуку: в русском языке такое примыкание является слабым [см. также Богомазов, 2001, 55].

Интуитивный метод, когда в замедленной речи мы пытаемся разделить слово паузами (типа *бол-тать*, *из-ба* и т.д.), к процессу слогоделения не относится. Таким методом можно пользоваться на письме при переносе слов, однако в обычной речи мы никаких пауз между слогами не делаем, поэтому замедленное, с паузами произнесение слова не годится как критерий, основание для слогоделения. Слогораздел нужно находить, не деля слово посредством пауз [Панов, 1979, 70].

Рассмотрим другие особенности слогораздела в консонансах. Если первым в интервокальной группе согласных стоит [j, й], то он отходит к предшествующему слогу (*строй-ка*, *вой-сковой*, *свой-ство*). Кстати, [j, й] не может быть первым и в сочетании согласных в начале слова.

В сочетаниях сонорных с шумными согласными, а также в сочетаниях шумных в финали (конце) и инициали (начале) слов развивается дополнительная слоговость, когда в качестве факультативных слогиносителей с большей или меньшей регулярностью могут выступать согласные; например, могут восприниматься как двусложные словоформы *рта*, *ритм*, *ветвь*, *гипс*, *текст*, *ртуть*, *смотреть*, воспринимаются как трехсложные словоформы типа *министр*, *кстати*, *средств*, *цилиндр*, как четырёхсложные – *сентябрьский* и т.п.

Упражнение 14. Произнося с замедлением пары слов, попытайтесь ощутить явление регрессивной аккомодации (воздействие последующего ударного гласного звука на артикуляцию предшествующего согласного) в слогах типа СГ, ССГ, СССГ.

Газа – губы, дым – дам, сок – сын, тёк – тик, дыр – дуб, там – тут, тётя – тыла, рыба – рюмка, бурый – барин, дунуть – даром, трубы – тратить, восток – восстал, усталый – стынуть, стаж – стук, тряпка – трёпка, загнал – загнул, стриж – страж, вдруг – в драку.

Упражнение 15. Расставьте межморфемные (вертикальной чертой |) и межслоговые (с помощью дефиса -) границы в слово-

формах. Обратите внимание на совпадение или несовпадение этих типов границ (в отдельных словоформах имеется звук [j] в йотированных буквах).

Домашний, горячий, морфема, веснушки, рассуждения, родовой, ударение, представить, русский, взрослый, первоисточник, сопровождающий, начинают, раскатистый, частенько, понаделано, объединяемый, отмыли, распространенный, слоги, захлебнуться, ласкать, жестокость.

§ 24. Фонетическое слово

Звуковые закономерности действуют в русском языке в пределах фонетического слова (сильные-слабые позиции в консонантизме, вокализме). Фонетическое слово – это знаменательное слово с примыкающими к нему служебными словами (союзами, предлогами, а также частицами), которые объединены одним словесным ударением (*и мы́, на́ ногу, на но́ге, ты́ ли, пришёл бы́*). Фонетическое слово – это и любая знаменательная словоформа, не имеющая по соседству служебных частей речи (во фразе *Мы шли рядом* представлены именно такие фонетические слова). Признаком фонетического слова является словесное ударение, но не пауза. Пауза может разграничивать единицы более высокого уровня – синтагмы.

Вместе с тем в русской транскрипции все фонетические слова отделяются друг от друга пробелами как графическими знаками. Все служебные части речи, примыкающие к знаменательным в составе фонетических слов, пишутся в транскрипции слитно со знаменательным, так как даже при медленном темпе произнесения фонетическое слово нормально произносится без внутренней паузы. Учебный стиль произношения широко использует замедленный темп речи, при котором фраза дробится на большее число синтагм. Пределом такого распада служит именно фонетическое слово, когда виртуальная (потенциальная) пауза становится реальной. (Кроме того, вполне возможны при обычном темпе и однословные синтагмы.)

В сочетании полнозначного слова со служебным слогоделение происходит как в едином слове, «перешагивая» через границы: *и-зармии, по-докном, пере-до-бедом* и т.д. Однако при замедленном темпе русской речи (например, в скандировании) слогораздел все же делит служебное и знаменательное слово: *из-армии, под-окном*. При обычном темпе на месте <и> в инициали знаменательного слова после согласного звука, которым оканчивается предлог, произносится звук [ы] (как если бы это было после приставки в случаях типа *сыграть, предынфарктный*). Такие позиционные условия приводят к различению на слух пар типа *Кире – к Ире, Виталию – в Италию* [Реформатский, 1970, 481–482]. Перераспределение границ слога по указанным выше правилам происходит и здесь: *перед игрой (-ды-), с избы (сы-)*.

О конце русского фонетического слова сигнализирует употребление глухого согласного на месте звонкой фонемы; здесь возможны сочетания твердых и мягких согласных (типа [с + с'] *мороз сильный*, [н + н'] *он не тот* и т.д.), которые внутри слова превратились бы в один долгий мягкий. Оглушаются финальные звонкие и перед частицей на сонорную (*ли*), примыкающей к предыдущему знаменательному слову (ведь, казалось бы, перед сонорным согласным глухость-звонкость шумных должна различаться, а перед частицей на *л* этого нет, оглушение шумной как в конце слова: *продрог ли – продрогли* [кл' – гл']) [Гвоздев, I, 1963, 134–140; Панов, 1979, 168–170].

О начале фонетического слова свидетельствует употребление инициального гласного [Λ] во 2-м и следующих предударных слогах на месте <о, а>. Перед начальным э в слове всегда сохраняется твердость согласного в финали предшествующего слова: *вот эту, брат Эльзы, запах эфира*. Свообразными «отрицательными» сигналами о границе слов служат различные сочетания – например, ударных гласных, а также такие, которые внутри русского слова не встречаются ([éΛ] – *на земле Аляски*, [éэ] – *в мечте экспериментатора*, [ыá] – *народы Африки* и т.д.). На концах слов не встречаются [к', х'], в начале слова перед со-

гласным не может быть <j>, только в начале фонетического слова могут быть сочетания [кэ, кы]: *к этому, к избам*.

Выделимость фонетического слова в потоке речи едва ли основывается только на фонетических критериях. Не зная языка, невозможно определить на слух границы слов. Надежных критериев в звучании, которыми бы руководствовался слушатель, пограничных сигналов (диэрем) у фонетического слова чрезвычайно мало, они нерегулярны. Признаки звуков, оказывающихся на стыке слов, практически не используются слушателями для определения места границы между словами в тексте. Если слушатель не знает языка, на основании фонетических критериев он не может правильно определить ни количества фонетических слов во фразе, ни границ этих слов. Это происходит из-за подчиненности фонетического слова интонации синтагмы, фразы, их ритмике [Бондарко, 1981, 56 – 58].

Функция словесного ударения – объединить звуки в единое фонетическое слово, целостность которого зависит и от объединяющей «силы» ударного слога, и от свойств безударных частей. Общая ритмическая структура, которая определяется числом слогов и местом ударения в слове, а также звучание ударного слога играют в процессах восприятия речи весьма важную роль. Они являются одними из первых признаков, с которых начинается идентификация слова, и здесь у каждого языка проявляется своя специфика [Реформатский, 1975, 54].

Роль словесного ударения в разных языках различается в зависимости от его характера, грамматического использования, а также от того, фиксировано его место на определенном по порядку слоге слова или нет. В отличие от языков, где ударение «прикреплено» к определенному слогу (начальному, срединному, предпоследнему, конечному) или к определенной части слова (основе, окончанию), в русском языке словесное ударение *разн о м е с т н о е* (или *с в о б о д н о е*). Отдельные словоформы имеют четко обозначенное место ударения, но если взять язык в целом, то словесное ударение может стоять на любом по порядку слоге и любой части слова (ср. *дóрого, дорóже, дорогá* и др.). С разноместностью русского ударения связана его спо-

способность различать звучание отдельных слов и форм, например: *воро́на* – *во́рона*, *у́гольный* – *уго́льный*, *по́том* – *пото́м*, *во́ды* – *воды́*, *наре́зать* – *нарезáть* и т.д.

Разноместное ударение русского языка в одних категориях словоформ бывает *н е п о д в и ж н ы м*, т.е. при образовании грамматических форм остается на одном и том же месте (*умён*, *умна́*, *умно́*, *умны́*; *берегу́*, *бережёшь* и т.д.; *радо́сть*, *радо́сти* и т.д.), а в других – *п о д в и ж н ы м*, т.е. при образовании разных грамматических форм слова переходит с одного слога на другой, с основы на окончание и наоборот (ср.: *голо́ва*, *голо́вы*, *го́лову*, *го́ловы*, *голо́в* и т.д.; *могу́*, *мо́жешь* и т.д.; *смел*, *смелá*, *смело́*, *смéлы*).

Предлоги, союзы и частицы обычно не имеют на себе самостоятельного ударения и примыкают к самостоятельным словам, ср. *за горóй*, *не была́*, *оте́ц бы*, *приде́т ли*, *сади́сь же*. В некоторых случаях ударение переходит на предлог: *по́д гору*, *на́ пол*, *за́ ночь*. Таким образом, самостоятельные и служебные слова в сочетании имеют одно словесное ударение, составляя фонетическое слово. Если в сочетании таких слов безударным оказывается предшествующее слово, то это безударное слово называется *п р о к л и т и к о й*: [Аджáрь, пьднАго́'й]; если безударным является последующее слово, оно называется *э н к л и т и к о й*: [на́н'гу, по́д'г'ру, н'э́ск'ьм, Ат'н'о́збы, в'и́д'ишл'и]. Примеры соединения в фонетическом слове проклитики и энклитики: [пьднАго́'йт', н'э́Слмнó'йж'ь^э, Авы́ть, н'и'ты́'л'и] и т.д.

Наряду с собственно проклитиками в русском языке известны и полупроклитики, которые, имея на себе слабое ударение, не изменяют качества «ударного» гласного. Это союзы *но*, *словно*, *точно*, *то ... то*, некоторые предлоги, не порвавшие смысловой связи с наречиями (*вдоль*, *напротив*, *кроме*, *рядом с*, *между* и т.д.), частица *ну*: [тò] *шу́м вéтра*, [тò] *кри́ки ча́ек*; *напр[ò]тив проходно́й*; *скв[ò]зь ого́нь*; *знал*, *н[ò] забыл*; *приеду*, *[йè]сли подгото́влюсь*, [ну'р'á]дом (*ну рядом*) *с до́мом* и т.д.

Сложные слова, слова с префиксами *анти-*, *меж-*, *около-*, *контр-* и др. могут иметь, кроме основного, *п о б о ч н о е* (или *в т о р о с т е п е н н о е*) ударение (среди сложных много

и одноударных: *прѣдвоѣнный, сѣмостѣятельный, ѡвтомашѣна, ѡбщежѣтие* и т.д.). Побочное ударение обычно по порядку бывает первым (ближе к началу слова), а основное – вторым (ближе к концу слова), ср. *прѣдфѡргѡнизѡция, агѣтколлектив, самолѣтостроѣние, вѡдѡнепрѡницаѣмый, мѣжбиблиѡтечный* и т.д.

Кстати, русским сложным словам с второстепенным ударением свойственна особая слоговая граница, разделяющая основы: *мѣж-ѡбластной, глав-врач, Рѡс-шѣлк, трѣх-ѡктный, Мѡс-мѣбель, штаб-ѡфицер* (дефис – знак слоговой границы). Необычность здесь в том, что по правилам русского внутрисловного слога деления согласный перед стыком должен был бы отойти к следующему слогу и вместо [рѡс-шѡлк] могло получиться *[рош:ѡлк]¹, вместо [м'ѣш-А-] могло бы быть *[м'ь-жА-] и т.д. При основосложении именно морфемные границы определяют здесь место слога деления, а конечные согласные в первых основах произносятся как в конце фонетического слова (т.е. глухо): *мѣ[ш]-, Рѡ[с]-, шта[п]-, гла[ф]-*. На стыке основ при наличии второстепенного ударения обычно не бывает нейтрализации согласных фонем по признакам места и способа образования: *Рѡ[с-ш]ѣлк*, а не *[ш:], *на[р]ѣзд* а не *[цс], *ѡк[с-ч']ѡмпиѡн*, а не *[ш'ч'].

Упражнение 16. Затранскрибируйте данные фразы, определяя границы фонетических слов.

1. На дом бы доставить... 2. А это было не так. 3. А есть ли здесь смысл? 4. Вы же это от кого-то узнали? 5. Над смыслом я и не раздумывал. 6. На ноги ставить вряд ли надо. 7. Не во всем еще разобрались. 8. Тут-то и скрыта причина. 9. Под окном кто-то кашлянул. 10. Из огня да и в полямя. 11. Не по хорошу мил,| а по милу хорош. 12. А вот и вы! 13. А почему же вы не захотели? 14. А этого-то как раз мы и не ждали. 15. Не к кому обратиться с каким-то вопросом. 16. А я было подумал: | «Ушел-таки... » 17. Но мы ведь не знали об этом. 18. Куда это он сейчас пропал? 19. Отец бы не решился на это. 20. Врач было не согласился с доводами...

¹ Звездочка сверху перед примером означает, что его реально в языке нет.

§ 25. Синтагма

С ритмико-интонационной и смысловой точки зрения фраза делится не на фонетические слова, а на синтагмы – просодические единицы, представляющие собой семантико-синтаксическое и фонетическое целое. Как и у фонетического слова, в основе синтагмы лежат значимые единицы языка, которые «внешне» оформляются фонетическими средствами. Это представление о синтагме восходит к работам акад. Л.В. Щербы. В разных языках имеются свои закономерности, по которым слова организуются в синтагмы. На границе синтагмы может возникать акустическое впечатление паузы, создаваемое интонационным контрастом, или может быть реальная пауза.

То или иное деление фразы на синтагмы отражает осмысление высказывания говорящим в данной ситуации (актуальное членение)¹. На разные синтагмы в зависимости от смысла делится пример *Надо учиться работать и отдыхать*, в результате чего могут получиться три разные фразы. В организации синтагмы наряду с семантическим критерием действует также синтаксический фактор – порядок слов в предложении, степень распространенности члена предложения, наличие перечисления и т.д. Так, по-разному можно членить данную в скобках часть примера: **Как и Пушкин, Гоголь был не только художником, но и (критиком находчивым и опасным для противников полемистом глубоким и оригинальным теоретиком в области эстетики)*.

Итак, в зависимости от смысла и длины фраза может состоять (и при этом не обязательно в сопровождении знаков препинания) из одной, двух и т.д. синтагм – минимальных единиц организации и членения речевого потока, на протяжении которых реализуется интонация [см. Иванова-Лукиянова, 1988, 49–52].

¹ Чешский лингвист В. Матезиус, выдвинувший понятие актуального членения предложения в 30-е годы XX в., считал основными его элементами тему и рему. Тема – исходная основа высказывания, т.е. то, что является известным и из чего исходит говорящий; рема – ядро высказывания, то, что говорящий сообщает о теме. Происходит движение мысли от известного к новому.

Именно по признаку наличия интонации синтагма отличается от фонетического слова как нижележащей (по иерархии) единицы, не имеющей отдельного интонационного рисунка. Артикуляционным пределом членения синтагмы является слог как минимальная произносительная единица.

Синтагма в речи служит единицей порождения фразы и предложения – «порцией» смысловой, синтаксической, артикуляторной. По данным психолингвистики и теории перевода, синтагма служит и единицей восприятия: предложение воспринимается (осмысляется) и переводится с языка на язык посинтагменно.

Большое количество беспаязных синтагморазделов свидетельствует о высокой степени клиширования текста. В текстах делового, научного и публицистического стиля обилие стандартизованных элементов дает возможность не задерживать внимание слушателей на отдельных словах, а извлекать информацию из крупных речевых отрезков, заключенных между паузами. В официально-деловом, научном и публицистическом стилях синтагмы значительно длиннее (по числу слогов), нежели в художественной и разговорной речи.

В профессиональном русском чтении особые паузы обычно появляются перед новыми (нередко иностранными) именами собственными. В отличие от данного типа пауз, семантически не мотивированных (они, например, могут быть и между словами, связанными тесной семантической связью, между предлогом и именем, даже внутри сложного слова), имеются специальные паузы для выделения слов, несущих дополнительную смысловую нагрузку. Если первый тип пауз служит для удобства восприятия текста, а их назначение – ясность, отчетливость речи, то второй тип пауз выделяет наиболее важные слова в тексте и служит выразительности речи. Эти последние паузы занимают должное место в ораторском искусстве. В официально-деловых, научных и публицистических текстах паузы однообразны, официальная речь (например, у судей) лишена выразительности и индивидуального стиля. Информация и корреспонденция на

радио, телевидении нередко характеризуется такой однородностью пауз.

Дикторы читают официально-деловые тексты в немного ускоренном темпе за счет отсутствия пауз при изменении тона. Такой же темп характеризует чтение текстов публицистического стиля и научный стиль речи [Иванова-Лукиянова, 1989, 52, 73].

Единство синтагмы поддерживается случаями переразложения границ слогов на стыках слов, когда ритмическая характеристика не совпадает с границами слова как словарной единицы: *бра́[-тА-]тица́*, *Бори́[-стý-]жит*, *су́[-ты-]дѣт*; переразложение слогов на границе слов, например, превращает начальный в слове <и> в звук [ы] после твердого согласного звука в финали предыдущего слова ([кóтыпóвьр]). На стыках слов в результате регрессивной ассимиляции внутри синтагмы может озвончиться конечный согласный предыдущего слова: *морó[ж:]естóкий*, *но́[зб]оли́т*, *вѣр[ззд']ѣсятъ*¹. Ударная <э> на границе слов внутри синтагмы между мягкими согласными может произноситься как внутри слова, т.е. в виде закрытого [ѐ]: *дв[ѐ] дѣвочки* [Shapiro, 1968, 14].

В последовательности безударного и ударного слогов разных слов заударный слог первого слова может ритмически примыкать в синтагме к ударному слогу следующего слова, превращаясь таким образом как бы в предударный слог второго слова, ср. *ракéта казáлась* → *ракéт оказáлось*. Таким образом, ряд закономерностей оказывается общим как для синтагмы, так и для фонетического слова: примеры слогоделения, соотношение между ударными и безударными слогами и т.д.

Важнейшим средством, обеспечивающим единство синтагмы, является иерархия различных по силе ударений; они стоят на месте словесных ударений и имеют разный акцентный «вес». Выделяются четыре степени ударенности в синтагме.

¹ Если нет регрессивной ассимиляции по звонкости в синтагме, то в конце слова при слитном его произнесении с последующим словом слышится глухой согласный (обычная слабая по глухости-звонкости позиция): *город Уфа, вывезли, снег растает, озяб я, отряд войск* и т.д.

1. Безударные слова в синтагме. Безударными энклитиками (когда в сочетании слов ударными является первое, а на последующем нет словесного ударения) в спонтанной речи, кроме служебных слов (обычные примеры типа *она́ ли, всё́ же, откуда-нибудь*), могут быть также некоторые местоимения: *чего́ это он...* [ч'и'э'вобъть], *куда́ вы бежи́те, где́ он сейча́с*; частые в речи вводные слова (*так сказа́ть, говори́т*), разговорное обращение *брат: о́ни, брат...* [Ан'й'бръг].

2. Слабоударенные слова в синтагме. Ряд слов в синтагме получает слабое, или побочное, ударение (обозначим его знаком `). Слабоударенными часто являются простые количественные числительные в словосочетании (*шесть́ рубле́й, без десяти́ три́*), глагольная связка (*она́ ста́ла заве́дующе́й*), местоименные слова (*та́м егò встре́тили; у егò бра́та; преподава́теля он ра́ньше не ви́дел*), некоторые вводные слова (*ста́ло бы́ть*), первые слова во фразеологических сочетаниях: *л'ёгкая атлети́ка, желе́зная доро́га, би́ть баклу́ши*. Слабоударенными или безударными в синтагме могут быть частицы *быва́ло, бы́ло (приде́т быва́ло, собира́лся бы́ло уе́хать)*.

3. Слова с нормальным по «весу» (обычным) словесным ударением. Об обычном словесном ударении в составе синтагмы известно из параграфа о фонетическом слове (§ 24). Кроме знаменательных слов, носителями словесного ударения (но не синтагматического!) могут быть наречные предлоги (*пóсле уро́ка, вокру́г дома, ми́мо дере́вни, попере́к доро́ги*), повторяющиеся союзы *то – то, не то – не то* [Аванесов, 1974, 104 – 107].

4. Синтагматическое ударение (обозначим его знаком "). Фонетическое единство синтагмы достигается усилением одного из словесных ударений, выражающего, кроме прочего, также завершенность и незавершенность фразы: *Её́ нашли́ но́чью; `Я не ви́дел, / что получи́лось в результа́те; Почу́вствовал сйлу...* и т.д. Синтагматическое ударение, как следует из примеров, падает на ударный слог выделенного слова в синтагме. Выделяя в синтагме наиболее важное по смыслу слово и передвигая тем самым остальные слова в интонационную и смысловую «тень», синтагматическое ударение способствует правильному пониманию

текста, во многом определяет порядок слов, содействует фонетической «спайке» этих слов и выступает в роли пограничного сигнала синтагмы [Черемисина, 1989, 98–99].

Именно на месте синтагматического ударения происходит наиболее значительное изменение интонационного рисунка – направление движения тона на гласном ударного слога. Таким образом, центр синтагмы, т.е. носитель синтагматического ударения, является наиболее информативным в интонационном отношении фонетическим словом по сравнению с другими словами в синтагме. Соответственно, кроме центра синтагмы (слога, на котором происходит изменение тона), имеются еще предцентровая и постцентровая части, по-своему важные для реализации интонационного рисунка в пределах синтагмы (см. подробнее об этом в гл. 7). В синтагмах фраз *Вчера́ ночью́ / я уви́дел ди́кую карти́ну; До́м наш́ / был окру́жён ли́пами* – выделены наиболее информативные слова (*ночью́, ди́кую, до́м, ли́пами*), имеется смысловая «тень», безударные (*я, был*) и слабоударные слова (*вчера, уви́дел, наш*), есть и пограничный сигнал синтагмы – конечная позиция синтагматического ударения, наиболее естественная. В этом заключается своеобразие построения русской синтагмы.

Функция синтагматического ударения на фоне остальных степеней ударенности, как сказано, состоит в фонетическом объединении слов в единицу более высокого уровня – синтагму. Иерархия ударений, образуя динамическую структуру русских синтагм, имеет четкую коммуникативно-синтаксическую значимость, которая реализуется различными степенями ударенности. Так образуется своеобразный синтагменный ритм, неодинаковый для различных стилей; особый синтагменный ритм присущ учебному стилю русского произношения, разговорному стилю и т.д.

Упражнение 17. Разбейте данные высказывания на синтагмы в зависимости от того или иного их осмысления (в том числе актуального членения). Обозначьте словесные и синтагматические ударения, расставьте там, где требуется, соответствующие знаки пре-

пинания, превратив таким образом приводимые примеры в различные фразы-предложения.

1. Я заметил после удачного торга на городском рынке когда продаст Зыкова все помидоры первым сортом у бригады овощеводов настроение лучше некуда. 2. Часто наблюдаемые факты не обобщаются. 3. Как обрадовал их приезд детей! 4. Во время войны между Китаем и Японией был заключен договор. 5. Недавно приехавший лектор выступил с докладом. 6. У нас один путь к победе. 7. Сергей чувствовал мать не зря вызвала его. 8. Этот человек не раз говорил Сергею его брат никогда не согласится на это. 9. Прошу вас еще раз примите меры. 10. Мы развлекали их шутками детей. 11. Увидимся завтра часов в десять. 12. Этот человек сказал мой отец был отличным специалистом. 13. Председатель комиссии считал докладчик не согласится с моими доводами. 14. Студент поступивший в институт недавно сдал два зачета. 15. Очень озадачили ее письма сына.

Вопросы и задания

1. Назовите суперсегментные единицы и их общую отличительную особенность.
2. Сформулируйте общее правило соотношения фонетических ярусов (выше- и нижележащих рангов).
3. Назовите особенности, проявляющиеся в отношениях между ярусами (рангами) фонетического уровня.
4. Объясните сущность и взаимоотношение звука и слога.
5. Где (в условиях аккомодации) начинается артикуляция в слогах типа СГ, ССГ? Приведите примеры.
6. Как распознает слушатель согласный звук в слоге типа СГ?
7. Охарактеризуйте слог как составную часть звучащей речи.
8. Дайте определение фонетического слова. Что объединяет звуки в его составе?
9. Различаете ли вы паузы в речи и пробелы в транскрипции? Приведите примеры.
10. Назовите признаки конца (финали) фонетического слова.
11. Что означает разноместное (или свободное), подвижное и неподвижное словесное ударение? Приведите примеры.

12. Что такое проклитика и энклитика в фонетических словах? Приведите примеры.
13. Охарактеризуйте побочное (второстепенное) и основное ударение в словах со сложной структурой. Приведите примеры.
14. На какие фонетические единицы (из нижележащего яруса) делится фраза? Приведите примеры.
15. Что такое актуальное членение предложения (высказывания)?
16. Охарактеризуйте иерархию различных по силе ударений в синтагмах. Приведите примеры.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р.И. Ударение в современном русском литературном языке // Р.И. Аванесов. Русская литературная и диалектная фонетика. – М.: Просвещение, 1974. – С. 79–142.
- Бондарко Л.В. Слог: правила, интуиция, механизмы // Функциональная просодия текста: сб. научн. трудов [МГПИИЯ им. М. Тореца]. – Вып. 201. – М.: МГПИИЯ, 1982. – С. 62–71.
- Борунова С.Н. Сегментация речевого потока в разных типах речи // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. – М.: Наука, 1996. С. 53–74.
- Леонтьев А.А. Актуальное членение и способы его выражения в русском языке // Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Л.В. Щербы. – Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1981. – С. 167–172.
- Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. – М.: Наука, 1982.

Глава 7. ФРАЗА

§ 26. Фраза и предложение

Фонетическим основанием выделения фразы является общий интонационный контур, складывающийся из рисунков синтагм (интонационных конструкций) и производный от смысла всей минимальной коммуникативной единицы – предложения. Необходимо различать предложение (грамматический план) и фразу (фонетический план). Само предложение как грамматическая единица не имеет интонации. Оно актуализируется в устное коммуникативное явление через фразу, которую интонация организует в единое коммуникативное и фонетическое целое. Типы интонационных конструкций, их сочетания и синонимическая взаимозаменяемость свойственны разным видам предложений (фраз) – по цели высказывания, структуре и модальности. Имеются интонационные особенности начальной, нена начальной, конечной во фразе синтагм, особыми интонационными сочетаниями передаются перечисление, противопоставление, разграничение групп подлежащего и сказуемого и т.д. Заметную роль играет также та или иная величина пауз между остальными синтагмами.

Широко используются в учебной речи так называемые двучленные фразы, аналогом которых являются простые предложения. Деление синтагмы (например, *Мои родители | об этом ничего не слышали* или *В тот день | я не застал его дома*) связано с актуальным членением высказывания на тему (предмет сообщения, данное, уже известное) и рему (то, что об этом предмете сообщается, «новое»). «Данным», уже известным (темой) может быть в предложении и обстоятельство. Однако членение на тему и рему не всегда приводит к распадению фразы на две синтагмы, например: *Он пошел в театр* [Русский язык: Энциклопедия, 604–605].

Типы интонационных конструкций в большинстве случаев объясняются на примерах односинтагменных фраз, являющихся

фонетическим выражением соответствующих типов предложений. В высказываниях существует конструктивная спаянность и взаимодействие интонационных и лексико-грамматических средств [см. Грамматика русского языка, II, 1, 83]. Это означает, что смысл фразы определяется лексико-грамматическим наполнением предложения, которое соответствующим образом организуется интонационными средствами; в единстве этих средств выявляется тема-рематическое членение фразы.

§ 27. Понятие интонационной конструкции русского литературного языка

Изучение русской интонации имеет давнюю традицию.

Интонационный рисунок реализуется полностью в единицах коммуникации и зависит от смысла корреспондирующего с фразой высказывания; вместе с тем наиболее плодотворным оказался метод изучения и типизирования интонационного рисунка не во фразе в целом, а в синтагме как составляющей части фразы, сведение тем самым большого многообразия интонационных фразовых контуров к нескольким интонационным конструкциям в синтагме (ИК). Этот способ описания был предложен в 60-е годы прошлого века преподавателем Московского государственного университета Е.А. Брызгуновой, пользуется международной известностью, нашел отражение в «Русской грамматике» Академии наук СССР 1980 г. Интонационные конструкции Е.А. Брызгуновой методически удобны в процессе обучения также и потому, что ориентируются на дикторский стиль речи (интонационный материал был записан Е.А. Брызгуновой у дикторов Всесоюзного радио на рубеже 50–60-х годов), а также на стиль учебного произношения.

Интонационный рисунок синтагмы реализуется в составляющих ее словоформах, а именно в их слогах. Различительные признаки типов интонации – это направление движения тона на гласном ударного слога в слове, являющемся центром синтагмы, и соотношение уровней тона составных частей интонацион-

ного рисунка (см. ниже о трех частях синтагмы). Такое движение происходит относительно среднего тона. У каждого говорящего есть свой средний тон с определенным диапазоном, в пределах которого происходят незначительные и незначимые повышения и понижения. На схеме средний тон изображается ровной штриховой (по слогам) линией.

В лабораторных описаниях интонации изменение тона называют мелодикой, а к ней добавляют характеристики темпа, тембра и т.д. Однако эти изменения – лишь сопроводители определенных типов движения тона, который в большинстве случаев является необходимым и достаточным для различения интонационных конструкций. Остальные признаки (темп, тембр и т.д.) – побочные, сопутствующие, второстепенные [Панов, 1979, 83, 85].

В синтагме (среди слогов, из которых она состоит) имеются три части: предцентровая, центр (слог, на котором происходит изменение тона) и постцентровая. Например, в синтагме-фразе *Поехали!* предцентр – *по-*, центр – *-é-*, постцентр – *-хали*. Однако синтагма может начинаться и с центра или им заканчиваться, тогда в ней нет предцентральной или постцентральной части (например, *Вот ещё!* или *Ну отчего?!*).

Существует представление о типичном месте центра в синтагме: *Ты была дома; С ними ты хочешь уехать?; Вот так нѐмер...* и т.д. Перемещение центра с него воспринимается как логическое ударение: *Ты была дома!* – *Ты была дома!*; *С кем приходится считаться?* – *С кем приходится считаться?* и т.п. В качестве средств особого выделения здесь выступает увеличение длительности ударного гласного, кроме того, для логического выделения первого слога во фразе характерно восходящее или восходяще-нисходящее движение тона на ударном слоге с последующим глубоким понижением тона на неударных слогах (*Ты была дома*); для логического выделения второго слова фразы характерно резкое и глубокое понижение тона на его ударном слоге и сохранение высокого уровня его интенсивности (*Ты была дома*) [Светозарова, 1982, 114]. Передвижение логического ударения может быть в русском языке ведущим средством

смыслового выделения. (В ряде иностранных языков логическое ударение может передвигаться лишь в немногих коммуникативных видах высказываний.)

§ 28. Интонационная система русского языка

Основой для описания интонационной системы служит дикторский и учебный типы русского нормативного произношения. Типы русских интонационных конструкций (ИК) реализуются в пределах синтагм [Брызгунова, 1977]). Приведем примеры:

ИК-1: *Студенты вернулись.*

ИК-2: *Когда студенты вернулись?*

ИК-3: *Студенты вернулись?*

ИК-4: (В среду я не могу прийти.) – *А не в среду?*

ИК-5: *Сколько хорошего сделал!*

ИК-6: *А что мы сегодня узнали!* (торжествующе)

ИК-7: *А что он умеет!* (разочарованно).

Проанализируем особенности интонационного рисунка в каждой ИК и их употребление в предложениях-фразах как коммуникативных единицах [Русская грамматика, 1980, 1, 97–122].

ИК-1. Предцентровая часть произносится на среднем тоне. На центре нисходящее движение тона ниже предцентра, на постцентровой части тон ниже среднего:

Мы вернулись за светом.

Уточняя понятие среднего тона, надо сказать, что монотонным в синтагме он практически не бывает. Особенностью речи является постоянное изменение частоты основного тона во время говорения (небольшие по диапазону флюктуации живого голоса). На ударных слогах словоформ в предцентровой части синтагмы (из двух или более слов) слышны незначительные понижения и повышения тона [Светозарова, 1982, 109–111]. Вообще предцентровые части типов ИК различаются темпом и движением тона (мелодической выделенностью) [Богомазов, 2001, 84].

ИК-1 в русском языке выражает завершенность, когда нет смысловых выделений и противопоставлений, и употребляется в односинтагменных повествовательных предложениях, в конечных синтагмах многосинтагменных повествовательных предложений, а также в различных названиях. Примеры:

Когда счастьем дышишь, ξ его не замечаешь. «Как закалялась сталь». «Куда пойти учиться» (справочник).

В сложных предложениях, распадающихся на две синтагмы, в первой (главное предложение) также может употребляться ИК-1, если следует подчеркнуть смысл этого главного предложения, сопоставить его со смыслом второй части предложения.

Художественная литература не действенна, ξ если она бесцветней окружающей жизни.

ИК-2. Предцентровая часть произносится часто на верхней границе диапазона среднего тона. Если центр (обозначим его небольшим зачерненным прямоугольником) в начале синтагмы, то уровень тона в начале слога выше. На ударной части возможно понижение в пределах диапазона среднего тона (от верхней границы к нижней), но не ниже. Интенсивность на ударном

Для предцентровой части в ИК-3 характерны мелодическая сглаженность (монотонность) и убыстренный темп ее произнесения с последующим резким повышением тона на ударном слоге [Светозарова, 1982, 111].

ИК-3 наряду с другими интонационными конструкциями употребляется в неконечных синтагмах повествовательных предложений, в том числе в главном или придаточном предложении в составе сложноподчиненного, находящемся в начале сложного предложения и выражающем незавершенность высказывания. С помощью ИК-3 обозначается также смысловая зависимость одной части бессоюзного сложного предложения от другой. Примеры:

----- ↗ -----
Зеленой чертой ложится след ваших ног \approx *по росистой*
 ----- ↘
болотной траве.

----- ↗ -----
Оружие на казаке всегда прилажено так, \approx *чтобы оно не*
 ----- ↘
звенело и не брэнчало.

↗ ----- ↘
Нравится рисовать – | *рисуй на здоровье.*

ИК-3 употребляется также при выражении эмоциональной оценки, усилении утверждения или отрицания со словами *так, такой, вот, какой, ну, же* и др. Примеры:

----- ↗ ----- ↗ ----- ↗ ----- ↗
Там так красиво! Ну успокой! Вот прелесть! Я же не гулял!

ИК-3 при повторении вопроса с вопросительным словом в ответе (переспрос):

2 3 1
Какие у них обычаи? – Какие у них обычаи? Пожалуй, интересные.

Предложения, содержащие просьбу, приобретают разные эмоциональные оттенки в зависимости от интонации:

2

Заберите собаку! (просьба в тоне приказа)

3

Заберите собаку! (вежливая просьба)

ИК-4. Предцентр произносится на среднем тоне говорящего. Восходящее движение тона в центре начинается ниже уровня предцентральной части и к концу слога достигает или превышает этот уровень. На первом или втором слоге постцентральной части устанавливается уровень тона выше предцентра. В одно-, двухсложных синтагмах контур ИК-4 реализуется на более коротком отрезке и в пределах центра тон повышается от нижней к верхней границе.

Наиболее ярко проявляется ИК-4 в неполных вопросительных предложениях с сопоставительным союзом *а* и в вопросах официального характера:

(Электропитание выключено.) – *А на вашем этаже?*

— — — — —
— — — — —

Фамилия? Имя? Ваши документы?

ИК-4 слышна в ответах с оттенком настороженности, вызова, дерзости и т.д.:

— — — — —
— — — — —

(*Попало тебе?*) – *Ничуть! Ни капли!*

ИК-4 может использоваться и при перечислении (однородные члены предложения).

Часто ИК-4 выступает в предложениях с тем же составом, где может реализоваться и ИК-3, т.е. эти интонационные конструкции являются синонимичными. Так бывает при выражении незавершенности в неконечных синтагмах простых и сложных предложений. ИК-4, в отличие от ИК-3, придает речи некую книжность, официальность:

3,4

1

Из дверей спального вагона ξ вышел старший брат.

3,4

Катя зашагала по комнате и заговорила с ним так, ξ как

1

если бы говорила сама с собой.

Попутно заметим, что синонимичной второй, третьей и четвертой конструкциям при выражении незавершенности, а также при перечислении является **ИК-6** (на гласном центра восходящее движение тона выше предцентра, уровень тона постцентра также выше предцентра). Пример:

2, 4, 6 2, 4, 6 2, 4, 6

Современные русский, ξ английский, ξ французский ξ и другие
 3, 4, 6 2, 4, 6

языки – | потомки древнего, ξ некогда существовавшего
 1

индоевропейского праязыка.

В обращениях, приветствиях (когда говорящий «владеет ситуацией»), а также в назиданиях в форме вопроса ИК-4 может быть синонимичной конструкции ИК-2, заменять ее. Примеры:

4 4

Дорогие гости! Сюда, пожалуйста!

4 4

Почему пропустила занятия? Зачем ты это сделал?

ИК-1, 3 и 4 употребляются в главном предложении в составе сложноподчиненного предложения – каждая интонационная конструкция с присущим ей значением: ИК-1 при смысловой самостоятельности главного предложения и присоединении придаточного в учебном стиле произношения, ИК-3 – в разговорной речи, ИК-4 – в речи официальной, дикторской:

1, 4, 6

Голова его низко опустилась и спина согнулась, ξ точно
 1

тяжесть легла на нее.

Описанные интонационные конструкции наиболее важны в коммуникативном отношении. Остальные ИК-5 и 7, частично ИК-6 употребляются обычно в эмоционально-экспрессивной речи и для профессиональной речи педагога и оратора малосу-

щественны. Так, ИК-5 наиболее ярко проявляется при выражении восхищения, экспрессии:

5 5
Сколько доброты в нем!

ИК-6 может иметь оттенок приподнятости, торжественности:

6 6 2
Все системы космического корабля | работают | нормально!

а также недоумения, оценки; ИК-7 выражает экспрессивное отрицание, оттенок неудовлетворенности:

7
Какое там отдохни!

(смычка голосовых связок в конце гласного центра воспринимается как эмоциональный перерыв в звучании).

Итак, основные интонационные средства русского языка – это синтагматическое членение, типы ИК, место центра ИК, проявляющиеся в единстве; членение речевого потока на синтагмы означает образование такого же числа ИК, каждая из которых имеет свой центр.

§ 29. Фонетическая транскрипция коммуникативных единиц. Интонация и знаки препинания

Фонетическая транскрипция как можно более точно передает на письме звучание устной речи в виде цепочек различных фонетических единиц. Передача фонетической словоформы – это запись звуков речи с учетом их позиционных модификаций. В фонетической транскрипции обозначаются также границы фраз и синтагм, относительная долгота пауз, типы интонационных конструкций с указанием центра ИК, границы фонетических слов, отдельные звуки в составе фонетических слов, словесное ударение.

По относительной продолжительности различают паузы в одну, две и т.д. средние длины обычной паузы (обозначаются |, || и т.д.) в соответствии с индивидуальным темпом речи. Это значит, что каждый тип паузы может быть по абсолютной продолжительности длиннее или короче в зависимости от общего темпа речи. В случаях, когда трудно определить, действительно ли прекратилась фонация, мы говорим о сверхкраткой или потенциальной паузе (§§).

С учетом указанных требований приведем пример фонетической транскрипции уже известного нам текста (см. § 19 и ниже, на с. 96).

[рЛман та̀кскЛзàт' | нъ̀йбо̀л'я̀йь пр'ьдрьспълАгáйьт |
глубо̀къму пЛзна̀н'ийу | Акружа̀йуш'ьй на̀с Агрóмнъй жы̀з'н'и
| Ан'ькпЛпыткэм пр'ицста̀в'ит' свЛј'ó ма̀л'ьн'къйь ј'á цэ̀нтрэм
м'ирЛзда̀н'ийь || э̀тът жанр пьпр'иро̀д'ь свЛј'ей | пр'ьцстЛвл'айьт
самы́й ширóк'ий пЛдздарм § дл'ьхудóжн'икь-р'ьЛл'исть ||
мно̀г'ийь мьлЛды̀йь т'ич'ён'ийь выскуств'ь | Лтв'ирга̀йут
р'ьЛл'изм § исхЛд'á истЛво̀ § штоо̀н б'у̀т:ьбы § Лцслужыл
свЛј'ó || н'ьбЛј'ас' упр'о̀къф фкьн'с'ьрвЛт'изм'ь | зьйивл'айу |
штопр'ид'ёржывьйус' прьт'ивьпЛложных̀ взгл'áдьф | б'удуч'и
уб'ижд'о̀н:ым пр'ив'ёржьнцэм § р'ьл'ис'т'ич'ьсквьь искуствь ||]

Знаки препинания в свое время были введены в письмо для обозначения границ синтагм (и смены здесь тона) и тем самым усиливали коммуникативную значимость орфографии [Щерба, 1983, 132]. Однако нельзя считать, что всегда имеются прямые соответствия между интонированием в устной речи и пунктуацией в соответствующем письменном тексте. Отсюда и пунктуационные ошибки, которые допускает малограмотный в диктанте, полагаясь на интонацию преподавателя. Основной же принцип русской пунктуации – формально-грамматический, структурный. Знаки препинания – это прежде всего показатели синтаксического строения письменной речи.

Для лучшего уяснения отношений интонации и знаков препинания повторно (как сказано выше) приведем уже известный текст в орфографической записи.

«Роман, так сказать, наиболее предрасполагает к глубокому познанию окружающей нас огромной жизни, а не к попыткам представить свое маленькое “я” центром мироздания. Этот жанр по природе своей представляет самый широкий плацдарм для художника-реалиста. Многие молодые течения в искусстве отвергают реализм, исходя из того, что он будто бы отслужил свое. Не боясь упреков в консерватизме, заявляю, что придерживаюсь противоположных взглядов, будучи убежденным приверженцем реалистического искусства».

Важно учитывать случаи, когда письмо не передает и не разграничивает тех особенностей, которые отчетливо выражаются в устной речи. Сюда относится выделение в синтагмы группы подлежащего и группы сказуемого (обычно здесь нет знака препинания, ср., например, в тексте 2-е предложение и соответствующее место в транскрипции после слов *по природе своей*; 3-е предложение после слов *в искусстве* и соответствующую фразу в транскрипции и т.д.). С другой стороны, мы «не читаем» запятых между союзом и деепричастным оборотом, при вводных словах, обращениях, ср. случаи типа: ... *и, зайдя вечером, сказал...* ; *ты, конечно, знаешь ...* ; *ты что, мальчик, хотел...* и т.д. Очень нечетко выражается в устной речи включение чужих слов, которое в предложении обозначается кавычками. Не получает часто интонационного выражения многоточие. Интонированием мы различаем однородные члены предложения и приложение (напр., *Вошли монтажники, уверенные в себе ребята*), на письме же употребляется одинаковый знак – запятая. В конечном счете интонация сама производна от заданного грамматического и смыслового членения предложения.

Отношение пунктуации к устной речи сравнимо с отношением к ней орфографии. Подобно тому как буквы не полностью соответствуют звуковому составу слов, знаки препинания также не имеют точного соответствия в устной речи. Например, отношение причины в бессоюзном сложном предложении выражает-

ся паузой и контрастом в мелодике первого и второго предложения; другие смысловые отношения, выражаемые тем же знаком – двоеточием, требуют другой интонации. Следовательно, знаки препинания многозначны, так что зачастую не воспроизводят интонационных средств устной речи, а в самой общей форме как бы указывают на характер предложения, имеющий много разных оттенков (ср. многообразие «интонаций точки», «интонаций вопросительного знака» и т.д.).

Пунктуация, принятая в русском письме, носит интернациональный характер: такая же пунктуация с незначительными различиями принята во многих иностранных языках, выполняет в письменной речи общие функции, например, выражая различие предложений по цели высказывания [Гвоздев, 1968, II, 323–342]. Но в каждом языке знаки препинания подчиняются грамматике, семантике и фонетике данного национального средства общения, могут отражать стилистические оттенки текста, жанра.

Упражнение 18. Используя ваши самостоятельно составленные фразы на материале упражнения 17, определите теперь типы ИК в пределах фраз и синтагм. Начертите схемы интонационных конструкций.

Упражнение 19. Определите границы синтагм, типы ИК в синтагмах данных ниже фраз, начертите схемы интонационных конструкций.

1. В начале любого дела надо определить его главное звено.
2. – Что это такое? – Что это такое? (переспрос). Да я и сам не знаю.
3. Поедет она с нами или нет? 4. Смотрите прямо! 5. Будьте повнимательнее. 6. В школу они пришли, когда уже в зале битком набился народ. 7. Обреченный судьбой на постоянную праздность, я не делал решительно ничего. 8. По целым часам я смотрел в свои окна на небо, на птиц, на аллеи, читал все, что привозили мне с почты, спал. 9. Иногда уходил из дому и до позднего вечера бродил где-нибудь. 10. – Написали? 11. Откройте сборник упражнений на восемьдесят пятой странице. 12. – Простите. Я не знал, что Вы уже пришли. 13. – Подойдите ко мне! Почему Вы опоздали? 14. – Разве непонятно? – А

что я должен понять? 15. Мы вчера говорили долго, но ни к чему не пришли. 16. Я не знаю, что я должен понять. 17. Так мы и не узнали, как это делается. 18. Они разговаривали необыкновенно долго, как это делают озабоченные люди. 19. – Да помилуйте, как же мне не сердиться? 20. Выехал я еще вчера утром чуть свет, объездил всех своих должников, и хоть бы один из них заплатил свой долг! 21. – Хорошо бы закончить всё сегодня вечером, – сказал он немного помолчав. 22. Устную речь могут отличать от письменной такие качества, как неподготовленность, спонтанность, непосредственность общения. 23. Скажите, пожалуйста, где, когда и у кого можно записаться на экскурсию? 24. Любишь кататься – люби и саночки возить. 25. Не соглашались с нами, так поступай как знаешь.

Упражнение 20. Определите коммуникативную направленность высказываний, центры и типы ИК в синтагмах, различный акцентный «вес» ударений в словоформах (см. § 28, 25).

1. Объявили отправление, и поезд тронулся. 2. После всестороннего обсуждения кандидатур был избран директор завода. 3. Директором электромеханического завода стал Андрей Борисович Курнаков. 4. В комнате удобный диван, стенка, два кресла, телевизор, старое пианино. 5. Летом здесь сухо и знойно, зимой морозно. 6. Случившегося они не могли видеть: по причинам, от них не зависящим, зимовщики задержались на аэродроме. 7. 25 сентября, во вторник, в 18 часов состоится собрание. 8. После этого, по сути, и спрашивать об ее отношении было незачем. 9. А мне, ты думаешь, вспоминать об этом легко? 10. Наконец мы добрались до полустанка, пропыленные и усталые. 11. В город он переселился не один, а со всей семьей. 12. Я приехал за ним, когда уже было поздно. 13. Крик этот как будто разбудил сидевших. 14. Ровно в четыре часа раздался резкий телефонный звонок. 15. Так как времени не было, я отказался от билета в театр. 16. Что написано пером, того не вырубишь топором. 17. Как только наступало утро, скрип дверей раздавался по всему дому. 18. В каждой комнате была огромная печь, занимавшая почти третью часть ее. 19. Здесь очень хорошо: лес, луга, солнце, прекрасный воздух. 20. В пятнадцать часов передача для школьников и учащихся лицеев. 21. Наташа учится на педагогическом факультете, а я на переводческом. 22. Ты всегда такая? Злая и раздражительная? 23. Чтобы спастись от среднеазиатского солнца, окно на юг в квартире пришлось обить теплым одеялом. 24. Скажи это громко, чтобы всем было слышно. 25. Вы гово-

рите (и я тут склонен Вам верить), что этот факт не имеет значения. 26. – Вероника! Ну что ты делаешь? 27. Неприятно было видеть, как Николай, такой честный в недавнем прошлом, теперь хитрит и изворачивается. 28. Лес зашевелился, проснулся, зашумел. 29. А вдруг он придет? 30. А что если я убегу? 31. Вы успели перевести текст? 32. Романы Моэма 20-х годов Вы читали? 33. Это Ваши тетради лежат на столе?

Вопросы и задания

1. В чем различие между предложением и фразой?
2. В пределах какой единицы изучается интонация – во фразе, в синтагме?
3. Какое чтение легло в основу интонационных конструкций Е.А. Брызгуновой?
4. Чем различаются основные признаки типов интонаций?
5. Назовите основные интонационные средства русского языка.
6. Что такое средний тон в интонации? Охарактеризуйте его.
7. Назовите интонационные части в синтагме. Приведите пример.
8. В чем различие между типичным местом центра в синтагме и логическим ударением? Приведите примеры.
9. Расскажите о значениях ИК-1, 2, 3, 4 и 6 и об их употреблении. Приведите примеры, проговорите их вслух и начертите на их слогах и синтагмах схемы ИК.
10. Какие типы ИК синонимичны друг другу? Приведите примеры. Расскажите о различиях в синонимичных типах ИК, в том числе в их стилистических значениях.
11. Расскажите о своеобразии в употреблении знаков препинания: где они соотносятся с границами синтагм и типами интонации и где нет такого соответствия? Дайте Ваши примеры.

ЛИТЕРАТУРА

- Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. I. – § 150–171. – Т. II. – § 1900, 1918, 1923, 1925, 1936, 1947, 1951, 2125–2127, 2223–2230, 2629–2640, 3189–3194.
- Ганиев Ж.В. Русский язык: Фонетика и орфоэпия. – М.: Высш. шк. 1990.
- Иванова-Лукьянова Г.Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004.
- Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
- Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1989.

Глава 8. ФОНЕТИКА ТЕКСТА

§ 30. Текст и фоноабзац

Отдельное предложение, хотя оно и обладает признаком грамматической организации, не может выступать в качестве полноценной единицы коммуникации; относительно полное развитие мысли возможно чаще всего в группе тесно взаимосвязанных предложений. Предложение в синтаксисе является высшей по иерархии единицей, а в тексте оно имеет статус первого нижнего звена текста, так как смысловой и коммуникативной законченностью в общении обладает лишь текст.

Интонация фразы в контексте отличается от звучания одиночной фразы (см. одиночные примеры в упражнениях 19, 20 и др.). Композиционная часть текста, тесное семантико-синтаксическое единство [Солганик, 2007, 92–95], спаянное внутри различными связями между предложениями-фразами, называется в синтаксисе сверхфразовым единством (СФЕ), а его аналог в фонетике – фоноабзацем. Средствами связи в СФЕ служат местоименные слова, лексические синонимы и повторы, союзы и т.д., употребленные в последующих предложениях.

Основой для смысловых связей между предложениями является наличие темы и ремы. Обычно рема (новое) предшествующего предложения становится темой (исходным пунктом) последующего (не обязательно примыкающего) предложения, которое, в свою очередь, требует новой ремы. Проблема СФЕ решается не как надстроочная грамматическая категория над синтаксисом предложения, а как смысловая и композиционная часть в организации текста. Приведем пример СФЕ – фоноабзацев в тексте.

«Подлинное словесное искусство всегда очень просто, картинно и почти физически осязаемо. Писать надо так, чтоб читатель видел изображенное словами как доступное осязанию. Такое мастерство возможно лишь тогда, когда писатель сам

отлично знает то, что он изображает. Если он пишет недостаточно просто, ясно, значит, он сам плохо видит то, что пишет. Если он пишет вычурно, значит – пишет неискренне. Если пишет многословно – это тоже значит, что он сам плохо понимает то, о чем говорит.

Мы оставляем в стороне вопрос о литературном таланте, о врожденном даровании, это вопрос неясный, нерешенный, и решать его – не наше дело. Мы говорим о способности к литературному труду, эта способность заметна у весьма многих начинающих писать... Развиться ей мешает недостаток у молодежи исторических знаний, знаний прошлого, а также весьма узкое знание современной действительности в нашей огромной, безгранично интересной стране, и, наконец, мешает крайне плохое знание родного языка – и речевого и, особенно, литературного» (М. Горький).

СФЕ объединяется единой микротемой, которая является некоторой композиционной частью развития общей мысли целого текста. Микротематическое единство внутри приведенных фоноабзацев, связь и определенное место каждого очередного предложения в них «диктует» постепенное нарастание интонации, связь между интонационными рисунками следующих друг за другом фраз. Таким образом, межфразовые просодические связи являются как бы отражением лексических и синтаксических средств связи между предложениями; просодия может также показывать наличие или отсутствие связи между единицами текста, но не имеет возможности раскрыть семантику этих отношений (что делается на уровне синтаксиса и лексики). Интонационные центры и иерархия ударений указывают на местоположение коммуникативных узлов в частях текста и тем самым готовят базу для семантической интерпретации отношений.

В концах фраз внутри фоноабзаца нет того глубокого падения тона, которое бывает в концах фоноабзаца, раздела или в финале текста; тут нет «настоящих» завершающих точек, голос

понижается меньше, чем в конце структурных частей, а паузы между предложениями в какой-то мере являются соединительными. Особенно это заметно бывает в языке художественной литературы. Приведем пример.

«Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами. Берега были занесены, ящик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихала; я увидел огонек и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» – закричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать» (А.С. Пушкин).

Между предложениями существуют, как это видно из приведенного текста из «Метели» А.С. Пушкина, разные степени близости и разобщенности, что получает выражение в интонационных средствах устной речи. Между фразами в отрывке, как может показаться из сравнения с позднейшей литературой (где получило развитие употребление абзаца как знака препинания), как будто бы нет глубокого падения тона, свойственного финали раздела или текста. В текстах, где абзац имеет одну микротему, паузы между фразами, в отличие от текста «Метели», являются «соединительными».

Итак, границы фоноабзаца в письменной речи передаются обычно особым знаком препинания – «красной строкой», или абзацем, который «углубляет предшествующую точку и открывает совершенно новый ход мыслей» [Щерба, 2007, 244]. Все другие знаки препинания – вопросительные и восклицательные знаки, в особенности точки – при устном воспроизведении речи «подчиняются» абзацу как знаку более высокому по своему положению в системе пунктуации, другими словами, интонация фразы зависит от того места, которое занимает предложение в развитии микротемы СФЕ. Пауза на грани

це фоноабзаца, где они регулярны, как правило, больше пауз между фразами внутри фоноабзаца и является одним из показателей этой границы. Это можно проследить на следующем примере:

«В Мещёрском крае можно увидеть сосновые боры, где так торжественно и тихо, что бубенчик-«болтун» заблудившейся коровы слышен далеко, почти за километр. Но такая тишина стоит в лесах только в безветренные дни. В ветер леса шумят великим океанским гулом и вершины сосен гнутся вслед пролетающим облакам.

В Мещёрском крае можно увидеть лесные озера с темной водой, обширные болота, покрытые ольхой и осиной, одинокие, обугленные от старости избы лесников, пески, можжевельник, вереск, косяки журавлей и знакомые нам под всеми широтами звезды.

Что можно услышать в Мещёрском крае, кроме гула сосновых лесов? Крики перепелов и ястребов, свист иволги, суетливый стук дятлов, вой волков, шорох дождей в рыжей хвое, вечерний плач гармоники в дереvушке, а по ночам – разноголосое пение петухов да колотушку деревенского сторожа» (К.Г. Паустовский).

Длительность звуков в финали фраз таких текстов имеет тенденцию к увеличению по мере продвижения к концу фоноабзаца [см. Златоустова, Потапова, Трунин-Донской, 1986, 84]. СФЕ характеризуется не только единством мысли, но и ее законченностью; качеством смысловой законченности СФЕ обладает в гораздо большей степени, чем предложение. Следует особо сказать и о роли первого предложения СФЕ, его зачина. Первая фраза фоноабзаца произносится четко и чуть медленнее сравнительно с темпом последующих фраз, поскольку обладает наибольшей самостоятельностью. «В большинстве случаев красная строка сопровождается переменной тона или ритма, свидетельствующих о начале нового ряда мыслей» [Щерба, 1983, 131].

Поскольку смысловой и коммуникативной законченностью в общении обладает лишь текст, СФЕ-фоноабзац правильнее рассматривать не как синтаксическую единицу, состоящую из предложений-фраз, а в качестве составной части в организации целого текста, в рамках членения текста на различные композиционные составные части (СФЕ, блоки СФЕ, отрывки, параграфы, главы и т.д.). Правила произнесения текстов, в том числе приемы обучения профессиональному чтению специально рассматриваются в разделе «Орфоэпия».

Необходимо подчеркнуть, что текст является многоуровневым иерархически организованным целым, где центральное место занимает иерархия предикатов, рем, особым образом распределенных по тексту. Учет условий коммуникации, ее целей дает возможность понять природу текста во всей его полноте. При порождении текста центральное место занимает представление о замысле, прогнозирующем начало и конец будущего текста, об иерархии микротем и их блоков, задающих необходимые уровни развертывания замысла в структуру текста. Здесь важнейшую роль играет ориентация на реального или предполагаемого партнера по коммуникации. Произнесение текста производно от этих текстообразующих факторов, фонемный и просодический уровни функционируют в неразрывном единстве и взаимодействии со значащими уровнями языковой организации текста [Жинкин, 1982, 4–7].

Критериями текста являются его цельнооформленность, т.е. наличие начальной, срединной и финальной части, а также связность и определенная коммуникативная установка как необходимое условие для проявления стилистического значения. Мелодическое единообразие текста создается за счет повторяемости ИК. Наиболее заметны интонационные повторы начальных и конечных синтагм во фразах. Такой характер интонационной повторяемости – следствие синтаксической однородности текста, выражающейся в однотипности построения фраз и ССЦ. При этом сложность или простота синтаксиса влияет на характер интонационной повторяемости и отражается в интонационной модели текста.

Принцип построения интонационной модели основан на выявлении типичных ИК начальных, срединных и конечных синтагм. Самые простые интонационные модели относятся к текстам официально-делового стиля, а самые сложные – к художественным текстам.

Деление текста на сверхфразовые единства осуществляется лексико-грамматическими, синтаксическими и фонетическими средствами. О границе СФЕ свидетельствуют паузирование, мелодика, ритм, темп и интонационная выделенность (логическое ударение). К пограничным сигналам прежде всего относится изменение мелодики на границах СФЕ, затем – характер паузирования, изменение которого вызывает изменение темпа. Смена темпа указывает на переход от одной микротемы к другой, конец СФЕ характеризуется замедлением темпа, начало – ускоренностью. При чтении художественных текстов в начале СФЕ наряду с ИК-6 (нейтральное употребление) слышится ИК-2 (интонация логического ударения) – своеобразный зачин в развертывании микротемы [Иванова-Лукиянова, 1998, 168–178].

Упражнение 21. Определите микротемы в отрывке из публицистики М. Горького, приведенном выше, в § 30. Старайтесь отличить разную степень понижения тона в завершении фраз, в начале, внутри и в конце фоноабзацев.

Ощутили ли вы разницу между соединительными и финальными паузами в фоноабзацах? После репетиций прочтите вслух указанный отрывок М. Горького. Для сравнения рекомендуется привлечь для чтения отрывок из публицистики М. Шолохова (§ 29), где обозначены в синтагмах типы ИК.

Упражнение 22. Постарайтесь на примере третьего художественного отрывка в § 30 (из цикла К.Г. Паустовского «Мещёрская сторона») определить на слух разницу в интонациях фраз, находящихся в разных местах фоноабзацев (что связано с разными фазами развития микротемы). Отражается ли разная степень

смысловой близости или разобщенности предложений на интонации фраз?

При чтении вслух отрывка из К.Г. Паустовского обратите внимание на различные типы пауз внутри и на границах фоноабзацев. Не забудьте о разнице в понижении тона в конце фраз, фоноабзацев и отрывка в целом.

Упражнение 23. Особой подготовки требует чтение вслух второго по счету отрывка в § 30 (из повести А.С. Пушкина «Метель»). Он не разбит автором на абзацы, однако содержит не одну микротему. Постарайтесь прочитать его вслух, мысленно проставляя в нем «красные строки». Помните, что они, по мысли Л.В. Щербы, «углубляют» предшествующую точку и «открывают новый ход мыслей».

Вопросы и задания

1. Сопоставьте понятия фразы и текста. Охарактеризуйте взаимоотношения этих теоретических понятий.
2. Что объединяет сверхфразовое единство (СФЕ) и фоноабзац?
3. Расскажите о средствах связи предложений в СФЕ и подробнее о теме и реме в предложениях в составе СФЕ. Как осуществляется деление текста на СФЕ?
4. Расскажите о разном падении тона в концах фраз, находящихся внутри и в завершении фоноабзаца.
5. Чем отличается фраза в зачине фоноабзаца?
6. Что писал Л.В. Щерба о смысловом и интонационном своеобразии начала нового абзаца?
7. Что является определяющим при порождении текста?
8. Назовите критерии текста. За счет чего создается мелодическое единообразие текста?

ЛИТЕРАТУРА

Ганиев Ж.В. Русский язык: Фонетика и орфоэпия. – М.: Высш. шк., 1990.

- Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Политиздат, 1982.
- Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество. – М.: Лабиринт, 1998.
- Колшанский Г.В. О языковом механизме порождения текста // Колшанский Г.В. Статьи разных лет. – М.: КомКнига, 2005. – С. 183–193.
- Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – 4-е изд. – М.: ЛКИ, 2007.

Раздел второй

ОРФОЭПИЯ

Глава 9. ПРЕДМЕТ ОРФОЭПИИ

§ 31. Фонетическая система и культура произношения

В первом разделе мы рассматривали фонетическую систему русского языка с рядом закономерностей на каждом из ее ярусов: в связи с фонемами (консонантизм и вокализм), слогами, фонетическими словами, синтагмами, фразами и т.д. Однако любая система в соответствии с общеметодологическим положением в своем функционировании допускает определенные колебания, т.е. может порождать феномены, не укладывающиеся в уже зафиксированные регулярности. Орфоэпия изучает исключения из фонетической системы, особенности нормированного произношения, не обусловленные этой системой, – они описываются также поярусно. Системные явления в фонетике носят массовый характер, некоторые из них не знают исключений, например, сильные и слабые позиции согласных фонем по глухости-звонкости, большинство сильных позиций согласных фонем по твердости-мягкости, сильных и слабых позиций гласных фонем и т.д.

В отличие от массовых фонетических закономерностей, внесистемные случаи в произношении, которые изучает орфоэпия, носят единичный, дробный характер, касаются отдельных словоформ, но чрезвычайно важны для культуры нормированного произношения. Это вызвано тем, что слушатель склонен переносить, экстраполировать свое впечатление от оформления, культуры речи на общий культурный уровень говорящего. Если говорящий плохо знает об исключениях в нормированном произношении, то снижается впечатление о самом существовании речи и затрудняется (ослабляется контакт) достижение ее целей, воздействие.

Кроме явлений в области согласных и гласных, очень актуальны для культуры речи сигналы-запреты (предупреждения) о неправильном словесном ударении. Это также изучается в орфоэпии, так как подобные ошибки, к сожалению, распростра-

нены и расцениваются слушателями как досадное нарушение норм устной речи.

В понятие русского произношения в профессиональных условиях педагогической, административной, юридической и т.п. работы входят также представления о вариантности в нормированном произношении и навык в использовании дикционно четких, профессиональных вариантов в соответствующих ситуативных условиях. Изучение подобных «частностей» на фоне константных регулярностей – неперемное условие повышения произносительной культуры специалиста. Константность, распространяющаяся не только на систему, но и на исключения из нее, и вариантность (например, в стилях, или кодах произношения) представляют собой закономерные явления звуковой стороны нормированного языка. Практический характер носит также учение об эвфонии (благозвучии) – набор редакторских приемов-запретов, позволяющих избегать недочетов в звуковой организации речи.

Орфоэпия – часть культуры речи, дисциплины теоретической и практической, которая, с одной стороны, исследует проблемы нормализации, обосновывает сами нормы, а с другой стороны, призвана определять, насколько речь правильна (нормативна) и в какой мере она соответствует общественным представлениям о мастерстве и выразительности. В орфоэпию включаются в связи с этим и сведения о сценическом произношении.

§ 32. Источники отступления от норм

Норма языка – центральное понятие в теории культуры речи. Воспитание культуры речи, писал известный психолог Б.Г. Ананьев, тесно связано с повышением общего уровня культуры учащихся. «Развитие культуры речи превращается, таким образом, в одно из наиболее общих средств воспитания сознания, развития культуры личности, следовательно, интеллигентности. Именно поэтому задачи культуры речи учащихся, будучи в первую очередь методическими, не являются, однако,

только методическими, но имеют общеобразовательное значение» [Ананьев, 1946, 9]. По характеру отступлений от норм литературной речи судят об уровне общей культуры личности. Источники отступления от литературной нормы в языке – это внелитературное просторечие, территориальные диалекты и другие формы существования языка. Для совершенствования культуры речи важно знать не только о том, что оценивается как правильное, нормативное, приемлемое, но и о явлениях, лежащих вне нормы, о том, чего следует избегать. О большой роли «отрицательного языкового материала» в разрешении проблемы нормативности писал Л.В. Щерба [Щерба, 1974, 32].

В сложной системе диалектов (говоров) на территории распространения русского языка выделяются три основные группы: севернорусские, южнорусские и среднерусские диалекты с характерными особенностями в фонетике, грамматике, лексике.

На русскую городскую речь в различных регионах страны так или иначе влияют окружающие их говоры. Как показывают массовые обследования, в речи городского населения зоны севернорусских говоров наиболее ярко проявляется диалектное влияние в произношении безударных гласных, а в южнорусских городах – влияние окрестных говоров на произношение согласных. Массовая речь в городах среднерусской зоны фонетически ближе всего к нормативной.

Другим источником отступления от нормы является внелитературное просторечие – ненормативные элементы в городской разговорной речи лиц, не получивших необходимого образования и недостаточно владеющих нормами литературного языка. Термин *просторечие*, к сожалению, имеет в обиходе не один фиксированный смысл. Так, кроме указанного, у слова «просторечие» есть и другое распространенное, неспециальное значение – ‘обиходная экспрессивная речь’. Его не следует путать с понятием внелитературного просторечия, которым пользуемся мы. Последнее, впрочем, исторически также связано с разговорно-обиходной речью городских слоев населения начала XX в., противопоставлявшейся книжному языку; оно было средством общения неграмотных и малограмотных слоев населения,

оказывало воздействие на литературный язык, постоянно давая ему средства для сниженного стиля. Элементами внелитературного просторечия пользуются и современные носители литературного языка как стилистическим средством для придания речи шуточного, иронического или пренебрежительного, грубоватого оттенка (ср. *«текёт, куды, попёр»* и т.д.).

Просторечие, в отличие от местных говоров (диалектов), обычно не имеет территориальных ограничений, известно практически на всей территории распространения русского языка. Примеры внелитературного просторечия:

в произношении (упрощенная запись в традициях Д.Н. Ушакова) – *«кажнѳый, лаболатория, переспектива, физицки, тролѳбус, в гардеропе, телевизер, рыѳон, капитализѳм, компроментировать, дермантин, транвай, шафанер, пинжак, проект* (с усиленным [j]), *полувер, коллдор»* и мн. др.;

в словесном ударении – *«килѳметр, свеклѳ, шѳфер, пѳняла, хозяйевѳа, красивее»* и т.д.;

в грамматике – *«у ей, ихѳ, ихнѳй, пѳльта, моющѳе (обоѳ), с Москвы, с Ростова (‘из’), хочете, курей, едѳте, (по)ехай(те), мякше, дремит, ездѳю(т)* т.д.;

в употреблении слов – *«кушаю, отдыхать (‘спать’), лѳжить, становѳть, обратнѳ»* (‘снова’).

[См. также: Совр. русский язык: Социальная и функцион. дифференциация, 2003, 57–58]. Даже единичные элементы просторечия в любом его проявлении способны резко снизить впечатление об уровне культуры и образования говорящего.

Источником отступлений от нормы в речи молодежи является сленг (разновидность жаргона), отличающийся особой эмоционально-экспрессивной окраской, т.е. выраженным отношением к предмету речи, ситуации и т.д. (характерные слова с особым экспрессивным значением в современном сленге: *«крутой, тащусь, клѳвый, прикольно(-нѳй), прикид, стрѳмно»* и т.д.). «Подпитывается» сленг арготизмами из мест изоляции граждан. Неофициальное экспрессивное общение молодежи с употреблением сленга отличается в звуковом оформлении высказываний характерной интонацией, небрежностью в артику-

ляции, создающей впечатление показной неряшливости, даже развязности.

В сленге обязательно содержится элемент оценки, это как бы знак в социальном поведении, помогающий определенной части молодежи «самоутвердиться». Примеров молодежного сленга множество. В отличие от профессионально ориентированной речи, сленг распространен в широких кругах молодежи, это социопсихологическое явление, существование которого поддерживается и соответствующей реакцией слушателей. По наблюдению ряда авторов, сленг характеризуется особым темпом речи, менее четкой артикуляцией, включением специфических эмоциональных выделений (акцентов) в высказывании, что создает узнаваемую интонационную окраску.

Знание описанных здесь форм языка как источников отступлений от нормы эффективно помогает избавиться от нежелательных элементов в собственной речи, овладеть стилистическим богатством литературного языка.

Данные о влиянии диалекта, просторечия или сленга на речь дают возможность педагогу построить эффективную программу фонетического обучения, в которой, с учетом разных источников ошибок, характера отклонений, избираются методически обоснованные пути овладения произносительной нормой.

§ 33. Вариантность в литературном языке

Проблема нормы возникает в связи с явлением вариантности, существующей в языковой системе. Варианты имеются на любом языковом уровне. Это широко известная синонимия в лексике, например: *высокий, высоченный, длинный, долговязый, здоровый*; в грамматике: *в отпуске – в отпуску; (был) студент – (был) студентом; (стал) бледен – (стал) бледный – (стал) бледным*; в словообразовании: *предлинный – длиннущий (длиннющий) – длинный-(пре)длинный*.

Есть варианты и в произношении: произносят (записи в традициях Д.Н. Ушакова) как бы *«естьетьственно – есте-*

ственно – есьтесно» и т.д., «*тихий – тихый – тихай*», «*отталкивать – отталкывать*», «*темп – тэмп*», «*термин – тэрмин*», «*Пётр Александрович – Пётр Алексанч – Пёт Санч*» и т.п. Норма отграничивает правильные варианты от неправильных. Так, среди приведенных вариантов есть и неправильные, ненормативные – это, конечно, произношение типа «*тихай*», далее «*темп*», «*тэрмин*».

В пределах нормы существуют варианты предпочтительные и менее предпочтительные в определенной коммуникативной ситуации, нейтральные и стилистически окрашенные, устаревающие или завоевывающие права литературного гражданства. Кодификация не отрицает возможности вариантности, связывающей между собой языковые явления, а считается с ней, учитывает прежде всего употребительность данного варианта, тенденции языкового развития, оценивает существующие варианты со стилистической точки зрения.

§ 34. Произносительная норма

Наряду с нормами в словоупотреблении, формо- и словообразовании, в синтаксисе, наряду со сложившимися представлениями об образцах стилей и жанров различных произведений объективно существует также норма в произношении. Ей свойственны те же основные черты, что и нормам значимых единиц языка, – устойчивость, наличие вариантов в пределах нормы и развитая стилистическая система (т.е. наиболее типичное и целесообразное употребление средств, обусловленное ситуацией, содержанием речи, ее адресатом и т.п.).

Фонетическая система отличается большой устойчивостью во времени, звуковой строй литературного русского языка складывался веками. Наряду с этим произносительная норма в русском языке предстает зачастую как система варьирующихся возможностей выражения. Таким образом она приспособлена к коммуникативным потребностям общества. Одно и то же явление (например, эллиптический произносительный вариант) в

разговорном речевом акте, в непринужденной ситуации может остаться незамеченным, тогда как в других условиях (официальное общение или сообщение, профессиональная речь диктора и т.д.) воспринимается как недостаток, ошибка. Сравним, например, уместность и неуместность неполных вариантов произнесения типа «*еси*» (если), «*тышдишсѳт сѳмьсѳтарѳй*» (1972-й) и др. в непринужденном разговоре, с одной стороны, и в официальной (профессиональной) речи – с другой. Те, кто изъясняется на нормированном языке, не только сами употребляют – часто неосознанно – эти и подобные им варианты, но и считают их нормальными в речи собеседников (конечно, в непринужденной обстановке).

У носителей литературного языка нормативным для каждой речевой ситуации считается тот вариант, который «принимается без замечаний» в данной обстановке речи, т.е. то, что отвечает слушательским ожиданиям (экспектациям). Первый кодификатор русского нормативного произношения в XX в. Д.Н. Ушаков писал об этой черте нормы: «...Правильно то, что общепринято» [Ушаков, 1995, 73]. Не всякое несоответствие указаниям, имеющимся в словарях, пособиях и т.д., является внелитературным просторечием; например, произносительные варианты типа «*скѳка*» (сколько), «*шыйсѳтшѳсѳ*» (66), «*тѳка*» (только), «*выхѳите*» и др. встречаются в речи носителей литературного языка в обыденных ситуациях, попадая в определенные («теневые») интонационно-смысловые условия устного текста (т.е. на них нет акцентного выделения), и эти варианты здесь уместны, они «принимаются» слушателями.

§ 35. Литературный язык и нормативное произношение

Невозможно научиться нормативному произношению, только читая (а не слушая!) литературные произведения, поскольку в основе русского правописания лежат не правила побуквенной передачи звуков языка, а иной принцип. Условны

(конвенциональны) и нормы литературного произношения. «...Произношение нельзя усвоить из чтения книг, для этого нужно непосредственное сношение с говорящими» [Ушаков, 1995, 74].

Надо сказать, что роль литературы в выработке русских общенациональных норм произношения была иной, нежели в лексике, фразеологии, словообразовании, грамматике. Установление русских фонетических норм завершилось позднее, чем это было, например, с нормами в словоупотреблении и грамматике. Объяснение этому нужно искать в истории общественно-политической и культурной жизни русского общества.

Потребность в единых произносительных нормах проявилась с развитием в государстве публичной речи. В выработке норм выдающуюся роль сыграл театр, ставший школой и хранителем общепринятого произношения и его традиций. В XIX – начале XX в. русские орфоэпические нормы формировались главным образом в речи потомственной московской интеллигенции – ученых Московского университета, на сцене Малого театра, а отсюда распространялись в той или иной степени в культурных центрах страны. Огромную роль в распространении общенациональных норм произношения в XX в. сыграла общедоступность радио, кинематографа, театра, телевидения.

Образцовое русское произношение называют литературным, однако употребление этого термина применительно к звучанию, по существу условно и не очень точно; к произношению в общенациональном нормированном языке термин «литературное» по изложенным выше причинам может быть применен с известной оговоркой. Точнее было бы общенациональное орфоэпическое произношение называть нормированным (или нормативным).

В жизни часты случаи, когда чтение вслух или спонтанная речь в лексико-грамматическом отношении оформлены приемлемо, хорошо или даже безукоризненно, а звуковое оформление включает много ненормативных элементов, страдает диалектными отступлениями от нормы. Д.Н. Ушаков вспоминал, что у таких известных представителей русской интеллигенции, как

писатель В.Г. Короленко и историк В.О. Ключевский, писавших прекрасным общепринятым литературным языком, были явные диалектные отклонения в их русском произношении: южные у Короленко и севернорусские (оканье, например) у Ключевского. Фонетические следы говоров слышны в устной речи многих наших современников, пишущих правильным литературным языком, – у журналистов, работников центральной администрации, у столичных депутатов, выступающих в залах и перед камерой, у деятелей искусства, науки и т.д.

§ 36. О носителе нормативного произношения

Кого можно считать в наше время носителем русского нормативного произношения? На этот вопрос можно ответить, сделав методологически верный выбор в следующей дилемме: является ли норма эталоном, идеалом, которого редко кому удастся достичь, но к которому следует всегда стремиться, или все же реально существует масса людей, в чьей речи воплощены общенациональные языковые нормы? Другими словами, надо ли в нашей прескриптивной практике настаивать на утверждении образцов, воплощаемых в жизни нечасто, или же многие говорящие реально владеют высшей формой русского языка, признанной единственной и рекомендуемой для всех?

Методологически правильным будет склониться ко второму решению: так же как в письменной и устной речи множества людей воплощены нормы словоупотребления, словообразования и грамматики, произношение многих представителей широкой общественности мы можем в принципе считать нормативным. При таком решении норма предстает перед нами не в качестве некоего абстрактного образца или недостижимого идеала. Нормативное произношение во втором случае – это система научно установленных реальных признаков, и она приобретает свойства любой другой нормы социального поведения человека.

Носителем русского орфоэпического (нормированного) произношения является тот, кто вырос в русской городской ре-

чевой среде, не имеющей заметных диалектных черт или следов влияния другого национального языка, получил (как минимум) среднее образование, овладел необходимыми основами речевой культуры (что сильно уменьшает возможное влияние фонетического просторечия).

Образование само по себе еще не дает знания произносительной нормы, не обеспечивает усвоения необходимых речевых навыков. Так, если в бытовой речи (общение в семье, с товарищами, контакты на улице и т.д.) обычный навык произношения можно считать достаточным (уместным), то в публичной речи этот стереотип воспринимается слушателями с неудовольствием, как небрежное, неумелое произношение, не достигшее необходимой (по ситуации) нормы.

Нет общей нормы, которая в равной степени была бы приемлемой для всех случаев общения. В языке имеется система норм, дифференцированных применительно к различным речевым ситуациям и к другим характеристикам общения. Русское нормированное произношение в устах любого его носителя существует во множестве вариантов, т.е. синонимичных средств, используемых для звукового оформления значимых элементов языка. И поскольку некоего произносительного абсолюта, годного для применения в любой ситуации, не существует, рекомендации по нормативному произношению целесообразно снабжать фоностилистическим комментарием.

Именно такой функциональный подход к проблемам нормативности позволяет при повышении культуры русского произношения избежать субъективного и ограниченного «запретительства», выработать программу лингвистического воспитания, совершенствования языкового чутья, вкуса, умения наилучшим образом пользоваться языком.

Культура строгого произношения в публичной (ораторской) речи не дается без специального труда, как само собой разумеющееся, такое произношение надо изучать и усваивать как особую отрасль знания и навыков. Этой важнейшей задаче посвящен специальный параграф данного раздела, где изложены особенности профессионального произношения в работе,

скажем, педагога, юриста, администратора перед аудиторией и т.д., а также перечислены возможные нарушения, отступления от норм в произношении.

§ 37. Вопрос о местных вариантах русского литературного произношения

Известно, что в разных городах России русское произношение неодинаково. Такие локальные различия в прошлом были довольно заметными. Так, Л.В. Щерба приводил примеры петербургского дореволюционного произношения, В.А. Богородицкий описал особенности русского произношения того времени в Казани, Д.Н. Ушаков – старомосковский говор (начало XX в.). Возникает вопрос: допустимы ли наряду с ныне обязательными современными московскими нормами произношения фонетические особенности местного городского говора? Другими словами, можно ли считать допустимыми территориальными вариантами литературного произношения говор тех, кто провел детство и юность, скажем, в Ростове-на-Дону, Харькове, Воронеже, Вологде, Свердловске, на Северном Кавказе и т.д. и употребляет в регионе произносительные черты, расходящиеся с рекомендуемыми нормами (например, *г* не смычное, взрывное, а [y] щелевое или различные местные особенности в безударных гласных, своеобразную ритмику слова, интонацию, отличную от рекомендуемой в московской литературной речи)?

Этот важный методологический вопрос в последние десятилетия изменил свое развитие. Признанных региональных вариантов русского литературного языка пока не существует. Ведь региональный вариант (там, где он есть, например в английском или немецком литературном языке) – это такая его разновидность, которая считается одинаково образцовой, приемлемой, общественно утвержденной, используемой в данном городе (регионе) равноправно с основной разновидностью литературного языка. В подобных случаях русский региональный вариант был

бы принят, утвержден и употреблялся бы в качестве нормативного повсеместно в регионе, где имеется потомственная интеллигенция: в средних и высших школах, на сценах театров и концертных залов, в законодательном собрании, во встречах администрации с населением, в судах и т.д.

У нас нет пока оснований считать, что в произношении (как и на других уровнях языка) рядом с нормированной формой, описанной в московском «Орфоэпическом словаре русского языка», существуют, будучи отобранными и прошедшими экспертную оценку, скажем, средневожжский, уральский, воронежский, харьковский, северокавказский и другие, якобы равноправные с утвержденной нормой, региональные варианты. Время от времени специалисты защищают диссертации, публикуют статьи, посвященные описанию региональных городских вариантов в устах местных теле- и радиоведущих, признанных актеров, интеллигенции (способных филологов-орфоэпистов готовит местный университет, они и обследуют произношение своих земляков). Следовательно, существует не одобренная пока центром возможность кодификации отдельных русских локальных вариантов произношения и выпуск местных орфоэпических справочников. Сторонников всего этого среди филологов и широкой общественности немного (больше на местах, совсем мало среди филологов, журналистов СМИ в центре), однако проблема живет уже больше века, она не снята, носит перманентный характер. К слову, писатели – классики XX в. с пиеетом относились к региональной русской речи.

Существующие в современном литературном языке (скажем, в московской нормированной речи) орфоэпические варианты (их имеется немало) свойственны любому носителю общепринятого произношения, их преимущественное употребление зависит, скажем, от возраста носителя литературного языка, культурных навыков, стилистической установки речи и иных причин (функциональная нетождественность как свойство нормативных вариантов). Локальные же разновидности произношения носят совсем иной характер. Надо отличать утвержденные языковые нормы и их варианты (свойство которых, как

сказано, – функциональная нетождественность) от локальных черт в произношении; последние в звучании пока специальной функциональной нагрузки не несут (кроме местной речевой краски в характерных ролях на сцене или в фильмах).

§ 38. Практическое значение орфоэпии

Орфоэпия (с греч., буквально «правильная речь») прагматична: формулируя общие представления о правильности в произношении, она дает каждому говорящему конкретные рекомендации, направленные на достижение им необходимого уровня в произношении; эти рекомендации основываются, естественно, на реальной картине идиолекта, индивидуальном произношении этого индивида. Выдающийся английский лингвист Г. Суит выразился афористически: «Пока мы не знаем, как на самом деле говорим, мы не можем ответить на вопрос, как мы должны говорить» [Sweet, 1911, p. IX]. Советы, в том числе по совершенствованию русского профессионального произношения, специалист по орфоэпии должен формулировать для каждого особое, основываясь на конкретных «деталях» идиолекта (т.е. на совокупности индивидуальных особенностей речи).

Известно, что нормированное произношение имеет также варианты, употребление которых может зависеть от социальных характеристик говорящего (от его социального положения), реального жизненного опыта (следует подчеркнуть объективный характер этой зависимости, ведь говорящий не «выбирает» эти произносительные варианты). На речь конкретного носителя нормированного языка могут влиять такие внеязыковые факторы, как говор местности, где говорящий провел детство и юность, возрастная группировка, та или иная социальная среда, в которой он находится, а также уровень квалификации, культуры человека. Вместе с тем языковеды отмечают отсутствие жесткой однозначной связи между соответствующим речевым вариантом и социальной характеристикой носителя; можно говорить о преимущественной соотнесенности варианта с

определенными социальными группировками. Кроме того, при определении, например, профессиональной обусловленности отдельных черт в произношении важную роль играет не столько специальность говорящего (подробности его социального опыта), сколько то, кем он стремится быть, его представления о социальных ценностях.

Тесно связана с социофонетическими характеристиками речи (т.е. оценкой произношения с учетом социальных характеристик говорящих) ее фоностилистическая дифференциация – различия в произношении конкретного носителя литературного языка, зависящие от речевой ситуации, отношения к собеседнику и содержанию речи, от типа дискурса и т.д. С точки зрения психологии и физиологии, стили произношения есть акустические эквиваленты к психологическим и физиологическим перестройкам, которые, в свою очередь, коррелируют с переменами в ситуации общения. Тем самым в установлении особенностей произношения конкретного индивида (произносительная сторона идиолекта) оказываются тесно слитыми психо- и социолингвистические подходы.

Социальную и стилистическую вариативность в речи называют стратификационно-ситуативными переменными в речи. Эти данные необходимы в индивидуальной работе по повышению произносительной культуры, поскольку имеющиеся в пособиях, словарях общие усредненные указания о нормативном произношении, которые как бы поднимаются над говором реальных носителей, имеют недостаточный практический эффект.

Редкий человек из тех, кто нуждается в совершенствовании культуры своего произношения, умеет пользоваться этими общими указаниями, т.е. превращает орфоэпические знания в свой практический навык. Дело в том, что сам себя человек «слышит» хуже, чем других, контролирует свое произношение недостаточно, имеет низкий вербальный слух в оценке собственного идиолекта, и большинство общих указаний говорящий на свой счет не принимает. Здесь на практике необходимо демонстрировать разницу между его идиолектом и образцовым произносительным вариантом в тексте, и хотя недоверие, смущение, под-

сознательный протест – обычная реакция обучаемого, именно показ таких контрастов является наиболее эффективным приемом. Описанный здесь метод трактует речь как определенный вид деятельности с целым рядом ее социальных особенностей и изучает не просто систему речевых действий, а говорящего человека.

§ 39. Понятие о стилях произношения

Центральной проблемой орфоэпии как теоретической и практической дисциплины является учение о стилистическом расслоении звучания в речи, учение о стилях произношения.

В зависимости от целей и предмета речи (установки) как части деятельности человека, а также от ситуации – официальной или непринужденной, в зависимости от того, кто собеседник, обращается ли говорящий к одному или ко многим (например, на собрании, лекции) и т.д., происходит выбор в речевом многообразии индивидуума, являющемся сложным переплетением единиц различных языковых уровней. Закономерное соединение таких единиц образует функциональные стили, а при варьировании единиц в пределах различных ярусов фонетического уровня – стили произношения. Функциональные стили характеризуют синонимичные единицы, имеющие двусторонний характер (связь означаемого и означающего в морфеме, слове, конструкции). Единицы фонетического уровня носят односторонний характер, связь с мышлением у них опосредована и выражена гораздо слабее. По этой причине произношение, в отличие от употребления морфем, слов, предложений, является в значительной мере неконтролируемым, автоматизированным явлением речи.

Ясно ощущая стилевую разницу между синонимичными словами, формами или конструкциями, носители языка обычно не замечают произносительных вариантов, зависящих от тех же стилеобразующих факторов. Американский лингвист У. Лабов утверждает, что стили можно расположить по значениям одного

параметра – по степени внимания, с которым говорящий относится к речи [Лабов, 1975, 120]. В непринужденной речи мы, как правило, не обращаем внимания на особенности произношения, однако официальная ситуация и профессиональные установки в речи как части поведения приводят к тому, что внимание к артикуляции повышается, уменьшается привычный фонетический автоматизм в производстве и восприятии речи. Первый тип произношения – неполный, эллиптический, разговорный, второй в данном случае целесообразно называть профессиональным, не отделяя при этом собственно произношения от степеней его отчетливости, внятности. Навыки профессионального произношения связаны со специфическими установками в речи, с тексто- и стилеобразующими факторами, в число которых входит тема, субъективная модальность и т.д. Обратимся поэтому вначале к единицам коммуникации, ознакомимся с требованиями к профессиональному чтению текста.

Вопросы и задания

1. Как соотносятся между собой фонетическая система и орфоэпия? Охарактеризуйте, с одной стороны, системные явления в фонетике и, с другой – особенности единиц в орфоэпии.
2. Что можно сказать о степени владения орфоэпическими нормами и в связи с этим, в ряду другого, о впечатлении от общего культурного уровня говорящего?
3. Расскажите предварительно о том, что изучает орфоэпия.
4. Как связано (в общем виде) становление культуры речи с развитием культуры личности?
5. Расскажите об источниках отступления от языковых норм.
6. Известна ли вам парадоксальная мысль Л.В. Щербы о том, что надо хорошо знать норму, чтобы понимать прелесть отступления от нее?
7. Расскажите о вариантности в литературном языке.
8. Охарактеризуйте в общем произносительную норму как часть языковых норм.

9. В чем своеобразие усвоения произносительных норм в отличие от обучения нормам в лексике и грамматике?
10. Расскажите о роли литературы в выработке общенациональных языковых норм. В чем состоит особенность в формировании орфоэпических норм?
11. Кого можно назвать носителем нормативного произношения?
12. В чем состоит проблема вариантов русского литературного произношения?
13. На основе чего можно специалисту определить потребность человека в совершенствовании его профессионального (ораторского, актерского, «медийного», педагогического и т.д.) произношения?
14. Расскажите предварительно, в общем виде, изложенную в пособии концепцию стилей произношения.

ЛИТЕРАТУРА

- Богомазов Г.М. Современный русский литературный язык: Фонетика. – М.: Владос, 2001.
- Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно. – М.: Высш. шк., 1993.
- Вещикова И.А. Орфоэпия: основы теории и прикладные аспекты. – М.: Флинта, 2007.
- Ганиев Ж.В. Русский язык: Фонетика и орфоэпия. – М.: Высш. шк., 1990.
- Горбачевич К.С. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. – СПб.: Норинт, 2002.
- Замыслова В.Н. Особенности функционирования орфоэпических вариантов в Красноярском крае // Фонетика сегодня: материалы докладов и сообщений. – М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова, 2007. – С. 61–64.
- Каленчук М.Л. О фонетической и орфоэпической подсистемах русского литературного языка // Язык. Система и подсистемы: К 70-летию М.В. Панова. – М.: Наука, 1990. – С. 58–89.
- Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей русского произношения. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ, Транзиткнига, 2006.

- Касаткин Л.Л. Современный русский язык. Фонетика. – М.: Академия, 2006.
- Колесов В.В. Язык города. – М.: Высш. шк., 1991.
- Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова; под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Рус. яз., 2002.
- Панов М.В. О русской орфоэпии // М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. – Т. 1 / под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 467–478.
- Сиротинина О.Б. Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи / отв. ред. Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская. – М.: Наука, 1988. – С. 247–253.
- Ушаков Д.Н. Русская орфоэпия и ее задачи. О правильном произношении // Ушаков Д.Н. Русский язык / вступ. ст., подг. текста, сост. М.В. Панова. – М.: Просвещение: Учебн. лит-ра, 1995. – С. 67–88.
- Языковой облик уральского города: сб. научных трудов. – Свердловск: УрГУ, 1990. – С. 3–30, 72–79, 90–103.

Глава 10. КУЛЬТУРА ЗВУЧАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

§ 40. Чтение вслух

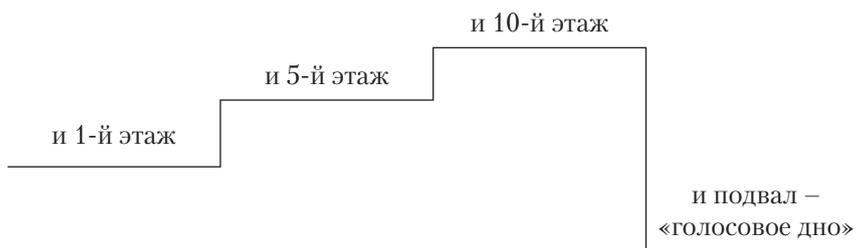
Чтение вслух – один из профессионально необходимых типов речи, важность его подчеркивают преподаватели и в средней школе. Однако всем известна та интонационная бедность, которая характеризует чтение у большинства: это суженный диапазон движения тона, стереотипный интонационный рисунок в обозначении темы и ремы высказывания, однообразные фразовые ударения; невыразительный темп, сравнимый с упомянутой здесь монотонностью в мелодике, которая не позволяет проявиться субъективной модальности автора текста и чтеца. Обычно при хорошем знакомстве с жанрами и стилями печатного слова, в особенности в периодике, начинающий чтец стремится продемонстрировать на таких текстах беглость чтения вслух. Клишированные тексты даже при первом чтении порождают у него стереотипное понимание задачи: показать в интонации большую предсказуемость и тривиальность для него содержания и формы текста. Наблюдая это, известный языковед С.И. Бернштейн советовал: «Диктор должен быть тем мастером звучащего слова, который при помощи чтения создает впечатление свободной устной речи» [Бернштейн С.И. , 1977, 37].

Важнейшая задача для обучающихся – услышать и понять разницу в интонировании при обычном непрофессиональном чтении и в чтении того же текста профессиональным диктором. В ходе выполнения специальных упражнений надо стремиться расширить диапазон движения тона в синтагме и сделать тем самым интонацию в своем чтении более выразительной.

Упражнение 24. [Предлагаемое задание направлено на расширение диапазона голоса в движении тона. Тренировка производится на текстах, но их содержание и модальность с самим заданием прямо не связаны.] Подберите любое восьмистишие и прочтите

его, повышая тон на каждой строке. Пользуйтесь повышением тона расчетливо, чтобы его «хватило» на все строки стихотворения. Определите, если есть возможность, с помощью музыкального инструмента средний тон своего голоса, начинайте читать на два-три тона ниже «центра».

Упражнение 25. [После того как постепенность в повышении тона стала доступна (см. предыдущее задание), можно упражняться в повышении и понижении голоса большими интервалами.] Читайте в соответствии со схемой. Если трудно опустить голос «в подвал», помогите рукой: опуская руку, расслабьте область глотки.

§ 41. Обучение чтению текста

Вначале несколько слов о природе чтения. Это не просто оперирование буквами, не воспроизведение графических изображений текста, а руководимое текстом говорение, воссоздание звуковой формы речевого произведения и его частей в зависимости от его базовых смысловых характеристик. Чтение в высокой степени автоматизировано, процесс идет при опережающем угадывании, прогнозировании смысла и конструкции; немало важное значение имеет здесь и «объем глаза-голоса», т.е. число словоформ, на которое глаза читают как бы «опережают» его голос. В зависимости от степени понимания текста различаются слабый и значительный «объем глаза-голоса» [см.: Развитие фонетики современного русского языка, 1966, 166–169]. Хорошо читает тот, кому известна верная характеристика текста, его смысловая структура, кто умеет на этой основе предвидеть раз-

витие смысловых «узлов» текста, правильно определить свое отношение к предмету текста и отношение автора к адресату.

Предложения и сверхфразовые единства (СФЕ) в реальной языковой действительности существуют не изолированно друг от друга, а как части более сложного языкового комплекса, связанные внутри его информативными и синтаксическими связями. Единица коммуникации (текст), организованная на основе языковых (синтаксических) связей, содержательно объединяет разноуровневые единицы сообщения в единое целое [Русская грамматика, 1980, II, 83]. Синтезирующую функцию в форме текста играет его интонация, главными частями которой являются ударения различных рангов и движение тона.

Чтобы верно прочитать текст, нужен предварительный анализ его основ: читающий должен знать необходимые данные об авторе, в том числе о его мировоззрении (в период создания произведения), специфике его творчества, надо знать и социально-историческую характеристику эпохи, получившей отражение в тексте. Завершается предметный анализ определением темы, идеи, композиции текста, отношения читающего к содержанию речи и к ее адресату (эти субъективно-модальные значения тесно связаны с экспрессивной оценкой сообщаемого, с его эмоциональной оценкой); необходимый компонент подготовки – определение общей цели и суммы микроцелей чтения. Все это в той или иной мере отразится на интонации чтения. «Выразительность произношения (т.е. интонация и ритм фразы) является функцией смысла данной фразы, далее ...выразительность эта по форме отличается от языка к языку» [Щерба, 1974, 321].

Различительные признаки ИК, приведенные в главе об интонационной системе русского языка, устанавливаются на материале нейтральных реализаций. Модальные реализации в вариантах ИК служат для выражения субъективного отношения говорящего к высказыванию (произнесение ИК в верхнем или нижнем регистре, отличия в движении тона на гласном центра, предцентровом или постцентровом слогах, увеличение длительности слогов и т.д.) [см. Русская грамматика, 1980, II, 231–236].

Имеются интонационные различия нейтрального и субъективного отношения говорящего к содержанию высказываний с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом, например: *Но ведь и вы об этом знали.* (ИК-1); – *Но ведь и вы об этом знали!* (ИК-3); *Как ты пишешь?* – *Как ты пишешь!* и т.д. [см. Интонация, 1978, 26].

При подготовке к чтению необходимо во фразах разметить границы синтагм, определить интонационные центры и слова, на которые падает логическое ударение, важно отметить особенности темпового и мелодического варьирования в зачинах и концовках фоноабзацев и текста в целом. Это называется интонационной разметкой текста [Черемисина, 1989, 206 – 207].

Важную роль при разметке текста играет система знаков препинания в нем. Существуют определенные отношения между пунктуацией и синтагматическим членением, паузировкой, рисунком в движении тона. Знаки препинания, считал А.П. Чехов, служат «нотами при чтении». Совокупность словарных и грамматических значений превращается в тексте в языковую субстанцию для развертывания смысла текста и его блоков (СФЕ), подобно этому интонационные конструкции отдельных фраз как бы переплавляются в тексте под общим воздействием целей, субъективной модальности, композиции текста, других его предметных характеристик. Осуществляется общетекстовая интеграция интонаций отдельных фраз. Просодия (движение тона, паузировка, распределение различных типов ударений), играя большую коммуникативную роль, как бы теснит в структуре текста собственно грамматические показатели в оформлении словосочетаний, предложений.

Композиция, рамки развертывания микротем, те или иные приемы объединения их в блоки (субтемы) зависят от функционального стиля и жанра текста. Научный текст представляет собой, как правило, логически связанное рассуждение и имеет достаточно признаков, по которым осуществляется корректное членение текста. То же можно отнести и к официально-деловым текстам. Художественный текст «говорит» на языке образов и строится обычно на основе сюжета. Структура художественного

текста может диктоваться и мотивами индивидуально-психологического восприятия.

Цельность текста выражается в коммуникативной преемственности составляющих в цепи. Например, каждое последующее предложение в СФЕ опирается в коммуникативном плане на предшествующее (контактная, дистантная связь), продвигая высказывание от известного, «данного», к новому. Так образуется тема-рематическая цепочка, в которой определены границы СФЕ [Колшанский, 2005, 108].

Порождение текста в коммуникативных процессах происходит не линейно, не путем механического нанизывания предложений, а «сверху вниз», в виде развертывания доминирующего смыслового ядра. Это реализуется путем составления некоторой общей схемы развития мысли в тексте, а следовательно, и ее речевого оформления. Говорящий имеет план построения определенной смысловой линии [Колшанский, 1983, 50]. Цельность текста состоит в единстве коммуникативной интенции автора, говорящего и в иерархии планов речевого высказывания. Главная мысль текста дробится на части, главы, субтемы (блоки), а последние, в свою очередь, разветвляются на микро-темы. Обычно наибольшую смысловую и композиционную нагрузку несут СФЕ, начинающие произведение или блок СФЕ. «Внутренние» СФЕ призваны развивать, пояснять, иллюстрировать тему, намеченную в ключевом СФЕ. Основной способ организации крупных текстов – семантико-синтаксическая связь зачинов фрагментов [Солганик, 2007, 194–195].

Содержательно значимы заглавие, начало и конец текста, которые получают каждый раз своеобразное интонационное оформление, зависящее от жанра, стиля, композиции, видения адресата. Интонационное оформление содержательно значимых участков текста обеспечивает их «переключку» и тем самым поддерживает интерес у слушателя к тексту. Донесение основной мысли при чтении вслух К.С. Станиславский называл логической перспективой текста.

Для текстов различных функциональных стилей типично преимущественное употребление тех или иных типов ИК в на-

чале, конце или в средней части текста. Так, для текстов официально-делового стиля типично употребление ИК-4, ИК-3 в начальных фразах, ИК-1 в конечных, а в средней части текста – ИК-4, ИК-3 и ИК-6.

При произнесении научных текстов типичным является употребление ИК-2 в неконечных синтагмах. В начальных и срединных фразах текстов научного стиля обычны ИК-4, ИК-6, ИК-3 и ИК-2. Главным интонационным признаком при произнесении текстов публицистического стиля является преобладание ИК-6 в неконечных синтагмах. В начале таких текстов могут употребляться ИК-6 и ИК-2, а в конце, как и в официально-деловом и публицистическом стилях, – ИК-1.

В текстах разговорной окраски в их начале и середине по преимуществу слышится ИК-3, четвертая интонационная конструкция почти полностью исключается.

Наибольшее интонационное разнообразие отличает тексты художественного стиля; сопоставление таких текстов возможно только по их жанрам, тематике, субъективной модальности и т.д. [Иванова-Лукьянова, 1989, 41 – 42].

Упражнение 26. Подберите тексты официально-делового, научного и публицистического стилей. Продумайте расстановку в них пауз, фразовых ударений, движения тона в пределах синтагм (типы ИК). Запишите свое чтение текста на диск, сопоставьте звучание записанного текста с тем, которое вы предварительно обдумали. Сопоставьте интонацию в текстах различных функциональных стилей. Опишите замеченные вами интонационные различия. [При выполнении задания можете прибегнуть к помощи преподавателя.]

Упражнение 27. Выберите законченный текст-миниатюру (не более 1 стр.) из произведений И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Бунина, В.П. Астафьева и др. русских писателей (или целое стихотворение русского поэта объемом 150–200 слов). Что вам известно о духовной личности автора, в том числе о его мировоззрении в период создания избранного вами художественного произведения, об эпохе, получившей отражение в тексте или в стихотворении?

Определите тему, коммуникативную направленность текста, микротемы и микроцели СФЕ. Что можно сказать об отношении автора к предмету (к теме) текста? Определите отношение автора к воображаемому читателю (вместе с предыдущим – это субъективная модальность текста). Какова композиция текста?

Исследуйте роль образных (в лексике текста) и выразительных (в синтаксисе) средств в выбранном художественном произведении.

Разметьте текст: укажите паузы разных типов, границы синтагм, определите интонационные центры и словоформы с логическим ударением. Обозначьте движение тона и ударения различных рангов.

Определите темповое и мелодическое варьирование в чтении зачина и концовки текста, его заглавия, а также в чтении зачинов и концовок фоноабзацев.

Из перечисленных заданий состоит подготовка к репетициям и демонстрационному чтению произведения. Избегайте нарочитой напевности в чтении композиционных частей, приводящей к однообразию. Иными словами, читайте «с чувством, с толком, с расстановкой». Желаем творческого успеха!

§ 42. Парафонетические средства как проблема культуры устной речи

В устной речи – спонтанной, подготовленной и в чтении – выделяются две группы парафонетизмов: парафонетические парентезы (включения в речи) и неязыковые модификации сегментов. К парентезам относятся эканье-меканье (выражение из работ 50-х годов XX в. чл.-корр. АН СССР Н.В. Юшманова), продление гласных и согласных звуков, задержка дыхания после вдоха и глухой взрыв голосовых связок, шумные вздохи, неязыковые паузы. Неязыковые модификации – это назализация концов в синтагмах, преждевременная «демобилизация» гласных верхнего подъема и делабиализация, эмканье. Парентезы и неязыковые модификации сопровождают текст на фонети-

ческом уровне (парафонетические средства), а при собственно языковом подходе к тексту обычно не фиксируются, не останавливают на себе внимание исследователей. Парафонетические средства «привязаны» к концу синтагм и носят, таким образом, суперсегментный характер, хотя и не сопровождают развертывание фонем как просодические явления – тон, интенсивность и т.д.

Парафонетизмы, встречаясь в любой речи, подготовленной и спонтанной, затрудняют восприятие языкового сообщения. Это осознают не все и не в полной мере, и преимущественно слушатели, а не говорящие. В обиходе заполненные неязыковые паузы (эканье, другие типы нелексической фонации, продление звуков и т.п.) считаются звуками-паразитами, они нежелательны в профессиональной, публичной речи, поскольку здесь внимание слушателей к речевому поведению выступающего обострено, реакция аудитории более интенсивна, чем на речь в бытовой ситуации. Большинство парафонетизмов на слух неэстетично. Оценки приемлемости-неприемлемости звуковой стороны публичной, профессиональной речи основаны у слушателей на общественно-эстетическом опыте, на авторитете образцов; неумение подняться здесь до необходимого уровня расценивается как недостаток общей культуры личности.

Повышение произносительной культуры в парафонетике начинается с осознания перечня этих нежелательных явлений и условий их появления (метод предупреждения распространенных ошибок). Это улучшает вербальный слух, это важно, так как произношение в речи является в основном автоматизированным процессом.

Известно, что неязыковая фонация может сигнализировать об эмоциональной скованности выступающего, возникает как реакция в связи с психофизиологическим состоянием организма; причиной ее также является усталость, рассеяние внимания, увеличивающиеся к концу выступления; в ходе его говорящий может оказаться менее или более собранным, и об этом также могут сигнализировать парафонетические средства.

Будучи «природными звуками», парафонетизмы малосистемны и условно могут считаться дискретными. Обратимся к их характеристике.

Э к а н ь е встречается во всех видах устной речи как знак размышления (колебания, или гезитации) при определенном эмоциональном «самочувствии», размах которого – от напряженности до пренебрежения. Это звуки неполного образования, менее интенсивные, чем звуки языковые; не всякое эканье одинаково «бросается в уши». Есть «скромные» виды, а есть очень заметные, вызывающие неприязнь: ср. [(ъ), (м:)]¹ и [ъ:ў̣:мг̣'и, ь:уф̣ь:м] и т.д. Эканье в известном количестве и качестве вполне может символизировать иерархические отношения коммуникантов.

Рядом с общепринятой рекомендацией избегать эканья в ответственных ситуациях существуют социальные проявления нарочитого эканья, в особенности там, где процветает элитарность. В обществе с большой разницей в благосостоянии его прослоек и с унижительной бедностью низов протесты деятелей культуры против эканья неизбежно приобретают социальный смысл и обращены против господствующих групп, поведение которых характеризуется отсутствием должного воспитания и в связи с этим оценивается отрицательно с точки зрения общественной, гуманистической морали. Имеется в виду обращение «высших» к «низшим», в котором эканье символизирует оскорбление достоинства адресата.

П р о д л е н и е г л а с н ы х (в основном финальных в синтагме) сродни эканью; несколько дальше от природы эканья как голосового явления отстоит п р о д л е н и е с о г л а с н ы х, поскольку удлиняться могут и глухие согласные. Продление, как и эканье, – знак раздумья, выбора, колебания. Чаще других продлеваются гласные союзов *что, и*, слов-сорняков *ну, вот*, компоненты некоторых предлогов, звуки в частице *это*, иногда в личных местоимениях. К продлениям в социуме относятся снисходительнее, чем к эканью.

¹ Круглые скобки внутри квадратных в транскрипции означают ослабленность, нечеткость звучания.

Физиологически сродни продлению согласных явления задержки дыхания на вдохе и глухого взрыва связок. Задерживают дыхание неосознанно, когда речевое звучание должно появиться буквально в следующее мгновение, но еще не кончилась фаза контроля и селекции речевых единиц. Сходные причины у взрыва голосовых связок.

Шумные вздохи (вдох, выдох) так же, как эканье и другая нелексическая фонация, неуместны (нежелательны) с точки зрения речевой этики в официальной обстановке. Шумные вздохи могут быть вызваны волнением, однако говорящий, особенно перед микрофоном, должен свести их к минимуму.

«Отлипание» средней части спинки языка от нёба и боков языка от щек сопровождается чмоканьем, которое заполняет часть паузы, необходимой для обдумывания, а в спонтанной речи – также для выбора. Чмокает, кроме того, уставший чтец перед новым абзацем. Как и речевое мычание, чмоканье, когда его «улавливают», неприятно, на что обращают внимание педагоги в театральных вузах. Оно меньше контролируется говорящим, чем эканье или шумные вздохи; слабое чмоканье – смачивание полости рта, сглатывание – физиологически свойственно всем, производится, так сказать, машинально. Важно не перерасти в этом рамки допустимого в звуковой этике.

Неязыковые паузы принято еще называть паузами колебания, обдумывания, затрудненного выбора слов и т.д. В официальной обстановке, в соответствии с этикетом, немую неязыковую паузу следует предпочесть вокализованной (например, эканью, продлениям, чмоканью).

Парафонетические парентезы функционально эквивалентны словам-сорнякам, признакам экстенсивного развертывания речи (повторениям, апеллятивным средствам типа *понимаете, знаете*, самокоррекции и т.д.). Все это мешает воспринять текст и, свидетельствуя о недостаточном владении словом, по нормативным представлениям нежелательно.

В отличие от парентез, модификации не являются знаками обдумывания, выбора, колебания и т.д., они широко распространены и в чтении.

Н а з а л и з а ц и я – наиболее заметная для речевого этикета модификация и оценивается даже как вульгарная черта. Назализация не зависит от соседства с носовым согласным, она обусловлена одновременной подачей звуков через ротовой и носовой проходы. Примеры: *Дорогие москвичи и гости столиц[ь]! ... традиционный праздник книг[ь]!* Это происходит из-за небрежного, преждевременного опускания мягкого нёба (и язычка) еще до окончания синтагмы.

«Стремясь» занять нейтральное положение, спинка языка преждевременно «демобилизуется» из верхнего положения при произношении финальных в синтагме заударных гласных *и, ы, у*. Примеры: *Ларис, а где твои нарцисс[ь]? Красивые они бы[л'ь]* и т.д. В чтении такие процессы развиты гораздо меньше, чем в спонтанной речи.

Э м к а н ь е – тоже следствие речевой небрежности, когда голос после финальной в синтагме гласной еще звучит, а губы уже возвратились в нейтральное положение, сомкнуты: ... *в городе[(м)], ... девушки[(м)], ... о женитьбе[(м)], ... о спорте[(м)], про [н'ивó(м)]* и т.д.

Парафонетика в речи подчиняется общим нормам поведения человека как часть речевого этикета. Нормы употребления «сверхязыкового остатка», соотнесенные с разной степенью осознанности, с представлением говорящего об ожиданиях (психологических «ожиданиях») микросреды, в какой-то степени схожи с природой языковой нормы – в той ее части, где последняя формируется наряду с прочим на основе этического принципа («вкусовой» оценки, культурной традиции, авторитета образцов); парафонетика ближе всего к норме узуальной, самой элементарной.

Природа парафонетизмов такова, что они, будучи, казалось бы, данными «от природы» (поскольку появляются при внеязыковом функционировании произносительного аппарата), вместе с тем зависят от культурной моды, а их оценка – от исторически сложившегося взгляда нации на образцы речевого поведения [Ганиев, 1987, 209–212; Ганиев, 2002, 75–81; Ганиев, 2010, 8–12].

Упражнение 28. Начинайте с негласной фиксации парафонетизмов (как и слов-«паразитов») в подготовленной учебной речи ваших коллег по группе, курсу (выступления студентов на семинарских занятиях, ответы на зачетах, экзаменах и т.д.).

Постарайтесь это расширение своего вербального слуха обратить себе на пользу: «ловите» себя на употреблении парентез и модификаций (как и слов-«паразитов»). Так от выступления к выступлению, от ответа к ответу на вопросы преподавателей укрепляется ваш самоконтроль (вербальный слух), повышается качество собственной речи в части парафонетики. [Культурноречевая этика не позволяет при этом делать замечания или иронизировать в адрес коллег или старших в учебном заведении, в семье, в общественных местах и т.д.]

§ 47. Устранение неблагозвучия в речи

Устранение неблагозвучия в речи – древняя традиция, восходящая к античным риторикам. В XVIII в. известнейшим авторитетом в этой области в России был М.В. Ломоносов. В чем ее проблематика? Недочеты в звуковой организации речи затрудняют артикуляцию при чтении вслух, становятся причиной неверного толкования, вызывают неуместные ассоциации. В и н - ф о р м а ц и и, в п у б л и ц и с т и ч е с к и х материалах необходимо избегать навязчивого повторения одинаковых и сходных звуков и сочетаний, употребления неблагозвучных словоформ, труднопроизносимых отрезков, образующихся при соединении слов в синтагме и во фразе.

Приводит к к а к о ф о н и и обилие немотивированного употребления свистящих, шипящих звуков, взрывных зубных, сочетания согласных с [р, р'], само обилие указанных звуков. Примеры: *Выход нащупывает специальный канал телевидения, создавая сценарные мастерские с штатными сценаристами на периферийных студиях; Сейчас диспетчер из Одессы сообщает поездную обстановку, и из динамика слышится перестук колес проходящих мимо составов; Действительно, не все перемены оказались приятным сюрпризом для простого человека: конку-*

рениция между предприятиями, напористый натиск энергичного частника, «прыгающие» цифры на ценниках товаров.

В художественной литературе, частично в публицистике применение разнообразных фонетических приемов для создания особой выразительности, образности речи целесообразно и оправданно, это называется звукописью. Переводчики стараются в этих случаях бережно воспроизвести в русском языке элементы музыки иноязычного текста, и для этого требуется немалый талант и старание.

Однако для оригинальных нехудожественных русских текстов неуместная рифма, странности в виде стихового ритма, случайные звуковые повторы, назойливое и неумелое употребление преимущественно коротких, односложных слов или злоупотребление длиннотами рассматриваются как досадный недочет в звуковой организации речи, и на них распространяется прием сигнала-запрета при редактировании текста. Ср.: *Весенний марафон «Золотого камертона»*; *Во избежание размагничивания проездных билетов держите их отдельно от ключей и других металлических предметов* (в этой информации на городском транспорте имеется, кроме неуместной рифмы и случаев какофонии, несколько других культурноречевых ошибок); *Концертное театрализованное представление популярных исполнителей*; *Сад был пуст, стар, гол, шел дождь*; *Он рассказывал о раскулачивании, и эти рассказы оказали влияние на казаков*. Нежелательно также стечение гласных (их зияние): *У Гали и у Олега*.

Свойственная русскому языку сочетаемость звуков, соотношение гласных и согласных могут нарушаться при создании сложносокращенных слов (например, *ВВАС, НДРЙ*). Неблагозвучные, длинные аббревиатуры нередко пародируются (вспомните отмененное слово *шкраб*). Стилистическая правка рекомендуется также при употреблении слов иноязычного происхождения и неологизмов, какофоничных с точки зрения фонетической организации речи (нуждается в правке фраза, если в ней употреблены вместе такие слова, как *экзальтация, эрудиция, аффектация, негативный эффект*) [см.: Голуб, 2003, 156–

166; Культура русской речи: Энциклоп. словарь, 2003, 99–100, 338–339].

Умелое в звуковом отношении построение текста – непереносимое требование культуры речи. Некоторые особенности имеет выступление перед микрофоном: при условии правильного использования электронной техники звукоусилительная установка освобождает лектора, юриста, администратора и вообще оратора от физического напряжения и необходимости форсировать голос. Вместе с тем частые в речи звуки [ш, ш':] и в особенности [с, с', з, з'] могут сопровождаться значительным усилением высоких частот, свистом и шипением; при произнесении глухих взрывных [п, п', т, т', к, к'] и др. в репродукторах слышны толчки, конечный в синтагме согласный [j] слышится порой с шумным призвуком [х'] и т.д. Все это неприятно действует на слушателей, может раздражать их, особенно если тембр голоса искажен и речь малоразборчива.

Перечисленные недостатки можно частично нейтрализовать, несколько снизив темп речи и сохранив равномерное давление воздушной (речевой) струи на микрофон. При этом желательно сохранять постоянную дистанцию по отношению к микрофону. Применительно к особенностям микрофона и данной усилительной установки надо найти оптимальный, благоприятный режим произнесения речи [Ножин, 1989, 239].

Упражнение 29. Отметьте случаи неблагозвучия и устраните их (фоноредактирование).

1. Вот какие нам заданы задачи в части участия в конкурсе. 2. Над двадцатигектарной территорией стрельбищ вздымаются дымы. 3. После экспедиции по традиции состоялся отчет любителей подводного плавания. 4. Индикация – это регистрация определенной информации. 5. Мы узнавали, не писали ли литераторы об этих событиях. 6. Угрожающий свет зловеще освещал кипящие воронки бурлящей воды. 7. Дети должны привыкать начинать свой день с утренней гимнастики, проводимой дома; она принесет пользу, если проводится систематически. 8. Крытый стадион открыт для всех. 9. Грузовик с прицепом, взвизгнув тормозами, свернул с шоссе и дальше пронесся по проселку. 10. В сложной ситуации, когда от реакции, расчета, фи-

зической выносливости зависит успех номера, вы понимаете: это не обычные актеры. 11. Три принципа русской пунктуации, их единство в правописании. 12. Эту проблему мы обсуждали с учеными с мировой известностью. 13. Справки по отправке грузов можно получить по Интернету. 14. Людям изнеженным или, наоборот, закаленным свойственна в разной мере способность к быстрому приспособлению организма к температурным изменениям. 15. Преподаватель задает учащимся ряд контрольных вопросов для уяснения усвоения материала. 16. Речь прерывалась слушателями шумными долгими аплодисментами. 17. Обеспечьте хранение проездных билетов отдельно от ключей и других металлических предметов.

Вопросы и задания

1. Что можно сказать о природе чтения вслух, о его профессиональной необходимости (для педагогов, юристов, работников администрации и т.д.)? Нелишне это и для родителей (домашнее чтение).
2. Расскажите об объеме «глаза–голоса» (психология чтения) и его роли для овладения мастерством в чтении вслух.
3. Расскажите об элементах интонации, играющей в тексте синтезирующую роль. Какие недостатки в звучании интонации известны и, к сожалению, широко распространены среди неопытных чтецов?
4. Какие предварительные сведения (об авторе, об эпохе и т.д.) нужны для учащегося при освоении чтения текста вслух?
5. Как можно в интонации выразить субъективную модальность (одна из текстообразующих категорий)?
6. Что такое интонационная разметка текста и когда к ней приступают чтецы?
7. С какой интонацией (общая характеристика) читаются тексты научного, официально-делового стиля? Можно ли эту характеристику отнести к чтению художественных текстов?
8. Цельность текста состоит в единстве коммуникативной интенции автора (и чтеца) и в иерархии частей текста. Поясните эту мысль.

9. Расскажите об интонационном оформлении заглавия, зачина и конца текста. Приведите пример.
10. Почему парентезы и неязыковые модификации названы парафонетическими средствами?
11. Расскажите об эканье и об оценке его приемлемости со стороны слушателей.
12. Какова физиологическая природа «чмоканья» и как воспринимается оно опытными слушателями? Знаете ли вы о специальном внимании к этому явлению в произношении актеров?
13. Расскажите об остальных парентезах, о превентивных мерах в связи с ними в целях повышения культуры произношения.
14. В чем психологическое различие неязыковых модификаций и парентез? Расскажите о всех случаях модификаций.
15. Как практически (см. упр. 28) можно избавиться от парафонетизмов как недостатка в собственной речи?
16. Расскажите о возможном неблагозвучии (какофонии) в нехудожественных текстах. В чем состоит фоноредактирование (см. упр. 29)?
17. О чем надо помнить при использовании микрофона в публичной речи?

ЛИТЕРАТУРА

- Ганиев Ж.В. Русский язык: Фонетика и орфоэпия. – М.: Высш. шк., 1990.
- Ганиев Ж.В. Что значат неязыковые явления в фонетике? (Полный перечень русских литературных парафонетизмов) // Фонетика в системе языка. – Вып. 3.– Ч. 1. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – С. 75–81.
- Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – 8-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2009. – С. 152–192.
- Иванова-Лукиянова Г.Н. Чтение вслух с опорой на пунктуацию. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1988.
- Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука. 1974.

Глава 11. ОРФОЭПИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В КОНСОНАНТИЗМЕ И ВОКАЛИЗМЕ. ОРФОЭПИЯ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ

Наибольший материал в орфоэпии накоплен в части произнесения согласных и гласных звуков, относительно немного известно об орфоэпии коммуникативных единиц языка. В главах 11–13 рассматриваются орфоэпические особенности и производительные варианты, а также особенности различных фонетических подсистем (произношение слов иноязычного происхождения, отдельных грамматических форм, особенности произношения сложносокращенных слов и т.д.). Варианты – это, в частности, сосуществование в произношении «стилей произношения», а также факты прежнего и нового качества, источник которого находится в приближении звучания к орфографии, другими словами, буквализм в произношении.

Ряд особенностей в произношении согласных и гласных, не обусловленных фонетической системой, а также место словесного ударения, где на практике также могут наблюдаться отклонения от нормы, – все они имеют конвенциональную (т.е. условную, принятую, соответствующую установившимся традициям) природу.

§ 44. Особенности произношения согласных звуков

1. Согласный [г] в нормированной речи – звук взрывной (при оглушении – [к]). На его месте у носителей южных говоров распространен фрикативный [γ] (при оглушении [х]). В нормированном произношении в виде исключения [γ] звучит в слове *бухгалтер* и производных от него (на месте *хг*), а глухой [х] в конце слова *Бог*.

2. В наречиях *сегодня, отчего*, в частицах *итого, того* на месте *г* произносится [в] (как и в окончаниях местоимений и прилагательных мужского и среднего рода в форме родительного

падежа единственного числа). Исконный источник этой черты – северные говоры.

3. В словоформах *лучший, лучше* перед [ш] слышится [т] или твердый [ч].

4. В словах *помощник, всенощная* произносится твердый [ш]; другими словами, на месте *щ*, перед *н* в словах церковнославянского происхождения читается как бы сочетание *ч* перед *н* из исконно русских *помочь, ночь* (ср. произношение [ш] в словах *горчичник, очечник, подсвечник* и т.д., см. ниже, п. 6). Вместе с тем современному русскому языку в положении перед [н] свойственны и [ш], и [ш'], ср. *клавишный, чудовищный*.

5. В словах *мужчина, перебежчик* на месте сочетания *жч*, в форме сравнительной степени наречий *жёстче, хлёстче* на месте *стч* может слышаться долгий мягкий звук [ш':] (в первой словоформе может звучать также [ш'ч']). Звук [ш':] может произноситься или всегда произноситься на месте сочетаний *зч, сч* в словах *грузчик, заказчик, резчик, смазчик, извозчик, приказчик, рассказчик, навязчивый, разносчик, подписчик, песчаник, счастливый, счастье, счет, электронно-счетный, счетчик, хозрасчет, считать* и др. Если межморфемная граница между приставкой и корнем реально осознается говорящими, на месте *сч* звучит сочетание [ш'ч']: *считать деньги* [ш':], но *считывать текст* [ш'ч'].

6. В словах *что, чтобы, ничто* произносится [ш], а в *нечто* – аффриката [ч']. Слова *конечно, скучно, яичница, пустячный, скворечник, девичник, прачечная, полуночничать, подсвечник, тряпочный, тряпичник* произносятся с фрикативным согласным [ш] перед *н* (в одном-двух словах из перечня как вариант может быть [ч']). Звук [ш] в сочетаниях – старомосковского происхождения. Стремясь к гиперкорректной речи, имеющей якобы «старомосковские корни», некоторые произносят слова *нечто, съемочный* со звуком [ш]. Это неверно, более того, частица *нешто* по русским говорам и в просторечии означает 'разве', а на прилагательное *съемочный* старомосковская норма произношения никогда не распространялась.

Некоторые ученые, ссылаясь на традиции русской классической рифмы, настаивают на произношении [ч'] в словах типа *скучно, нарочно, конечно* и т.п. Надо, однако, отметить, что прямых соответствий в произношении стихов и прозаической речи на протяжении столетий не наблюдалось. Известный немецкий филолог Ф. Заран некогда сказал: «Кто судит о поэзии по законам общепринятой прозы, легко впадает в заблуждения, имеющие тяжелые последствия» [Saran 1907, S. 29]. Правило имеет и обратную силу – от стихов к общепринятой речи. В русской классической поэзии отмечены как орфографические рифмы (типа *скучны – неразлучны, конечно – вечно* и т.д.), так и фонетическое произношение (*конечно – грешной, конечно – поспешно, скучно – равнодушно* и др.). Другими словами, норму общепринятой речи находим в орфоэпических словарях или в словарях трудностей, а не только в классической поэзии.

7. В словах *легкое (-ие), легкий, мягкий*, а также в производных от прилагательных, например *легкомысленный, легковая, налегке, легкоатлет, мягкотельный* и др., сочетание *гк* произносится как [хк]. (Ср. *тягчайший*, где слышится [кч'].)

8. Ряд слов с консонантными сочетаниями характеризуются так называемыми непроизносимыми согласными (явление дигезы). Слова *безжалостный, бескорыстный, добросовестный, должностной, грустный, радостный, честный, местность, крепостнический, буреветник, местничество, лестница, частник, взгрустнется, шестнадцать* и многие другие произносятся без взрывного согласного в сочетании *стн*, т.е. *безжало[сн]ый, буре-ве[с'н']ик* и т.д.

В словах *безвозмездный, звёздный, празднование, безвыездно, поздно, праздник, наездник, упразднить* и др. не произносится, но может и произноситься (в молодежной речи) взрывной [д, д'] в сочетании *здн*.

При образовании в русском языке прилагательных с суффиксом *-ск-* от названий населенных пунктов с финальным *-рг* (*Выборг, Гамбург, Зальцбург, Люксембург, Оренбург, Петербург* и т.д.) взрывной согласный после *р* выпадает, в нормированной речи прилагательные *оренбургский, петербургский, юрнберг-*

ский, страсбургский, эдинбургский и др. произносятся с сочетанием [рск]. Однако допустимо новое произношение с сочетанием [ркск].

Русские прилагательные, образовавшиеся от иноязычных существительных на *-ск* (*Дамаск, баск, этрусск*), произносятся с выпадением интерконсонантного *к*, т.е. с сочетанием [с:к']: *ба[с:к']ий, дама[с:к']ий, этру[с:к']ий* (в некоторых случаях слышен нормально краткий [с]). Последние два слова так и пишутся – с сочетанием **скк**. Сходное произношение (без интерконсонантного *к*) может быть у слов *хельсинкский, хельсинкцы* – с сочетаниями [нс, нц], однако допустимы в произношении сочетания [нкск, нкц].

Сочетание *ндц* в словоформах *ирландцы, новозеландцы, самаркандцы, шотландцы* и др. упрощается в произнесении до [нц]: *ирла[нц]ы* и т.д.

В произношении слова *шестьсот* между двумя *с* нет взрывного согласного, т.е. ударный слог слова звучит как [с'от].

В словах *участливый, завистливый, счастливый* (и производных от них) также не произносится [т].

В сочетании *вств* первый звук [в] не произносится в основах *чувств-* и *здравств-* (*чувство, самочувствие, сочувствовать, бесчувственный, здравствовать, да здравствует, здравствуйте* и др.). Кроме того, в слове *безмолвствовать* выпадает первое [в]: *безмо[лств]овать*.

В словах *сердце, сердцевина, сердцебиение* взрывной [д] не произносится.

В словах *солнце, солнцезащитный, солнцепек, солнцестояние* сочетание согласных произносится как [нц].

9. В отличие от прилагательных от *сентябрьский* до *декабрьский*, где произносится мягкий [р'], в слове *январский* в нормированной речи звучит [р] твердый. Те, кто допускает здесь мягкий звук, не только нарушают правило орфоэпии, но могут ошибаться и в правописании. Числительные *семьсот, восемьсот* произносятся с твердым [м].

10. Во многих случаях на месте орфографического написания с удвоенной согласной в слове произносится нормально

краткий согласный, или согласный нормальной длительности (речь идет об исконно русских словах; о кратких и долгих согласных в словах иноязычного происхождения см. в § 52): *русский* (и все однокоренные слова), *Россия* (и все однокоренные), *Белоруссия* (и однокоренные), *рассказ* (и все однокоренные), *бессонница* ([н'] и [н':]), *лиственница* (и однокоренное), *искусство*, *искусственный*, *верноподданнический* [н'], *гривенник* (и однокоренные), *дубинноголовый* [н-н:], *ремесленный*, *поленница* [н'~н':], *сумасшедший* (на месте *сиш* – [ш]), *одинадцать*, *шестьдесят* (на месте *стыд* – [з'д']), *недреманное око*, *озлобленный* и т.д.

Ряд бесприставочных страдательных причастий, пишущихся через *ни*, произносится с нормально кратким [н]: *вяленный* (на солнце), *раненный* (из пистолета), *варенный* (на медленном огне), *крашеный* (белилами), *тисненый* (золотом), *мазанный* (глиной) и т.д. Имеются исключения: с долгим [н:] произносятся *купленный*, *лишенный*, *брошенный*, *данный*, *плененный*.

В словах, оканчивающихся на заударные сочетания *-енник*, *-инник*, основным вариантом в произношении считается нормально краткий [н] (т.е. согласный нормальной длительности): *единомышленник*, *вольноотпущенник*, *подлинник*, *предшественник*, *производственник*, *промышленник*, *путешественник*, *ремесленник*, *родственник*, *соотечественник*, *ставленник* [н'~н':], *презвенник*, *утопленник*, *утренник*, *хозяйственник* [см. также: Богомазов, 2001, 121–122].

Наряду с нормально кратким [с] в прилагательных *русский*, *французский* имеется два десятка прилагательных с суффиксом *-ск-*, которые произносятся с [с]: *матросский*, *арзамасский*, *абхазский*, *киргизский* и т.д.

Пожалуй, только в словах *поручик*, *подпоручик* на месте одинарной согласной буквы *ч* можно традиционно услышать от носителя нормированного произношения долгий [ч':]. Здесь повлияла аналогия с правилом о произношении долгого согласного (на месте удвоенной буквы) после ударного гласного в интервокальном положении (ср. *чинно*, *матросский*, *обновлённый* и т.д.). Решающую роль в выборе долгого/краткого согласного

звука на месте удвоенных букв (или при слиянии парных по глухости-звонкости согласных) играет морфемный стык, как его ощущают говорящие: при очевидном стыке произносится долгий звук (например, *старинный, оттащить, рассада, ссылка, беззвёздный, отдушина*), если морфологический стык утрачен, слышится гласный нормальной длительности (*одинадцать, гривенник, помазанник* и др.).

Упражнение 30. Как произносятся, с точки зрения консонантизма, следующие словоформы? За справками обращайтесь к орфоэпическим словарям.

Проездной, горчичник, пациентка, прачечная, жёстко, пустячный, студентка, вожжи, булочная, гимнастка, завистливый, тряпичница, властный, булавочный (укол), дождь, дождя, артистка, стрелочник, позже, копеечный, езжу, поезжай, хлёсткий, хлёстче, похлёстче, похлеще, дождик, яичный, корреспондентка, богиня, приезжать, пряничный, шестьдесят, жужжит, посадочная (площадка), уездный, скучно, лаборантка, уезжать, дожди, молочница, хрустнувший, размозжить, альпинистка, убыточный, визжать, порядочный, считать (текст), дребезжать, лучше, тягчайший, легче, легкоатлет, оренбургский, восемьсот, хельсинкцы, петербургский, шотландцы, гривенник, верноподданнический, одинадцать, арзамасский, поручик, брошенный, сердцебиение, нечто, съёмочная (площадка), сердечные (болезни), скворечник, яичница, (друг) сердечный, отсюда.

§ 45. Особенности произношения гласных звуков

Произношение отдельных словоформ с сочетаниями *ша, жа, ца, це* в 1-м предударном слоге сложилось в нормированном языке традиционно и является исключением из закономерностей русского вокализма, описанных в главе 4. Также носит конвенциональный характер и не обусловлено нынешними закономерностями различие в нормированном произношении слов с ударными *ó* и *é*. Будучи зачастую безвариантными вокалическими особенностями, эти случаи представляют неотъемлемую часть орфоэпии как раздела о культуре речи.

1. В ограниченном количестве словоформ на месте *a* в 1-м предупредном слоге после твердых шипящих и *ц* произносится не звук [Л] (как, по общему правилу, в словах *шары́, пиджака́, цара́пина* и т.д.), а безударный гласный более высокого подъема и более передний по ряду, средний между [ы] и [э], т.е. [ы^э]: *жа-леть* (а также в однокоренных приставочных глаголах, в существительном *сожаление*), *жакет, жасмин* (и в однокоренных с ними словах), *ржаной, лошадиный* (и *лошадёнка*, а также в формах множественного числа *лошадей, -ям, -ями, -ьми, -ях*); сюда же относятся словоформы *двадцати, тридцати* (и *двадцатью, тридцатью*).

Исключением из закономерностей предупредного вокализма долгое время являлось произношение *e* после *ц* как [Л] в однокоренных словах *танц[Л]вать* (а также в приставочных глаголах), в прилагательном *танц[Л]вальный*. Это орфоэпическое правило изменилось: теперь произносится [ы^э], а прежний стандарт стал только допустимым.

2. Не [ó], а звук [э́] под ударением произносится в словах *афера, бесхребетный, блеф, бытие* (философский термин), *валежник, головешка, гололедица* (но *гололёд*), *гренадер, дебелый, житие, зев, костюмер, крестный* (ход, но *крёстный отец*), *леска, небытие, недоуменный (-нно)* (последние десятилетия доп. [ó]), *неоцененный, ночлежка, опека, оседлый (-ость), преемник, склеп, слежка, современный, скабресный, ярем, ячменный* и др.

Не [э́], а [ó] ударный произносится в словоформах *никчёмный, одноимённый, вёдер* (род.п. мн.ч.), *издёвка, клёст* (мн.ч. *клесты́*), *коммивояжёр, ксёндз* (род.п. ед.ч. *ксендза́, мн.ч. ксендзы́*), *побасёнка* (см. «Вечера на хуторе...» Н.В. Гоголя), *привёзший, привлёкший, принёсший, ремённый, шёрстка* (и *грубошёрстный*), *щёлка, жёрнов, жёлчь* (доп. *желчь*) и других.

Приведенные здесь примеры подобраны в превентивных целях, в соответствии с уже упоминавшимся эффективным принципом в орфоэпии (и культуре речи) – принципом сигнала-запрета.

Примеры различного значения у слов, звучание которых разнится лишь ударными [э́ – ó]: *истекший* (год) – *истёкший*

(кровью), *оглашенный* (кричит как оглашенный) – *оглашённый* (приказ), *совершенное* (произведение) – *совершённое* (преступление) и т.д.

Упражнение 31. Как произнести, с точки зрения вокализма, следующие словоформы? За справками обращайтесь к орфоэпическим словарям.

Жалеть, житие, крестный ход, жернов, жакет, оседлый, блеф, оглашенный приговор, лошадям, желоб, афера, шерстка, гренадер, лошадыми, привезший, к сожалению, гололедица, шершавый, бесхребетный, желчь, ксендз, шасси, пиджака, головешка, бытие, ксендза, никчемный, острое, жасмин, дебелый, одноименный, пожалей, опека, недоуменный, ржаной, ночлежка, ксендзы, привлечший, щелка, истекший срок, совершенное создание, поблескивал.

§ 46. Орфоэпия словесного ударения

Словоформы, на которых мы здесь остановимся, имеют целью предупреждение ошибок (к ним надо неоднократно возвращаться, чтобы они уложились в памяти) и служат акцентуальным словарем-минимумом в орфоэпии. Словоформы, помещенные в перечень, довольно часты в повседневной речи или звучат в электронных СМИ, в кинофильмах.

В русском языке с его разноместным и подвижным ударением есть определенное количество словоформ, где нередко наблюдаются отклонения от нормированного словесного ударения. Между тем верный выбор в подобных случаях – важнейший показатель культуры звучащей речи. Общепринятое письмо здесь помочь не в силах, поскольку в нем ударение не фиксируется. Источником, причиной таких ошибок является внелитературное просторечие, профессиональная речь, диалекты. Здесь приводятся трудные случаи нормированных ударений, связанных с системой форм слова (область морфонологии), а также такие, которые не нуждаются в подобной связи.

Приведем примеры, в которых чаще других встречаются

ся неправильные ударения: *агѐнт(ство)*, *алкого́ль*, *алфа́вит*, *апостро́ф*, *арбу́з* (во всех падежах ударение на *у́*), *аре́ст*, *аристокра́тия*, *асимметри́я*, (в) *аэропортáх*, *балóванный*, *баловáть* (-*ую* и т.д.), *басóвый*, *бекóн*, *бирма́нский*, *браву́рный*, *брала́* (*брáло*, *брáли* и т.д.), *бряца́ние*, *бюрокра́тия*, *валовóй* (не: *ва́ловый* продукт), *ве́рба*, (*тайная*) *вѐчера*, *взвилáсь*, *взяла́*, *воро́та*, *газирóванный*, *гѐнезис*, *гравѐр*, *гротѐсковый*, *дефис*, *диалóг*, *диспансѐр*, *добелá*, *добы́ча*, *до́гмат*, *договорѐнность*, *догово́рные*, *дозвони́шься* (-*йтся*, -*ймся*, -*йтесь*, -*ятсья*), *докуме́нт*, *до́ллар*, *донѐльзя*, *досу́г*, *дочерна́*, *дремо́та*, *духовни́к*, *жалюзí*, *жерло́*, *завíдно*, *заворожѐнный*, *за́дал* (-*ла́*), *задо́лго*, *заѐм* (*за́йма*), *заку́пори(ва)ть*, (*за*)*пломбирóванный*, *звала́*, *зна́мение* (книжн.: 'знак,символ'), *зубча́тый*, *изобрѐтение*, *инсу́льт*, *исконí*, *и́скра*, *и́сподволь*, *каталóг*, *каучу́к*, *ка́шлянуть*, *квартáл*, *киломе́тр*, *коклóш*, *колóсс*, *ко́мпас*, *косíтся* (на меня), *кралá(сь)*, *крамо́ла*, *крапи́ва*, *красíвее* (-*ивейший*), *кра́шение*, *креме́нь* (-*мня́*, -*ни́*), *кренíт(ся)*, *ку́хонный*, *магази́н*, *мастерски́*, *медикаме́нты*, *ми́лостивый*, *молоде́жь*, *мусоропрово́д*, (*саблю*, *пашку*) *наголо́*, *на́двое*, *надо́лго*, *наме́рение*, *нача́л* (-*ла́*, *начали*), *недо́ймка*, *недрема́нное* (око), *некроло́г*, *непода́леку*, *не пра́вы*, *нефтепрово́д*, *новорожде́нный*, *обеспе́чение*, *облегчи́ть*, *ободри́ть*, *обостри́ть*, *оби́щный*, *огни́во*, *озло́бленный*, *озорнича́ть* (-*аю*), *окружи́т*, *опто́вый*, *осведо́миться*, *осужде́н* (-*на́*, -*ны́*), *отку́пори(ва)ть*, *отча́сти*, *оценѐнный*, *парали́ч*, *партѐр*, *пепели́ще*, *перезвони́ть* (-*ит* и далее удар. только на окончаниии), *пѐтель* (род.пад. мн.ч.), *пѐтельница*, *побасѐнка* (*побасѐнки*), *подбодри́ть*, *подвезѐнный*, *по́днял* (-*ла́*) , *поедóм*, (*по*)*звони́шь* (во всех лицах удар. на окончании), *положи́ть*, *поя́в(ший)*, *по́нял* (-*ла́*), *по́нятый* (-*та́*), *портфе́ль*, *по́хороны* (-*ро́н*, -*ро́нам*), (вы) *пра́вы*, *премирова́ть* (-*ро́ванный*), *приговóр*, *пригуби́ть*, *прида́ное*, *призвы́в* (в армию), *принуди́ть*, *принци́п*, *приобрѐтение*, *произведе́нный*, *произнесѐнный*, *проло́г*, *проспала́*, *просты́ня* (род. п. мн.ч. *просты́нь* ~ -*ней*), *пряди́льный*, *путепрово́д*, *разделе́нный*, *разморѐнный*, *разогну́тый*, *рассѐрдисься* (во всех лицах удар. на корне неподвижное), *распреде́лит* (во всех лицах удар. на оконч.), *рассредóточение*, *реме́нь*, *ру́сло*, *сабо́*, *са́ван*, *сантиме́тр*,

свѣты (неподв. удар. на корне), *свѣкла* (неподв. удар. на корне), *сѣлос*, *сѣречь* (слово устар., в наше время ирон.: 'то есть, иными словами'), *слѣлом*, *сморѣт* (неподв. удар. на оконч.), *сирѣты*, *соболѣзнование*, *созѣв*, *сѣмкнутый*, *сорѣт* (неподв. удар. на оконч.), *стѣтѣт* ('положение, устав'), *стѣляр* (-ѣ, -ѣ), *сѣдно*, *тамѣжня*, *танѣѣщик* (-ѣщица), *тѣрпящий*, *тѣрты* (неподв. удар. на корне), *тѣфля* (мн.ч.: род.п. *тѣфель*, дат.п. *тѣфлям*), *убрѣнство*, *увѣдомить* (во всех формах удар. на *е*), *углубѣть* (во всех формах удар. после корня), *українский*, *умерлѣ*, *умѣриший*, *упрѣчение*, *факсѣмиле*, *убѣвиший*, *фѣтѣш*, *фѣлѣстер* ('обыватель, ханжа'; устар.), *фѣрум*, *фѣнты*, *характѣрный* (в том числе о роли, танце, об актере), *хлѣпковый* (напр.: *хлѣпковое масло*), *ходѣтай* (*ходѣтайство*, -ѣвать), *хозѣева*, *хѣлоден* (-нѣ), *хрѣмина* (устар.'здание'), *хрѣстианин*, *цѣлы*, *цѣмѣнт*, *цѣнтнер*, *цѣгѣн*, (*ис*)*чѣрпать*, *чѣт* (и *нѣчет*), (два, три, четыре) *шѣгѣ*, *шѣфер* (мн.ч. -рѣ, -рѣв), *шелковѣца*, *шмыгнѣ* (во всех формах удар. после корня), *шѣфѣр* (мн.ч.: им. п. *шѣфѣры*, род.п. *шѣфѣров*), *шѣфѣрский*, род. ед. *шѣрѣца*, им. мн. *шѣрѣцы* (везде неподвижное ударение на корне), *шѣвѣль*, *шѣмѣт* (во всех формах удар. после корня), *экипировѣть*(ся), *экспѣрт*(-ный), *юнкерѣ* (из военного училища), *юнкерѣ* (помещики в феодальной Пруссии), *юрѣдивый*, *ѣгодица*, *ѣзыкѣ* (-ѣв) (объект изучения языкознания), *ѣзыкѣѣ* (система), *ѣзыкѣѣѣ* (колбаса), *ѣзыкѣѣѣ* (*вѣз*), *ѣкѣты*, *ѣслѣѣ*.

Упражнение 32. В следующих словоформах расставьте ударения, прочтите примеры вслух. За справками обращайтесь к орфоэпическим словарям.

Поднял, подняла, ходатайствовать, балуется, предвосхитить, повзвонишь, переданный, знамение, иконопись, мастерски, обеспечение, свекла, бряцать, баловала, понял, поняла, углубить, красивее, кладовая, начата, одолжить, несказанно, взялся, оптовый, откупорить, начал, начала, передал, передала, звонит, договоренность, подождала, принудить, созыв, порвалась, договор, нанял, упрочение, приобретение, мельком, эксперт, каталог, генезис, факсимиле, догмат, таможня, квартал ('часть города'), вальдшнеп, оксюморон, мессия, симметрия, партер, заем, дремота, задолго, мусоропровод, завидно, квартал ('четверть

года'), легкоатлет, сливовый, столяр, алфавит, диспансер, джинсовая, (земля) обетованная, апостроф, баловать, вероисповедание, внесено, внесены, возбуждено (дело), возбуждены, газопровод, дефис, диалог, диспансер, договорные цены, еретик, дозвонишься, уведомить, туфля, туфлям, умерший, так или иначе, кухонный, намерение, начавший, начался, некролог, нефтепровод, фетиш ('предмет поклонения'), щавель, облегчить, оптовый, петель (род. мн. ч.), премированный, приведенный, проведенный, разобрались, танцовщица, красивейшая.

Вопросы и задания

1. Какая тенденция отмечается в фактах появления новых вариантов произношения? Приведите примеры.
2. Имеется ли в русском произношении твердый звук [ч]? В каких случаях произносится [ш] на месте буквы **щ**? Ваши примеры.
3. На месте каких сочетаний букв произносится [ш':]? Есть ли случаи произношения звуко сочетаний [ш'ч'] на месте сочетания **сч**? Докажите примерами.
4. В каких словах на месте буквосочетания **чн** произносится сочетание звуков [шн], а в каких [ч'н]? Приведите примеры.
5. В каких случаях отмечаются так называемые непроизносимые согласные? В каких случаях они «восстанавливаются»? Ваши примеры.
6. Известнейший артист Г.М. Вицин в роли Бальзаминова (А.Н. Островский) в объяснении с героиней произнес [Атч'´уфстфс]. Как эта речевая краска характеризует героя фильма?
7. Приведите примеры произношения нормально краткого согласного на месте удвоенных согласных в исконных словах.
8. Расскажите о произношении предударных гласных на месте сочетаний **ша, жа**.
9. Расскажите о произношении ударных [é] или [ó] на месте буквы **е**.
10. Почему необходимо изучать нормы орфоэпического ударения, в том числе ударений морфологического типа, т.е. в отдельных словоформах?

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. – 7-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2007.
- Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений русского языка / под ред. М.А. Штудинера. – М.: Айрис Пресс: Рольф, 2000.
- Барина Г.А., Гловинская М.Я. и др. Фонетика современного русского литературного языка // Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование / под ред. М.В. Панова // Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. – М.: Наука, 1968. – С. 9–130.
- Борунова С.Н. Из истории произношения [шн] на месте этимологического сочетания *-чън- // Вариативность в литературном произношении. Борьба вокруг нормы / под ред. Ж.В. Ганиева. – М.: МГПУ, 2006. – С. 42–52.
- Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно. – М.: Высш. шк., 1993.
- Ганиев Ж.В. Неизменный принцип русской орфоэпии. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Каленчук М.Л. Об устойчивости орфоэпического навыка // Жизнь языка: сб. статей к 80-летию М.В. Панова / отв. ред. С.М. Кузьмина. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 165–171.
- Касаткин Л.Л. Современный русский язык. Фонетика. – М.: Академия, 2006.
- Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Тарковский Р.Б. Русская поэзия и московские орфоэпы. О произношении слов «скучно», «нарочно», «конечно» и подобных. – СПб.: ДБ, 2006.
- Saran Fr. Deutsche Verslehre (= Handbuch des deutschen Unterrichts am höheren Schulen) – Bd. III. – Teil III). – Muenchen: Univ. Druck, 1907.

Глава 12. ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ КАК ОСНОВА ОРФОЭПИИ

§ 47. Равноправные варианты

В истории русской орфоэпии (шире – в теории языковой нормы) всегда признавалось существование равноправных фонетических вариантов – меньшего (еще в 50-е годы XX в.) или большего (последние 20–30 лет) их количества. И все же равноправных вариантов неизмеримо меньше по количеству, чем функционально различающихся (например, употребляющихся преимущественно в «строгой» или в непринужденной речи, вариантов современных или устаревших и т.д.).

Так, орфоэпическими нормами одинаково разрешено нормально краткое или долгое произнесение согласных звуков на месте удвоенных букв в словах *расстояние*, *полтинник*, *расставание*, *растегнуть*, *расстроить* и в однокоренных с последними словами.

Являются равноправными вариантами произношение с гласными [é] и [ó] слов *решетчатый* – *решётчатый*, *хлестче* [ш':] – *хлётче* [ш':], *околесица* – *околёсица*, *пресек* – *пресёк*.

Не единицами, а уже десятками исчисляются равноправные варианты с разным местом словесного ударения: *комбайнер* – *комбайнё́р*, *волна́м* и *во́лнам*, *гравийный* – *гравии́нный*, *бижуте́рия* – *бижуте́рия*, *внё́мли* – *вне́мли*, *за́ восемь* – *за во́семь*, *ди́ксиленд* – *диксиле́нд*, *за́ряженный* – *за́ряже́нный*, *и́скристый* – *искри́стый*, *камфа́ра* – *ка́мфора*, *кружко́вой* – *кружко́вый*, *лавро́вый* – *лавро́вый*, *ле́мех* – *лемéх*, *лифто́вой* – *ли́фтовый*, *лосо́сь* – *лосо́сь*, *металлу́ргия* – *металлу́ргия*, *симме́трия* – *симме́трия*, *дио́птрия* – *дио́птрия* и т.д.

С точки зрения нормы, т.е. степени правильности, все перечисленные здесь варианты совершенно одинаковы (см. орфоэпические словари и словари трудностей произношения) и применяются как полные дублиеты в общеупотребительной речи.

§ 48. Фонетические варианты как стилистическая особенность

В любом языке многие словоформы в составе различных синтагм, фраз, фоноабзацев, текстов как фонетических и смысловых единств имеют произносительные варианты – от полного, тщательного до максимально ослабленного. В русском языке разница между этими типами «исключительно велика», писал Л.В. Щерба, не отделяя собственно произношения от степени его отчетливости, внятности [Щерба, 1953, 22]. Ср. тщательный вариант словоформы *какие-нибудь*, например, в замедленном чеканном произношении или пении [как'úйе"н'ибу́'т'], в ораторской речи [кАк'úйь^Ин'ибу́'т'] и максимально ослабленный вариант [кк'(ú)н'т']¹. Ослабленные произносительные варианты свойственны любому говорящему и в разной степени подавляющему большинству типов звучащей речи (кроме, может быть, пения, чтения стихов) как нормальный (пока некодифицированный) признак литературного (нормированного) языка.

С точки зрения реального функционирования, единицей коммуникации является текст, в составе которого объективно существуют разные степени интонационной выделенности – от фразовой «тени» до акцентного выделения. Следствием этого становятся те или иные слоговые перестройки фонетических словоформ в синтагме как единице артикуляции (о полном и неполном типах произнесения как признаках неоднородной речевой цепи см.: [Бондарко, Вербицкая и др., 1974, 64–70]). Различные способы вербального отражения и осмысления закономерных связей реальных предметов, явлений и процессов

¹ Ослабление сегмента передается в транскрипции круглыми скобками. Слоговость согласного обозначена подстрочным кружочком, полумягкость согласного – точкой сверху справа. Различаются и степени интонационной выделенности фонетической словоформы во фразе: та, что находится в «интонационной тени» в транскрипции фразы, синтагмы – не подчеркнута, слабо выделенная подчеркнута штриховой линией, выделенная – сплошной линией. Акцентное выделение обозначено двойным штрихом.

объективного мира в текстах порождают неодинаковую интонационную ритмику, с ее «теньевыми» и выделенными участками, своеобразную пульсацию мысли в текстах различных типов. Так, непринужденный разговор родственников или друзей характеризуется короткими фразами и синтагмами, большим диапазоном в изменении высоты тона и в интенсивности (степени интонационного подчеркивания). В непринужденной речи субъективная модальность как бы превалирует над несложной предметной информацией с бытовым ее осмыслением. Содержание, модальность, просодика разговорной речи таковы, что наряду с полными звуковыми вариантами, например, в реме высказывания (типа [вжъ'э̀л'èзнъд'лрòжнъм]), велика в ней доля ослабленных произносительных вариантов, как правило, в интонационных промежутках между выделенными словоформами, например [фк:òмг'лду́], [вж(ы)з' (н)д'лрòжнм] и т.д.

Публичная речь (выступление на политические, научные, производственные и др. темы), напротив, отличается пологим движением тона и вообще высоким средним тоном, меньшими контрастами интенсивности отдельных участков текста. Имея более отвлеченный, интеллектуализированный характер, официальная речь в большей степени насыщена общелитературными средствами, ее фразы и СФЕ имеют бо́льшую протяженность, чем обмен диалогическими репликами в разговорной речи.

В публичной (официальной) речи намного меньше «теньевых» интонационных участков, нет больших перепадов в выделенности словоформ, и поэтому подавляющее большинство их подается в кодифицированных вариантах. Как исключение в безударных фразовых позициях (например, «стартовые» в начале СФЕ или фразы) возможны ослабленные варианты словоформ (неремы в актуальном членении) типа [ш'ас, то́б'^{Ис}, то́къ, бу́и^{Ьт}] и т.д. Ослабления бывают в клишированных, знакомых всем конструкциях, предсказуемость указанных словоформ в них очень высокая, и ослабления не снижают впечатления о стиле речи; тема, обстановка и адресат осознаются как значительные. (В качестве аналогии укажем на списки сильных и сла-

бых, т.е. кодифицированных и эллиптических, вариантов слов в методике преподавания иностранных языков; сильные варианты обычны в тщательном учебном стиле произношения.)

Бытовая и официальная речь различаются не только своим фонетическим оформлением, но и тем, как их слушают. Обыденная разговорная речь в высокой степени насыщена типизированными конструкциями и клише (как говорил Л.В. Щерба, сознательность ее стремится к нулю). Будучи связанной с предметной ситуацией, она становится понятной с полуслова, имеет вид «необходимых намеков», рассчитанных на «понимание догадкой» (Е.Д. Поливанов). При известной общности «апперципирующих масс у собеседников» (Л.П. Якубинский) восприятие речи становится активным процессом встречного прогнозирования принимаемого сообщения. Человек адекватно «слышит» реально пропущенные или искаженные звуки, недостающая фонетическая информация (сегменты) компенсируется, кроме чрезвычайно существенных внелингвистических факторов (знание ситуации, собеседника, общий жизненный опыт и т.п.), более высокими языковыми уровнями (опознание словоформы в типизированной конструкции с ее привычным интонированием). Восприятие в разговорной ситуации опирается на часть фонемной информации, «спеша» перейти к смыслу путем выдвижения гипотез и их дальнейшей корректировки [Касевич, 1974, 74–76]. Иными словами, собеседники в разговоре понимают друг друга не потому, что просто слышат, а, наоборот, слышат потому, что понимают.

Публичная (официальная) речь менее предсказуема, не так автоматизирована, как обыденная речь; отмечается близкая соотнесенность публичной речи с письменным сообщением. Поэтому для идентификации ее смысла особую проблему составляет достаточность акустических свойств, четкость звукового сигнала [Земская, Ширяев, 1980, 62–68]. Из-за социально-психологического явления поляризации ролей оратора и слушателей (и как следствие – концентрации внимания аудитории на выступающем, на особенностях его речевого поведения и т.д.) небрежность артикуляции, обычная для речи бытовой и

в ней не замечаемая, на трибуне, на кафедре или на сцене становится заметной, мешает слышать, а значит, и слушать. «Дома, в обыденной речи все равно, как говорить, как произносить. Но небезразличен язык, когда он является средством уже более широкого общения с людьми... Правильное произношение нужно сцене, эстраде чтеца, ораторской трибуне. Знакомство с ним необходимо школе, поскольку она учит общерусскому языку как органу общерусской культуры» [Ушаков, 1995, 77].

Процесс обучения мастерству устной публичной речи необходимо основывать на привычном противопоставлении двух речевых ситуаций в практике любого из нас: непринужденность в отношениях, сознание тривиальности у говорящего и т.д., с одной стороны, и желание воздействовать, убедить, стремление к самовыражению – с другой. Предсказуемость и привычность в первом случае приводит к сокращению фонетического облика синтагм и слов, а при стремлении воздействовать и других подобных психологических установках даже привычное в речи тщательно артикулируется, проявляется чеканное произношение.

Профессиональную речь отличают от обыденной сравнительно частые смысловые выделения, подчеркивания, а «текучая» разговорная речь лишена значительности, свойственной публичному выступлению, в ней относительно редки «полновесные» варианты. Средствами смыслового выделения, подчеркивания являются в речи еканье, побуквенное произношение отдельных словоформ, особые приемы произнесения слов иноязычного происхождения и т.д.

На степень четкости произнесения влияют и акустические свойства среды: собеседник рядом, микрофон у губ и т.д. – отсюда вялое, слабое произнесение, на расстоянии же в публичной речи артикуляционная энергия увеличивается, тщательность произнесения приводит к дроблению синтагм. Нелегко поддерживать в выступлении высокий средний тон, постоянно пользоваться средствами выделения (еканье, оканье в иноязычных словах, четкое произнесение сочетаний согласных и т.д.), чтобы речь «дошла» до самых отдаленных рядов зала.

§ 49. Профессиональное значение русской произносительной стилистики

Многие из тех, чья профессия связана с публичной речью, даже будучи носителями литературного языка, не владеют в выступлении, в официальной (например, в административной, информационно-публицистической, юридической) речи, на лекции или на уроке тем, что эмпирически издавна (в сценической речи) называют техникой речи, а в фонетике – тщательным произношением, т.е. приемлемой долей полных вариантов. О публичной речи см.: [Культура русской речи: Энциклоп. словарь, 2003, 529–531].

Владение текстом (или умение выстроить текст) отнюдь не означает еще, что освоена на необходимом уровне и его произносительная сторона. Оценки приемлемости-неприемлемости звуковой стороны публичной речи основаны у слушателей на общественно-эстетическом опыте, авторитете образцов; неумение подняться в произнесении до необходимого уровня расценивается как недостаток общей культуры личности. Выступающий, да и сама обстановка публичной речи (заседание, собрание, лекция, урок и т.д.) нацелены на реализацию целевой установки (обучение в единстве с воспитанием, убеждение, внушение, побуждение и т.д.), но если лексико-грамматическая сторона речи способна захватить слушателя, а звуковое оформление далеко не отвечает ожиданиям, это оборачивается потерями в речевом воздействии.

Человек, не учившийся профессиональному произношению, выдает себя очень скоро, а ведь выступающий (в силу обстоятельств) предстает в роли лидера, авторитет которого в ряду других факторов мог бы укрепиться также за счет правильности и мастерства речи. Вот что писал в начале XX в. один из русских педагогов: «При публичном выступлении, как известно, и для пользы дела, и в особенности для говорящего громадное значение имеет то, насколько речь последнего отличается ясностью, внятностью, правильностью и выразительностью. Речь с недостатками в том или другом отношении, при всех ее внутренних

достоинствах не производит должного впечатления, и публика вместо того, чтобы воспринять сообщаемое, перестает слушать и даже остается недовольна оратором... Наша публика... весьма чутка к тому, что называется отчетливым и правильным произношением, и бывает иногда, что оратора, страдающего в этом отношении, провожает такими замечаниями: “Прежде научился бы говорить, а потом и выступал бы”» [Италинский, 1913, 52, 53].

У человека без опыта публичных выступлений имеются своеобразные представления о том, как следует читать или говорить, идущие вразрез с ожиданиями аудитории. Техника его речи напоминает обыденное говорение при непосредственном общении не потому, что неопытный оратор пренебрегает интересами слушателей. Предмет своей публичной речи, ход рассуждений в ней человеку, обуреваемому эмоциями «ораторской лихорадки», представляются тривиальными, а произносить выразительнее, четче, медленнее ему кажется проявлением нескромности.

Обычные, частые в жизни ситуации формируют эллиптические (небрежные) речевые варианты. В редких речевых ситуациях, исключая непрофессиональные (эллиптические) варианты произношения, в публичную, необыденную речь произвольно проникают разговорные особенности, ставшие прочным стереотипом автоматизированной, фонетически неконтролируемой речи. Непрофессиональное произношение наблюдается и при чтении вслух с развитием его беглости, когда большая предсказуемость жанра, темы, структуры текста, ССЦ порождает ощущение и выражение тривиальности.

Небрежные сокращения в публичном произношении носителей литературного языка встречаются гораздо чаще, чем полагают: звучит [п'ийс' át] или [п'ис' át], часто с глухим предударным гласным, вместо [п'ьд':и'с' ат]; [Лс(у)ш'сл'ён'(и)ь] вместо [Лсуш'ьствл'ён'и(й)ь]; [в'у'вух'ит'ь] (иногда с губно-губным [w] вначале) вместо [в'ых'о'д'ит'ь]; [w'ó'ç'м'с'т'Арóm] вместо [в:ó'с'ьм'д'ьс'ьт'фт'Арóm] и т.д.

Наряду с позиционными чередованиями сегментов, представленных в произносительных вариантах различными звуками, существует понятие о неодинаковых степенях тщательности, ясности артикуляции при произнесении тех же звуков – д и к ц и я (см.: [Культура русской речи: Энциклопед. словарь, 2003, 162]). Имеется определенная связь между стилями произношения и качеством дикции: в эллиптическом варианте произношения чаще наблюдается неотчетливая, небрежная дикция, а в профессиональном произношении – отчетливое, ясное произнесение, хорошая дикция.

О полном и неполном типах произнесения см.: [Богомазов, 2001, 164–165].

Чрезвычайную важность и целесообразность различения стилей произношения и степеней отчетливости в артикуляции для методики обучения иностранным языкам и для фонетики родного языка подчеркивал акад. Л.В. Щерба. Это не дается само собой, требует специального внимания, целенаправленной тренировки для приобретения необходимых навыков.

Методика обучения русскому профессиональному произношению людей публичных профессий сродни тому, чему учат в аудиторных условиях театральные учебные заведения, предупреждая перенесение навыков обиходной речи (обусловленных автоматизмом и тем, что говорящий и слушатель в обиходе не обращают внимания на звуковую сторону речи) на речь профессиональную, причем последняя в противоположность разговорной в фонетическом отношении формируется более или менее сознательно. Изучение профессионального произношения должно начинаться с разграничения объективно существующих и ситуативно целесообразных стилистических вариантов: с одной стороны, ныне кодифицированных, т.е. рекомендуемых пособиями (профессиональных), а с другой – некодифицированных, эллиптических (непрофессиональных).

Необходимо развивать способность дифференцировать «произносительные синонимы», так как обучать профессиональному (строгому) произношению без разграничения «запрещенного» (обиходного) и нужного, строгого произношения,

только следя за его правильностью, невозможно. В соответствии с этим методическим принципом изложение профессиональных особенностей произношения должно предваряться сведениями о просторечном, разговорном произношении эллиптических вариантов, т.е. о том, что надо исключить из речи профессиональной или же употреблять это в особых стилистических целях. Такой порядок изложения способствует тому, что у учащихся, по выражению проф. Л.П. Якубинского, «звуки речи... всплывают в светлое поле сознания и внимание сосредоточено на них», т.е. совершенствуется речевой (или вербальный, тембральный) слух [Якубинский, 1986, 164].

Разграничение обиходного и строгого вариантов произношения должно стать фактом не только знания, но и осознания, приобретенного навыка. Идея соответствующего разделения ступеней в освоении необходимого уровня в родном языке – достижения правильности (владения ситуативной нормой) и овладения высшей ступенью (собственно культурой речи) – принадлежит известному филологу 1-й половины XX в. Г.О. Винокуру. Специально о технике речи см.: [Культура русской речи: Энциклопед. словарь, 2003, 711–714].

Между функциональными стилями (объединяющими средства лексики, грамматики, словообразования) и вариантами нормированного произношения имеется большая разница в их природе, возможностях освоения и употребления в речи. Если носителю литературного языка для освоения функциональных стилей достаточно определенной информации об этом, чтобы осознать их употребление («дисциплина типа истории»), то проблема вариантов («кодов») в произношении для него изначально намного сложнее. Из-за опосредованной, не прямой связи сознания с произносительными навыками фонетический уровень, единицы которого носят односторонний характер (означающее), в приемах освоения нового противопоставлен остальным уровням языка (т.е. это «дисциплина типа спорта»).

Специалисту нередко приходится встречаться с недоверием обучаемых, когда он демонстрирует им вариативность их собственного произношения – настолько это им кажется не-

очевидным [см. Sweet, 1911, р. VIII–IX; Русский язык и советское общество: Фонетика, 1968, 109; Щерба, 1974, 36]. Обучение строгим вариантам, освоение профессионального произношения – процесс нелегкий; пока новый навык не стал вполне автоматизированным, достаточно самоконтролю исчезнуть или хотя бы ослабнуть, чтобы создались условия для возвращения привычного разговорного стереотипа.

В условиях, когда возрастает значение орфоэпии в обществе (например, в связи с использованием научной риторики), идея об уместности-неуместности употребления тех или иных вариантов способна стать действенным фактором в распространении произносительной культуры, дать импульс в улучшении публичного, строгого произношения в обществе. Особую перспективу орфоэпическая культура приобретает с развитием публичных форм выступлений, в условиях все более широкого вовлечения людей в процессы общественной жизни, государственной политики.

50. О неполных (эллиптических) вариантах произнесения, характерных для разговорной речи

Характерная особенность обыденной речи – эллипсис (пропуск) элементов на синтаксическом, морфологическом, лексическом уровнях; существуют сокращенные варианты форм, фраз, текстов, обеспечивающие коммуникацию в обстановке разговорной речи. В фонетике эллипсис одних сегментов сопровождается ослаблением, изменением в произношении (большей редукцией) других элементов. Вместе с тем разговорный текст может содержать и полные или даже «сверхполные» варианты словоформ или морфем: при акцентном выделении, при подчеркивании ремы, важнейшей ее части, в том числе при экспрессивном подчеркивании.

Распространен феномен так называемой инициальной интенсивности, когда полным типом произнесения отмечен начальный слог словоформы (часто под второстепенным ударе-

нием, возникающим в разговоре или при неумелом чтении); как правило, такая словоформа сама начинает сверхфразовое единство или фразу: [j^eш':ó] и т.д. (см. ниже). Примеры экспрессивного выделения: [^ʏо́'ч'ин'] *сильно улучшили работу ...*; нам [^ʏо́'ч'ин'] *помогли ...*

В несовершенной официальной речи выделенные части слов (полный вариант произнесения) могут соседствовать с ослаблениями: [[б'езАсáтк(ь)ф] (конец фразы), [д(у^ʏ)ур'е^нáт] (отдельная синтагма); [вы^оуслы́ш(ы^ʏ)т'е^н] (отдельная синтагма). В каждом из этих примеров наряду с полными вариантами произношения фонем имеется неуместный в публичной речи случай измененного (в частности, межслоговая ассимиляция гласного) произнесения сегмента. Даже в речи профессионального медиевиста может встретиться «чередование» полных и ослабленных вариантов в одинаковых фразовых условиях, что нежелательно, ср.: ... *температура воздуха* [дв'е^ннацѣт'] *градусов, влажность воздуха* [с'ём'с'т] *два процента*.

В разговорной речи – спонтанной (инициативной) и реактивной (диалогической) – находим объективные свидетельства того, что колебания в четкости артикуляции звуков (т.е. ослабление или усиление артикуляции сравнительно со средней степенью четкости) производны от смысла речи, от процессов формирования текста с его стратегией и тактикой, когда семантика целого доминирует над дискретным смыслом слов и словосочетаний.

Вместе с тем в языке имеется много словоформ, которые по фонетической природе никак не могут менять своей «наполненности» и в любом типе текста, в разных ситуациях звучат одинаково (например, *столы, дом, жить, крах, дубок* и т.д.). Кроме того, в вариантах синтагмы и словоформы всегда имеется некий постоянный состав сегментов (так сказать, звуковой и слоговой минимумы), которые и помогают опознать ослабленную словоформу с эллипсисом, по этим сегментам мы узнаем ее и вне контекста (ср. [д'эш'ч'с'о^ʏф] и [д'эс'ьт' ч'ь^нс'оф], [й'л'т'è^ʏдám] и [й'á т'и'б'э́ дám]).

Хотя слово не отграничено в синтагме, оно, как основной носитель значения в предложении и тексте, является той единицей, фактическое звучание которой в речи создает ту или иную ее фоностилистическую окраску. Обстановка, социальные особенности говорящего и адресата, тема, отношение автора к тексту и к адресату (субъективная модальность), другие обстоятельства выступают внелингвистическими факторами, влияющими на появление тех или иных вариантов фонетических словоформ. Помимо этого, в самой речи имеется ряд факторов (речевых, внутрilingвистических), способных привести к ослаблению сегментов в словоформе: интонационная «тень», начало фразы или синтагмы, соседство звуков и т.д. Колебание и распределение степеней «полноты» звуковых сегментов среди участков сообщения определяется тема-рематическим строением единицы коммуникации. Здесь проявляются взаимоотношения особенностей интонации со звуковым уровнем. Немалую роль играет также привычность фразы, сознание тривиальности. Все эти факторы влияют как на звуковой состав словоформ, так и на их границы в синтагме.

Звуковой эллипсис не приводит к морфологическим и общим семантическим потерям в тексте, так как «выпадение» звуков при его автоматизированности всегда корректируется степенью функциональной важности сегментов [Бодуэн де Куртенэ, 1963, II, 338]. В истории нашей науки имеются точные записи разговорной речи, показывающие действие речевых факторов на фонетический облик словоформы [см. Богородицкий, 1939, 125–129; Русская разговорная речь, 1973 и др.].

В регулировании «количественных» характеристик звучания (различных вариантов произнесения) выделяются первичные (определяющие) и вторичные факторы. Факторы первичного рода – социальная характеристика носителя литературного языка (его культурно-образовательный уровень, специальность, «среда обитания», возраст, пол, социально-психологические особенности) и учет того, что говорящий считает (имплицитно) привычным в речи, а также тривиальным. Последнее выводится из лексико-грамматического своеобразия его идиолек-

та. Конечно, общие положения теории общества не могут быть прямо применены для объяснения речевого поведения, которое определяется непосредственно рядом факторов промежуточного, микросоциологического уровня; действие последних стимулируется глобальными закономерностями общественного развития. Речевым поведением называется процесс выбора в речи, подверженный действию многих факторов. Если говорить о совокупности социальных факторов, можно констатировать сложность отношений, существующих между детерминирующей социальной стратификацией и произносительными различиями, отсутствие изоморфизма между языковой и социальной структурами.

К вторичным факторам, влияющим на употребление тех или иных произносительных вариантов в нормированной речи, относятся ментальные, смысловые факторы артикуляционных программ, которые, как факторы более высокого порядка, реализуются на сегментном уровне через посредство потенциальных (виртуальных) условий в фонетической словоформе. Редкая синтагма в речи не содержит словоформ с такими потенциальными позициями, от того или иного звучания (или утраты) звуков в них зависит восприятие произносительного стиля (рассматриваются виртуальные, возможные факторы ослаблений, утраты звуковых сегментов русской речи). «...Ощущение нормы, как и сама норма, может быть и слабее и сильнее в зависимости от разных условий...», – говорил Л.В. Щерба. Привычные разговорные сокращения в обычной речевой ситуации не останавливают на себе нашего внимания в условиях устной речи [Щерба, 2007, 36], и мы поражаемся разговорным ослаблениям и элизии (потерям) в речи только в иных, «чуждых» условиях, когда их демонстрируют в отрыве от разговорного контекста, ситуации, в виде примера.

Другой полюс в «разговорности» – фамильярная быденная речь, рассчитанная как бы на снисхождение, взаимопонимание, в общем, близкая к просторечию. В такой речи у говорящих больше потребности выразить субъективную модальность, нежели интеллектуальную информацию. Такая речь, особенно

у молодежи, имеет характер упрощенной экспрессивной реакции на изменение в ситуации, и носитель литературного языка пользуется здесь рядом особых фонетических средств, уместных только в данных психологических условиях. К ним относится, например, гортанный взрыв в частицах [н'э́ѣ] «нет»), [ʼʔɦѣ] «угу», [ʼот] или [ʼо] «вот», а также в междометиях *ах, ох, ух, эх (ты!)*, иронических [ʼѣ-ʼѣ-ʼѣ-ʼѣ], [ʼиш':ó ч'(и)wò], сильные фонетические изменения в успокаивающе-покровительственном [т'ѣх-т'ѣх-т'ѣх-т'ѣх] («тихо»). Если собеседник совершил или предположил что-то невероятное, в фамильярной речи можно услышать [тѣ шó ъ wлш':é?]; в домашних условиях на месте *-шьяся* в глаголе может прозвучать [-с':ѣ] (например, ты [мо́ис':ѣ?, блáис':ѣ?], собира́[ь"с':ѣ]. Эти фамильярные, «домашние» особенности нельзя переносить в профессиональную речь, которой в принципе не чужды незаметные для слушателей ослабления и пропуски (эллипсис) сегментов (в слабых фразовых позициях).

Реализующие факторы, приводящие к ослаблениям в словоформе, – это употребление обычных слов и словосочетаний на типичных этапах развертывания спонтанного текста. Например, общающимися учитывается (обычно неосознанно) этап затрудненного поиска, выбора начала или продолжения коммуникативной единицы. В начале текста или фразы это проявляется в лексических парентезах и лексико-грамматических перестройках, в средствах экстенсификации речи (например, в повторении существенной части вопроса), а фонетически – в ослаблении и пропусках сегментов. Так, в ответе на вопрос «А что Вас здесь[н'ь^И устрóиль]?» вначале может прозвучать [(н'иу)с(т)рó(ѣл)? | дьó(п)ш'ѣмть:] + сверхдолгая пауза. При затрудненных поисках продолжения текста можно услышать [(п)тóm: | (нў тьскът')] «так сказать», напри[ѣ]р, [wòш'м] и т.д. У говорящего после раздумий, с принятием решения на продолжение, может появиться стремление наверстать упущенный темп в сообщении, договорить; здесь в обычных «стартовых» словах появляются ослабления и пропуски: [пѣтъ'и] «понимаете», [търш', търш'и] «товарищ(и)», *есте[ç']но*, [с'òр'эм'ъ] «все

время», [(w)ó(ш')ь(м)ть, (w)лпш'э, йэс'и, ёс'и (тоже «если»), з'эс', с'óтк'и, кЛдá, ш'ас, тó'ис'] и т.д. Ослабевают неподчеркнутые рутинные части высказывания, расположенные в интонационном промежутке между выделенными словоформами, составляющими рему: *...Что привлекало* [(òтн)пр'и(м')è(р)] *в первом семестре ...*

Ослабления встречаются и в конце высказываний, отмеченных признаками обдумывания и/или выбора варианта в дальнейшем изложении: [(от), (w)от, (тáк w'т), што(л')] и т.д. Концы фраз при обдумывании воспринимаются как несущественные по падению голоса и ослаблениям звуков, например, *честно* [г(ъw)лр'á)], [шó'н'т' (w)эт(ъ)м рó'д'(ъ)], [н'и^с(ф)с(п)ó(м)н'у), [(йи)с'(т')эс'(нь)] и др. Ослабевают словоформы при завершении высказывания из-за неуверенности: [(òт'ым'нл), (йм'ьнь), (w)ò(п)ш'ьм(ть)] и т.д.

Чтение вслух в принципе отличает от спонтанной и диалогической речи умение предугадывать дальнейшее развертывание текста и автоматизированное исполнение его «блоков». Здесь при ослаблениях на передний план выступает сознание тривиальности (рутинности) этих «блоков» – лексической, грамматической, фонетической. Следовательно, разница в процессах порождения типов речи обуславливает своеобразие реализующих факторов в фонетическом ослаблении. Виртуальные же факторы ослабления – фонетические условия внутри словоформы, синтагмы – в разных типах звучащей речи приблизительно одинаковы.

Упражнение 33. I. Подберите связный текст из 50–60 слов и транскрибируйте его в соответствии с рекомендованным кодифицированным произношением.

II. Прочитайте текст, сознательно придерживаясь двух манер чтения – разговорной (сниженной, с эллипсисами) и кодифицированной. Укажите в нем расхождения между выполненной вами транскрипцией (кодифицированное произношение) и обычным, реальным, сниженным чтением, т.е. между профессиональным и эллиптическим вариантами произношения словоформ.

III. Затранскрибируйте в сниженном (разговорном) стиле, т.е. с использованием эллиптических произносительных вариантов словоформ, те части упомянутого текста, где проявились отступления от кодифицированного произношения.

(Упражнение может быть выполнено в форме сопоставления. В этом случае на левой части листа следует дать транскрипцию профессиональных вариантов (кодифицированного произношения), на правой – эллиптических, ослабленных вариантов (сниженного, аллегорического произношения того же текста).)

§ 51. Особенности русского профессионального произношения в публичной речи

Выступление лектора, оратора, юриста, диктора (например, в информационном или в превентивном объявлении), речь преподавателя надо рассматривать как ряд действий, решающих те или иные задачи: убедить, доказать, информировать, предупредить, объяснить, передать знания, заявить о своей квалификации и т.д. В известной мере это лежит в русле риторики как науки о способах убеждения, о разнообразных формах языкового воздействия на аудиторию с учетом ее особенностей, с целью получения желаемого эффекта [см. Общая риторика, 1986, 10].

Задачи и действия образуют иерархическую систему: выступление в целом решает какую-то определенную главную задачу, или, по терминологии К.С. Станиславского, сверхзадачу, подчиняющую себе все остальные, частные задачи. Действия, при помощи которых решаются эти частные задачи, бывают разными, но все они подчиняются главной задаче – сверхзадаче. Так, лектор и преподаватель имеют определенную задачу – тему и цель своей лекции, занятия. Чтобы выполнить ее, например, лектору, он должен в течение лекции решить ряд частных задач: вызвать интерес слушателей, разъяснить теоретические положения, доказать справедливость одних из них, опровергнуть другие, проиллюстрировать их примерами, устранить сомнения аудитории и т.д. «Налаживание» профессионального произношения в речи

начинается, таким образом, с волевых процессов – необходимости воздействовать на психику других людей [Цеплитис, Катлапе, 44, 50].

Отклонения от нормы, небрежность артикуляции в подчеркнутых во фразе словоформах мешают слышать публичную речь, а значит, и слушать. Причина на первый взгляд малозначительна – эмоциональное неодобрение части аудитории, неприятие ею произношения, уязвимого с точки зрения орфоэпии публичной речи; однако неблагоприятное впечатление, когда звуковое оформление не отвечает ожиданиям, оборачивается потерями в речевом воздействии.

Успех в работе над совершенствованием русского произношения будущего педагога, оратора и т.д. в решающей степени зависит от его социально-психологических задатков: чувства ответственности за свое поведение в официальной обстановке, стремления к профессиональному совершенствованию, от уровня культуры, системы ценностей и взглядов, воспитанных в специалисте жизнью в коллективе, семье и им самим, от присутствия духа (когда сознание и воля должны служить оптимальному выполнению задачи в комфортных условиях «давления зала»), от способности управлять своими действиями (в том числе речевыми, т.е. избежать «зажатости») и т.п. Кажется бы, лингвистическая проблема – выработка профессионального произношения – оказывается у субъекта тесно связанной с поведением вообще, ее нельзя отделять от общей психологической задачи, которая является личностным стимулом, переплавляющим знание в поступки.

Приметы профессионального произношения, как и разговорного (сниженного), не охватывают всех участков звучания, большую часть которого составляют безвариантные элементы.

Русская профессиональная речь педагога, оратора, юриста и т.д. при соответствующих стилеобразующих факторах (обстановка речи, характер аудитории, тема и содержание речи и проч.) должна быть избавлена от описанных выше (см. § 50) разговорных (эллиптических) произносительных особенностей и от просторечия (типа [(w)лш'э]). В этом проявится созна-

тельное начало в формировании звукового уровня говорения. Будущий специалист, для которого публичная речь – профессия, должен длительное время контролировать свое произношение, прежде чем свободно, более или менее автоматически станет употреблять профессиональные варианты. Выдающийся языковед И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Ослаблению и исчезновению... фонем и других психофонетических элементов противостоит упражнение в торжественной речи высокого стиля в школе, в канцелярии, на сцене, с кафедры, на официальных заседаниях, на народных собраниях» [Бодуэн де Куртенэ, II, 1963, 340].

Необходимо добиваться, чтобы профессиональная речь отличалась хорошей д и к ц и е й, позволяющей слышать сказанное всем и во всех уголках обширного помещения. С л ы ш и м о с т ь является одним из основных требований к публичной речи; содержание речи или лекции могут быть превосходными, но все это сведет на нет невнятное звучание. Хорошая слышимость достигается работой над постановкой голоса, увеличением выносливости речевых органов, слаженности движений языка, губ, мышц нижней челюсти. Мастерство публичного выступления в отношении его дикции и слышимости представляет собой не столько сумму знаний, сколько совокупность умений и навыков.

При публичном выступлении число синтагм в тексте увеличивается, они становятся более дробными из-за большего внимания к отдельным словоформам и смыслового (интонационного) их выделения; соответственно увеличивается продолжительность пауз в тексте и его компонентах [Черемисина, 1989, 60–61]. Интонационные центры, оформляя «узловые» места (ремы) текста, требуют в выделенных участках полных вариантов произнесения; общее представление о них дано нами в первом разделе пособия. Вместе с тем, как показывает опыт, есть необходимость дополнительно обратить внимание на ряд черт, характеризующих произношение и дикцию в профессиональной публичной речи.

В «теневых» интонационных позициях, в соответствии с меняющимся темпом как особенностью ритма, даже в профессиональной речи, уместны и ослабленные произносительные варианты «проходных» по своему значению слов. Так на практике бывает у опытных дикторов, актеров. Отметим, что тщательное произнесение всех словоформ текста без разбора, в том числе интонационно неподчеркнутых, может восприниматься на слух как досадный педантизм, ученическое произнесение.

1. В некоторых сочетаниях согласных не допускается полного выпадения согласного [Гвоздев, 1967, I, 30], например, в словах типа *сре[ц^с]тва, бра[ц^с]кого, ро[ц^с]тво, заво[ц^с]кой* и др. надо стремиться произнести согласный [с^с] (ослабленный); то же в словах *антифашис[ц^с]кий, коммерсан[ц^с]кий, пропагандис[ц^с]кий* и др. [Орфоэпический словарь, 1997, 677] (об упрощенном произношении в нейтральной речи см.: [Каленчук, Касаткина, 1997]); в словах *стенографис[т]ка, громоз[т]кий, поез[т]ка, мес[т]ком, повес [т]ка* и др. надо стараться произнести звук [т]; в словах *гиган[ц^с]кий, капитулян[ц^с]кий, голлан [ц^с]кий, дилетан[ц^с]кий, парламен[ц^с]кий* и т.д. – произносить звуки [ц^с]; в словах типа *студен[т]ка, пациен[т]ка* и др. стремиться произносить согласный [т], в слове *пос[т]скрипtum* – также звук [т]. В торжественной речи, в стихах и проч. слово *бездна* произносится со звуком [д], который в разговорной речи чередуется с нулем: *здесь [б'эзнъ] комаров* [Магусевич, 1976, 217].

2. Рекомендуются следить за произношением долгих согласных в словах *мировоззренческий* (и однокоренных), *безветренный, восстание* (и однокоренных), *восстановить(ся)* (и однокоренных), *замерзший [ш:]*, *расстрел* (и однокоренных), *численность, безответственность, прессованный ([с:, н:], приемственность, безукоризненность, (по)ссориться, двадцать, тридцать, пятьдесят* [Аванесов, 1984, 182]. При равноправности произношения нормально кратких и долгих согласных следует предпочесть в профессиональной речи удлиненные согласные в словах типа *расстояние, расстаться* (и однокоренных), *растраивать(ся)* (и однокоренных).

3. В тщательном, профессиональном произношении сохраняется [й] в заударных окончаниях прилагательных и порядковых числительных (*милые, старые, первые*; то же в единственном числе), а также в конце основы глаголов (*знает, умеет, выбирает* и др., то же в других лицах). Не рекомендуется пропускать инициальный [й]; в начале слова и после предлогов или предшествующего слова на твердый согласный нельзя произносить звук [ы], например, в сочетаниях *отказ Европы, в единственном, пол-Египта, цвет естественный* и т.д. [Агеенко, Зарва, 1984, 18].

Вместе с тем нежелательно и нарочито четкое произнесение [j] в концах слов, в особенности в финали синтагм. В этом случае – и это чувствуется, например, в микрофонной речи – за [j] возникает глухой фрикативный [x'], например, *с наградо[jx']*. «Излишество артикуляции есть такой же недостаток, как и слабость артикуляции» [Сережников, 1926, 97].

В практике публичных выступлений дикция оказывается тесно связанной с орфоэпией. Основное внимание в отработке следует направлять на дикционное оформление согласных звуков, в особенности [j], губно-зубных [в, в', ф, ф']. Так, в глаголах на *-д(т)ствовать* надо следить за произнесением второго от конца [в], например, *госпо[ц^ств^в]вать*, так же *руководствоваться, отсутствовать, препятствовать, соответствовать* и т.д. [Аванесов, 1984, 181–182]. То же в словах *нравственный, безмолвствовать, рыболовство* и т.д. (кроме основ *чувств-* и *здравств-*). Нельзя допускать произношение аффрикаты [ч'] с ослабленной смычкой либо совсем без затвора, которое, к сожалению, распространено среди носителей литературного языка (в словах типа *точка, почта, вчера, ключ, речь, значит, начинать* и т.д.) [см. Развитие фонетики современного русского языка, 1971, 268–289]. То же относится к сочетаниям [ш'ч'] в случаях типа *исчез, неисчислимый, бесчеловечный, из числа* и т.д.

4. В сочетаниях знаменательных слов типа *нес шубу, рос широкоим*, где свистящий [с] встречается внутри синтагмы с [ш] последующего слова, не рекомендуется сливать их в один общий звук [ш:] [Гвоздев, 1967, I, 26]. Встречаются и другие случаи

неверного произнесения согласных и гласных в результате слияния слов в пределах синтагмы; так, нежелательна звонкость конечного согласного перед сонорным звуком в начале следующего слова (*год мира, порыв любви, шуб несколько* и т.д.); сочетания типа *пред их* (взорами), *долг им* (отдать) не рекомендуется произносить со звуком [ы], это воспринимается как погрешность¹; в сочетаниях типа *лишь годы, лист дуба, кусок дерева* и т.д. конечные глухие согласные первого слова остаются глухими и перед звонким согласным, начинающим второе слово.

5. В профессиональном произношении может быть ослаблено ассимилятивное смягчение согласных в сочетаниях: [в]месте, [в]верх, [д]ве, че[т]вертый, [с]тена, [с]лева, един[ст]венный, сле[цст]вие, о[б]ъем, торже[ст]венный, по[д]ъем и др. Твердые согласные перед мягким чаще встречаются в словах книжного стиля: во[з]величить, по[с]ледовательно, жи[т]ница, друже[ст]венный, беспрепя[цст]венный, отве[цст]венный и т.д. [см. Гвоздев, 1967, I, 80–81].

6. Имеются также явления безударного вокализма, на которые следует обратить внимание в профессиональной речи. Так, одна из важных тем в орфоэпии – проблема иканья-еканья, т.е. произношение [и]-образных или [е]-образных гласных на месте фонем < э, о, а > после мягких согласных и [j] в 1-м предударном слоге (в словах типа *телеграмма, впервые, летать, ледовый, счастливый, частично, предъявить, единственный* и т.д.). Эту проблему надо рассматривать в связи с противопоставлением двух типов говорения: а) выступления ораторов на митингах под открытым небом, публицистическое выступление или проблемная лекция в условиях большого зала, при обращении без микрофона ко многим слушателям, когда замедляется темп речи и выступающий дробит фразы на меньшие синтагмы, при этом произвольно стремится к выделению, подчеркиванию большего числа словоформ, и б) нефорсированное чтение, «кон-

¹ Дикторы радио и телевидения, чтобы сохранить звук [и], иногда использовали маленькую паузу перед ним из стремления к точной передаче слов ограниченного употребления или перед именами собственными, чаще иноязычными.

тактная» речь для одного-двух человек, к тому же лишенная экспрессии.

Одним из средств выделения, подчеркивания словоформ в тексте и является еканье, т.е. употребление безударных [e, e^{II}, e^b, e^c] и подобных (в l-м предударном слоге на месте < э, о, а > после мягких согласных и [j]). В публичной речи еканье обеспечивает лучшую слышимость и лучшую узнаваемость коммуникативных единиц. В публичной профессиональной речи это делается по врожденному навыку, который заложен в повседневном общении, когда мы хотим что-либо подчеркнуть, на что-либо обратить внимание. Еканье появляется в чтении, в спонтанной речи вне аутоконтроля и связано со смыслом текста и его частей, взаимодействует с определенным интонационным участком, может передавать экспрессию. Так выделяется словоформа, например, в важном по смыслу начале сверхфразового единства (при новом «ходе мысли») или в последней фразе текста, содержащей вывод, противопоставление и т.д., в реме высказывания; оно проявляется в условиях фразового ударения или в других условиях интонационного выделения, в особенности если слово экспрессивно окрашено (например, *бесстыдство*, *верзила* и др.).

Еканье может быть и чтецким недостатком – результатом побуквенного воспроизведения малоосвоенного слова, сигналом усталости, если чтение вслух непривычно, или в качестве рефлекса чтеца на временный «провал» внимания к тексту, когда таким средством (чеканным выделением) чтец старается эту сосредоточенность восстановить. Кстати, у тех, кто демонстрирует беглость чтения, иканье буквально подавляет еканье при общей невыразительности интонации.

В той степени, в какой интонация в текстах высокого стиля (по лексико-грамматическим показателям) – движение тона, паузация, распределение интенсивности – отличается от интонации при чтении текстов сниженных стилей, еканье как произносительная черта может чаще встречаться при чтении стихов, в высокой публицистике и т.д. В чтении же информационных текстов, имеющих привычную модальность, еканье встречается

редко и в зависимости от определенных композиционно-смысловых условий (см. выше). Еканье не является «сильной» приметой высокого произносительного стиля (см. другое мнение: [Русский язык и советское общество: Фонетика, 1968 113]).

Иканье ныне стало массовым явлением и нейтральным для восприятия фоном, в качестве которого в условиях зрительного зала, в речи без микрофона может быть звук [и^е] или [и^б]. Однако следует предостеречь от отчетливого иканья в замедленной речи, в выделенных словах, интонационно подчеркнутых во фразе: это снижает силу воздействия, уменьшается значительность речи; недаром иканье используется актерами как речевая краска в комических текстах [Ганиев, 1982, 97–109].

7. Снижают впечатление от профессиональных выступлений и другие особенности безударного вокализма. Так, нельзя нулизовать безударные гласные (допускать их выпадение) в случаях типа *состоять, молодожены, выданы, голосовать, переписал, магазин, предоставить, алюминиевый* и др. (о виртуальных условиях ослабления см. предыдущий параграф). Нельзя также допускать редукции [ы] до степени [ь] в словах *выполнять, опытный; полным (ходом), маршировать, догадываться, широко, была* и др. [см.: Развитие фонетики современного русского литературного языка, 1971, 257]. Просторечным и недопустимым является нарочитое бытовое аканье в выделенных во фразе словах, а также произношение [ы] вместо [ь] в словах типа *компрометировать, замечательный, профсоюзная (организация)*.

Упражнение 34. Подберите связный текст объемом приблизительно 150 слов, представляющий потенциальный интерес для слушателей. Представим, что вы должны огласить его перед публикой. Проведите подготовительную работу над ним в соответствии с требованиями, указанными в настоящей главе.

Мобилизуйте свои дикционные способности, прочтите текст после интонационной разметки 3–4 раза вслух (в качестве репетиции), затем запишите свое чтение на носитель. Прослушайте свое исполнение, проследите, выполнены ли при чтении требования к дикции из пп. 1–7 § 51.

Желательно, чтобы вашу фонозапись послушали заинтересованные лица, способные дать более или менее объективный отзыв. Снова запишите свое чтение и на этот раз дайте прослушать его преподавателю.

Вопросы и задания

1. Расскажите, приводя примеры, о равноправных вариантах нормированного произношения.
2. Какие (по крайней мере) два типа произношения различал Л.В. Щерба в нормированной речи? (Известно ли вам о предшественниках Л.В. Щербы в учении о стилях произношения?)
3. Чем отличается произношение публичной (кодифицированной) речи от произношения в непринужденной (разговорной, аллегровой) речи? Приведите параллельные примеры словоформ или их сочетаний.
4. Можно ли говорить об однородности реального произношения при порождении составных частей публичной и обыденной речи?
5. На чем основана разборчивость бытовой речи и каковы требования к дикции и разборчивости в публичной речи? Назовите эти основные требования и признаки дикции в (четком, тщательном) произношении.
6. Каков оптимальный порядок (путь) в обучении стилям (кодам) произношения и в чем состоит его цель?
7. Расскажите, в какой мере необходимы навыки тщательного (профессионального) произношения для политиков, администраторов, участников переговоров (в том числе юристов), для преподавателей, лекторов, для представителей других публичных профессий?
8. Что, кроме отсутствия самоконтроля, мешает неопытному оратору четко произнести речь?
9. Расскажите о позиционных условиях (при порождении звучания) для проявления эллипсиса и ослабления артикуляции в разговорной (аллегровой) речи.

10. Насколько важно для риторики учение о профессиональном (четком, тщательном) произношении?
11. Изложите требования к тщательному произношению. Подкрепите ответ примерами.
12. Расскажите о роли еканья-иканья в 1-м предупредительном слоге. Приведите контрастирующие примеры.
13. Может ли учащийся самостоятельно обучиться тщательному произношению в профессиональной (публичной) речи? Какова роль преподавателя в этом процессе? Как можно использовать при обучении звукозаписывающую технику и видео?

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р.И. Вопросы сценического произношения // Культура речи на сцене и на экране. – М.: Наука, 1986. – С. 5–21.
- Баринова Г.А. Фонетика // Русская разговорная речь / отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Наука 1970. – С. 40–128.
- Бернштейн С.И. Язык радио. – М.: Наука, 1977.
- Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А. и др. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. – 1974. – № 2. – С. 64–70.
- Вещикова И.А. Произносительный стиль; Фонетика функциональных стилей // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 307–310, 570–572.
- Ганиев Ж.В. Об адекватном описании русского нормативного произношения (в соответствии с учением акад. Л.В. Щербы) // Вопросы языкознания. – 2008. – № 3. – С. 121–128.
- Добродомов И.Г. Недооткрытая фонема /?/ русского языка // Система языка и языковое мышление / отв. ред. Е.Ф. Киров; ред.-сост. Г.М. Богомазов. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – С. 226–245.
- Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? // Вопросы языкознания. – 1980. – № 2. – С. 61–72.
- Каленчук М.Л. О расширении понятия позиция // Фортунатовский сборник. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 27–32.
- Касаткина Р.Ф. О фразовых условиях фонетической вариативности гласных // Язык: Система и подсистемы: К 70-летию М.В. Панова. – М.: Наука, 1990. – С. 31–43.

- Козлянинова И.П. Произношение и дикция. – 2-е изд., доп. – М.:ВТО, 1977.
- Колесов В.В. Литературное произношение в театре. (Советы Л.В. Щербы) // Русская речь. – 1988. – № 3. – С. 62–77.
- Лихтман Р.И. К вопросу о произносительных стилях русского литературного языка // Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию М.В. Панова / сост. Л.А. Капанадзе; отв. ред. С.М. Кузьмина. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 197–270.
- Панов М.В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. – Т. 1 / под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 103–136.
- Щерба Л.В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность / под ред. Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич. – 4-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 141–146.
- Якубинский Л.П. О диалогической речи // Л.П. Якубинский. Избранные работы. Язык и его функционирование / отв. ред А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1986. – С. 86–170.
- Sweet H. A primer of spoken English. – 4 ed., rev. – Oxford: Univ. Press, 1911.

Глава 13. ПРОИЗНОШЕНИЕ СЛОВОФОРМ В ОТДЕЛЬНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМАХ

Кроме общих произносительных правил, касающихся подавляющего большинства слов (они описаны в предшествующих главах), в русском, как и во всяком развитом литературном языке, имеется ряд отдельных правил, посвященных частным случаям орфоэпии. Они не менее важны для культуры устной речи, чем общее описание, их принято называть фонетическими подсистемами генеральной фонетической системы русского нормированного языка. Это, например, произношение слов иноязычного происхождения, в том числе некоторых иноязычных имен собственных, произношение отдельных грамматических форм, некоторых сложносокращенных слов, служебных слов, русских имен и отчеств. Среди фонетических подсистем известны, кроме того, особенности при произношении стихов, особенности сценической речи, певческого произношения; они представляют профессиональный интерес в первую очередь для артистов.

У каждой из фонетических подсистем свой круг особенностей, где имеются отличия от основной, генеральной фонетической системы, возможен выбор вариантов, зависящий от определенных факторов. Эти правила зачастую касаются ограниченного круга слов (известная особенность орфоэпии как культурноречевой дисциплины) и поэтому менее экономны и просты, чем правила основной системы.

§ 52. Произношение слов иноязычного происхождения

1. Важную роль для культуры устной речи играет произнесение твердого или мягкого согласного перед **е**. Один из признаков фонетического освоения заимствованных слов – произношение мягкого согласного перед **е**, в полном соответствии со слабой по твердости-мягкости позицией в русском языке. В

подавляющем большинстве слов иноязычного происхождения, прочно вошедших в общенародный язык, перед гласным на месте **е** произносятся мягкие согласные. Примеры: *академия, беж, брюнет, дебют, девиз, дезинфекция, декламация, декларация, демон, депеша, инцидент, корректный, крен, креп, музей* и многие другие (но не [фЛн'эт'икъ, кЛм'п'ј'ут'ър]).

Вместе с тем отсутствие фонологического различия твердости и мягкости согласных в языках, откуда заимствованы слова, создали в русском языке немалое количество исключений из некогда непреложного правила о мягкости парных согласных перед < э > . С появлением в русском языке твердого произношения согласных перед **е** образовались пары слов (один из членов которых – иноязычное по происхождению слово), различающихся в произношении твердостью и мягкостью согласных перед < э > : [м'эр – мэр, м'этр – мэтр, с'эр – сэр, т'эсть – тэсть, п'эр – пэр] и т.д. Так в русском языке под воздействием заимствований была поколеблена слабая по твердости-мягкости позиция согласных перед < э > .

Перед **е** произносится твердый согласный в словах: *бизнес, вундеркинд, галифе, гантель, гротеск, декольте, дельта, дэнди, де-факто, де-юре, диспансер, идентичный, интернат, интернационал, Интернет, интернировать, каре, кафе, кашне, кодекс, компьютер, кортеж, коттедж, кронштейн, мартен, миллиардер, модель, модерн, отель, партер, патетика, полонез, портмоне, поэтесса, фонетика* и др. Таких слов с твердой согласной перед **е** в общенародном употреблении, учитывая американизмы последних десятилетий, несколько сотен. Некоторые из западных заимствований известны у нас не менее полутора столетия, однако тенденции к смягчению согласного не обнаруживают.

Интересно, что в заимствованных словах с двумя (и более) **е** нередко один из согласных произносится мягко, а другой сохраняет твердость согласного перед **е**: *бретелька* [р', т], *генезис* [г', н]; *реле* [р, л'], *генетика* [г', н], *геодезия* [г', д], *кафетерий* [ф', т], *контейнер* [т, н'], *кордебалет* [д, л'], *метрополитен* [м', т], *пенсне* [п', н], *реноме* [р', м], *секретер* [с', р', т] и др.

Примеры твердого произнесения согласных перед *е* в иноязычных собственных именах: *Белла, Бизе, Вольтер, Декарт, Доде, Жорес, Кармен, Мэри, Пастер, Роден, Торез, Флобер, Шопен* и др.

В сравнительно немногих иноязычных по происхождению словах наблюдается вариативность в твердом-мягком произнесении согласных: в профессиональном произношении согласные перед *е* не смягчаются, а в общепринятом разговорном стиле произношения в этих случаях согласный может звучать мягко (*бизнесмен, теннис, тент, декан, деканат, интенсивный, лазерный, темпы, претензия, дисплей, энергия, тире, бутерброд* и др.). Стилистические колебания в произношении твердо-мягкого согласного перед *е* могут наблюдаться в некоторых именах и названиях (*Альберт, Берта, «Декамерон», Рейган* и др.). Дополнительные материалы по теме см.: [Культура русской звучащей речи, 2004, 49, 67, 83, 119].

2. В немногих словах иноязычного происхождения на месте безударного *о* произносится звук [о]: *ада́жио, боа́, бомо́нд, бонто́н, какао, колет, радио, трио, колла́пс, комильфо́* и некоторые другие. Есть случаи стилистического колебания: в тексте высокого стиля, где немало значительных, интонационно подчеркнутых словоформ, оканье в иноязычных по происхождению словах – одно из средств привлечения к ним внимания, стилистических средств их выделения. Так, в соответствующих условиях слова *ноктюрн, корнет, коалиционный, козетка, койне, койот, коктейль, колибри, сонет, поэтический, поэт, поэзия, досье, отель, модернизм, вето, кредо, новелла, фойе, бокал, коллаж, коллеж* и др. произносятся с безударным [о], в отличие от неспециальной речи, где на его месте слышны звуки [А ,ъ] (п[А]эт, м[ъ]дернизм и т.д.). См. также: [Соврем. русский язык: Социальная и функциональная дифференциация, 2003, 487–488]. Иноязычные имена *Шопен, Тольятти, Вольтер, Роден, Доде, Бодлер, Флобер, Золя, Оноре (де Бальзак), Сакраменто* и др. также сохраняют безударное [о]. Аканье в иноязычных словах (вроде *Дина́м[а], са́льт[а]*) носит просторечный характер.

Встречаются также случаи просторечной делабиализации безударного [y̆] – [вн'ій' óрк'ь], например.

Жалюзí произносится со звуком [ъ] или [Λ] в начальном слоге.

3. В отдельных словах этой же группы в специальном произношении звучит без качественной редукции безударное [э]: *поэтический, ревью, дедукия, депрессия, экономика, экран, эпоха, экипаж, эквивалент, геноцид* и др. Сюда же относятся иноязычные собственные имена с безударным *е* (например, *Неруда, Фредерик, Аден, Насер, Альварес* и др.). Здесь эканье играет такую же стилистическую роль, что и оканье в словах иноязычного происхождения. Подробную информацию о том, как следует в нормированной русской речи произносить имена собственные нерусского происхождения, можно найти в специальном словаре «Имена собственные» Ф.Л. Агеенко.

4. В некоторых общеупотребительных словах иноязычного происхождения слышен долгий согласный (в аллегровой речи в некоторых словах звучит согласный нормальной краткости): *автоколонна, классовый, трасса, аннотация, аллитерация, миссия, группа, депрессия, массив, телеграмма* и др. В словах *асимметрия, пассажир, баррикада, коммиссионный* и других на месте удвоенной согласной на письме слышен в устной речи нормально краткий (согласный звук нормальной длительности).

На долготу/краткость произнесения согласных влияет ощущение морфемной границы: если нет осознания ее в слове, произносится согласный нормальной длительности (*апелляция, баллон, ассигнация, ассортимент, коррупция*), при ощущении морфемного стыка мы слышим долгий звук (*иммигрант, иммортель, индусский, андалузский*). Явная ошибка ощущается, когда мы слышим слово *пассажир* с долгим [с:] – это много лет встречается в объявлениях на московском городском транспорте, озвученных мужчинами-дикторами прекрасной старой школы, которые уволились из электронных СМИ в конце лета 1991 г.

5. Твердый [ш] произносится в словах *парашют, брошюра*. Однако в слове *пшют* слышится мягкий [ш']. В слове *жюри*

мягкий шипящий [ж']. Так же произносятся имена *Жюльен, Жюль*.

6. В сочетаниях *ндш, льдш, нтг* взрывной зубной обычно не произносится – *фе[л'ш]ер(~[чш]), ла[нш]афт(~[чш]), му–[нш]тук(~[чш]), ре [нг']ен*.

Упражнение 35. Как рекомендуется произносить следующие заимствованные слова? (Для справок пользуйтесь орфоэпическими словарями или словарями трудностей русского произношения.)

Кредо, террор, конгресс, лазер, тембр, деноминация, термин, инертный, фреска, интенсивный, пресса, энергия, сессия, тенденция, стенд, реквием, прогресс, рейд, компьютер, дисплей, терминология, шинель, реквизиты, генетика, патент, брюнет, берет, темп, стресс, боа, кофе, термос, сенсация, беж, радио, сонет, модерн, сольфеджио, коммюнике, неофашизм, фойе, прожект, адажио, новелла, досье, гротеск, компресс, компетентный, коттедж, лексема, патетика, паштет, протез, тезис, тест, тире.

§ 53. Произношение отдельных грамматических форм

1. В заударных окончаниях и суффиксах следует сохранять звук [ъ] на месте <a> после мягких согласных и [j]. Неправильно в формах *о детях, нижняя, доносятся, радуясь* и т.д. произносить звуки типа [и, и^b, ь^н]. Равным образом надо следить за сохранением заударного [у] в окончании, в суффиксе после мягкого и [j]: *следующая* и т.д. (в небрежной речи здесь звучит ослабленный [и] или же гласный нулизуется), *синюю* (не [и]), *летнюю*. Просторечным и недопустимым является звук [ы] вместо [ъ] в окончании родительного падежа единственного числа прилагательных и местоимений *-ой (красивой, этой* и т.д.), [ы] вместо [у] в окончании винительного падежа единственного числа *-ую (замечательную, однокомнатную)*.

2. В форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения на *-ться* звучит свистящий [с'] (в отличие от нео-

пределенной формы, где на месте такого же буквенного сочетания произносится [т'цъ]), например, *отме*[т'с'ъ], *пя*[т'с'ъ], *встре-*[т'с'ъ].

3. Имеет свою историю произношение отдельных грамматических форм в сценической речи. Она, как более консервативная, в своих деталях отличается от звучания в современной публичной речи. Так, в театре в историческом репертуаре (например, в пьесах А.Н. Островского) или в характерных ролях предпочитают сохранять старомосковский [ть] после твердых заднеязычных в концах прилагательных мужского рода единственного числа: *мел*[къ]й, *стро*[гъ]й, *ти*[хъ]й, *русс*[къ]й и т.д. (Дикторам радио и телевидения в 70–80-е годы XX в. рекомендовалось произносить здесь [к'ий, г'ий, х'ий], а сценическое произношение квалифицировалось на радио и TV как «менее принятый вариант».)

Фамилии на *-ский, -цкий* произносятся на сцене там, где это необходимо, с твердыми заднеязычными: *Чайковс*[къ]й, *Мусоргс*[къ]й, *Маяковс*[къ]й, *Чац*[къ]й. То же и в глаголах на *-кивать, -гивать, -хивать*: на сцене рекомендуется произносить их там, где это соответствует сценическому образу, по-старомосковски (*оттал*[къ]вать, *затя*[гъ]вать, *встря*[хъ]вать и т.д.).

Освящено русской театральной традицией сравнительно редкое сейчас твердое [с] в концах глагольных форм на *-ся, -сь*: *бою*[с], *боишь*[съ], *боял*[съ], *бояла*[с], *бояли*[с], *бой*[съ], *берегите*[с] (это не «слово-ер», а возвратная частица), *останьте*[с]. (Дикторам радио и телевидения предписывалось произносить в этих случаях мягкие [с'], за исключением случаев с долгим твердым [с:] типа *несся, грызся* и т.д.)

§ 54. Особенности в произношении аббревиатур

Особую проблему в орфоэпии представляет чтение-произношение инициальных сокращений (акронимов) – инициально-буквенных и инициально-звуковых, ср. *МГУ* и *ГУМ*, *ВВЦ* и *ООН*. Например, всегда по названиям букв произносятся аббре-

виатуры, не имеющие в своем составе гласных, а те, что строятся по моделям СГС, ГГС, ССГС, СГСС, обычно читаются по звукам [см. Вопросы культуры речи, 4, 1963, 30–32; Русский язык: Энциклопедия, 2003, 9–10].

1. Все инициально-буквенные аббревиатуры (читаемые по названиям букв) имеют словесное ударение на последнем слоге [а-зэ-эл-ка́, ка-эн-дэ-э́р, эм-пэ-эл-а́, а-эф-тэ́-ка-пэ-пé] *АФТ-КПП*, [вэ-дэ-эн-ха́] и т.д. При возникновении произношения по просторечным названиям букв ([фэ, сэ, хэ, рэ]), т.е. в объективных моделях «живой речи», словесное ударение в аббревиатурах всегда стоит на последнем слоге: *ССО, ФРГ, НСО, ССХО, ФБР, ЦРУ, ЦСУ*. Это свидетельствует о том, что финальное ударение в инициально-буквенных аббревиатурах – живое, продуктивное явление в современном русском языке. Попутно заметим, что неверное чтение букв в немногих аббревиатурах закреплено массовой практикой и кодифицировано: произносится [эн-сэ-о́, дэ-сэ-о́, фэ-зэ-о́, фэ-бэ-э́р, фэ-эр-гэ́, цэ-сэ-у́] [см. Агеенко, Зарва; Словарь ударений, 788–790]. С другой стороны, ни в одной инициально-буквенной аббревиатуре нет алфавитного названия буквы *л*, везде произносится [эл]: *ЛДПР, РЛС, ЛСД* и т.д. [см. Словарь сокращений русского языка].

В подавляющем большинстве инициально-звуковых аббревиатур, т.е. читаемых по звукам как фонетическое слово, ударение также падает на последний слог: *ВАСХНИЛ, ВИНТИ, ГАИ, ДОСААФ, ЕЭС, КОСПАС-САРСАТ, МАГАТЭ, МОНЦАМЭ, НИИ, ООН, ОСНАА* и др. Как исключение приблизительно в трех десятках подобных звуковых аббревиатур словесное ударение стоит на предпоследнем слоге: *АМО, АНЗЮС* (хотя на практике здесь чаще слышится окончательное ударение), *АНСА, ВАО, ВАФА, ВИА, ДЕФА, ДЖАНА, ГИТИС, НАСА, НАТО, РОСТА, РОЭ, САНА, СЕНТО, СЕАТО, ЮНЕСКО* и т.д.

2. При произношении инициальных аббревиатур (или акронимов) в профессиональной речи не происходит качественной редукции безударных гласных. Это касается обоих типов чтения – и побуквенного и звукового, например [а-эф-пé, бэ-эс-э́, фэ-эр-гэ́, вэ-вэ-цэ́, вэ-тэ-о́, дэ-эр-а́] и т.д.; [ас'еан, гоэлрó, йэ́эс]

ЕЭС, [нáто, освóд, с'эáто, с'э́нто, экосóс, йунéско] и др. Однако даже при тщательном произнесении безударные гласные все же различаются с ударными степенью четкости в артикуляции. В разговорном же произношении в таких фонетических словах развивается нормальная для русского языка редукция безударных гласных: *метро* [вѣдьэ^Инхá, э́мть^Ээс, гòй^Элрò, дьсы^Эó] [см.: Вопросы культуры речи, 4, 1963, 27].

В отличие от общих правил в инициально-звуковых аббревиатурах кодифицировано (рекомендуется) произношение звонкого шумного согласного в слабых для этой категории позициях (конец слова, положение перед глухим): *БелАЗ, ВАЗ, КРАЗ, НОРАД, ОРУД, ОАГ, ОСВОД, ЛАСВ, СЭВ, ТАИЮГ, ВХУТЕМАС* [см. Агеенко, Зарва. Словарь ударений]; здесь на практике сохраняется «наме́к» на звонкость [з, д, г, в], т.е. они произносятся с неполной звонкостью. Наряду с ними имеются аббревиатуры того же типа с нормальным оглушением согласных: *втуз, загс, ГАБТ* и др. [см. Вопросы культуры речи, 4, 25].

В аббревиатурах имеются свои особенности в слогаделении, отличные от общих правил. В буквенных акронимах словари рекомендуют проводить границы слогов между названиями букв (см. примеры в п. 1), в устно-речевой практике обычны случаи переразложения границ по правилам обычного фонетического слова: вместо [эр-эл-эс – э-рэ-лэс] *РЛС, нар. арт.* [эр-эс-эф-эс-эр] звучит [э̀-рэ-сэ-фэ-сэ́р] и т.д. Кстати, в сложносокращенных словах других типов, образованных от атрибутивных сочетаний (типа *Госиздат, Госуниверситет* и т.д.), слогораздел проходит не между основами, а после фонемы < и > (ср. похожий случай в сочетаниях типа *Кот и Повар*), на месте которой после твердого согласного предыдущей основы, естественно, звучит [ы]: *пединститут, бортинженер, спортивный инвентарь* (но: *Ко [м'и]нтерн, Гитис*).

В сложносокращенных словах встречаются такие сочетания согласных, которые из-за регрессивной ассимиляции в обычных словах невозможны; так, из-за слоговой границы сохраняется свистящий [с] перед шипящим [ш] (*США, Росшелк, Мосшвейпром*); [т] сохраняется перед [с], не «переходя» в [ц]

(*партсобрание, педсовет*); в тщательной речи в конце компонентов имеет место оглушение шумных, или глухой согласный, как в финали (*орготдел, оргвыводы, партбилет, профдвижение, Мосгаз, главврач*; см.: [Русская грамматика, Прага, 1979, 94]); глухие не озвончаются перед звонкими: [эс-дэ-пэ-гэ, эф-бэ-о́н] *ФБОН* (Фундаментальная библиотека общественных наук РАН), [и-эс-зэ] *ИСЗ*.

3. В ряде звуковых акронимов (инициально-звуковых аббревиатур), в том числе русского происхождения, перед *е* звучит твердый согласный: *эсер, эсдек, ВХУТЕМАС* (Высшие художественно-технические мастерские, 1921–1926 гг.); *МЕН* (информационное агентство, АРЕ), *ФИДЕ, ЮНЕСКО* и т.д. Твердо звучат согласные в названиях русских букв (перед [э]) и соответственно в буквенных акронимах: [бэ-тэ-а] *БТА* (Болгарское телеграфное агентство), [бэ-тэ-эр, вэ-тэ-о, гэ-дэ-эр] и т.д. Разумеется, твердо произносятся согласные, находящиеся на письме перед буквой *э*: [гэс], а не [г'эс], *СЭВ, нэт, ГРЭС*.

Вместе с тем в русском нормированном языке имеется ряд инициально-звуковых аббревиатур иноязычного происхождения, где перед буквой *е* произносится мягкий согласный: *ОПЕК, СЕАТО, СЕНТО, ФРЕЛИМО*. Во всех случаях произносятся (читаются) мягкие согласные перед буквой *и*, в том числе в названиях английских букв: *ФИАТ, ФИДЕ, ЮПИ, Би-би-си, Си-би-эс* и т.д. (т.е. как в *ВИНИТИ, ВАСХНИЛ* и т.д.) [Дмитренко, 1989].

4. Графические сокращения (например, *л, м, км, кг, п/я, т.д., с., стр., т.п., др., г., гг.*, инициалы при фамилии) в чтении «расшифровываются», т.е. «развертываются» в полные слова (в этом их отличие от аббревиатур); следовательно, графические сокращения существуют лишь в письменной речи, только для зрительного восприятия [см. Словарь сокращений русского языка, 5, 7 и др.]. Буквальное их прочтение воспринимается или как ошибка, нежелательное проявление педантизма, или как шутка, ирония, например, инициалы при фамилии при чтении [Развитие современного русского языка, 1963, 148–150].

Упражнение 36. В каких из приведенных инициально-буквенных аббревиатур нормативно, т.е. принято, неалфавитное название согласных букв, а в каких нормативно алфавитное чтение названий согласных?

ВВЦ, СНГ, РФ, СБ (ООН), ВДНХ, НСО, ФРГ, СДПГ, АФП – КПП, ЦБ РФ, МУСЗН, ЛДПР, РУДН, ЦРУ, МГПУ, ВТО, РГДУ, ФБР, ПТУ, МПГУ, БТР, ЦСУ, ГИБДД, МГУ, ФГПН, США, ФСБ.

§ 55. Особенности в произношении служебных частей речи

В отличие от знаменательных частей речи, подавляющее большинство слов служебных (с гласным звуком) имеют во фразе (в тексте) слабое словесное ударение или лишены его, входя в состав фонетического слова с самостоятельной формой (о проклитике, энклитике и случаях переноса ударения на предлог см. в главе 4).

1. Будучи безударными, союзы *но*, *то* (*-то*), частицы *да* (в архаическом повелительном наклонении), *де* (в значении «дескать, мол») все же не подвергаются во фразе качественной редукации – в них звучат безударные [о, а, е]. В других частицах и союзах, тоже безударных, неизменно звучит редуцированный [ъ], даже если служебные слова находятся в 1-м предударном слоге. Это частицы усилительные *да* (*Да сделайте Вы это!*), *хоть* (*Хоть на время!*), *так* (*Так это были Вы?*); модальная *мол* (*Ну как, мол? Мол, ты сам обязан*); союзы *так*, *да* (как соединительный: *Там он да друг его*; так и противительный: *Могли бы, да отказались*).

Во всех перечисленных служебных словах степень редукации максимальная, они звучат в виде [дъ, хът', тьк, мъл]. Союзы *коли* (*коль*), *хоть*, *что* обычно произносятся с редуцированным гласным [ъ] (в том числе в 1-м предударном слоге), а в чеканной речи – с безударным [о] [Орфоэпический словарь, 1997, 682 и др.], их нельзя произносить с гласным [а] (произношение [шта:] перед паузой hesitation неверно). Союз *а* произносится без ка-

чественной редукции (например, *не по желанию, а по привычке*). «Союзы, таким образом, остаются независимыми по своему вокализму от соседних слов... В противоположность предлогам, они не связаны с определенным словом, а устанавливают отношение между предложениями или словосочетаниями» [Гвоздев, 1963, I, 135].

2. На месте сочетания предлога **к** с взрывным согласным в начале следующего имени взрыв у предлога не теряется, образуются звуки [к:] (*ни к кому, к концу*), [г:] (*к городу, к горе*), [кт] (*к тому*), [гд] (*к дому, к дороге*) и т.д. В старомосковском произношении на месте предлога в результате диссимилиации были известны фрикативные [х, γ], которые в современном языке имеют сниженную окраску (ср. [γг] *осударству*).

В предлоге **через** (слабоударяемом или безударном) не рекомендуется оглушать [з] перед гласным, сонорным или [в] в начале следующего имени (*через окно, через ярмарку* и т.д.). Оглушение конечного согласного возможно в книжном по своей окраске предлоге **меж**, произносимом со слабым ударением (*м'è[ш~ж]ними, мè[ш]Англией и Францией*). На месте предлога **к** перед **е, и, э, ю, я** в начале следующего слова при чтении (произношении) всегда должен быть твердый заднеязычный (*к этому, к этажам* и т.д.). Нельзя произносить смягченный заднеязычный в случаях типа *к институту, к иногородним* и т.д.

§ 56. Некоторые особенности произношения русских отчеств, имен, фамилий

В работе любого оратора, педагога, администратора, юриста и т.д. возникает необходимость в употреблении антропонимов – русских имен, отчеств, фамилий. Известно, что у многих русских имен-отчеств имеются произносительные варианты, которые стилистически дифференцированы. Отчетливое, приближенное к написанию произношение необходимо, например, при первом «представлении» (произнесении) антропонимов; неполные, стяженные варианты в профессиональной речи следует

употреблять с осмотрительностью, лишь когда они целесообразны. Употребление таких вариантов в официальном сообщении ослабляет его воздействие на слушателей.

Женские отчества *Андреевна, Сергеевна* и др. в официальной речи рекомендуется произносить без стяжения, с сочетанием [эйь] вместо [э] (последнее в разговорном стиле и на сцене), т.е. *Алек[с'эйь]вна* вместо *Алек[с'э]вна* и т.п. В разговорном стиле (и на сцене) в женских отчествах *Ивановна, Владимировна, Семеновна* и др. не произносится сочетание **-ов-** в безударном слоге. В современной официальной речи следует избегать этого и произносить *Федор[ъв]на, Виктор[ъв]на* и т.д. вместо *Фед[ър:]на* и др. Тщательное произношение сохраняет сочетание [йвь] в отчествах *Васильевна* (в отличие от варианта *Васи[л']на*), *Анатольевна, Григорьевна* и др.

В мужских отчествах в московском произношении потомственной интеллигенции предпочитают варианты *Яко[вл'и]ч* (или *Яко[вл'ъв']ич*) вместо *Як[л']ич, Васи[л'й']ич* (или *Васи[л'йвь']ич*), *Игна[т'й']ич* (или *Игна[т'йвь']ич*) вместо *Васи[л']ич* и т.д. Не рекомендуется говорить в современной официальной речи от *Мих[ал] Николаевича* и т.д. (как принято это в сценической речи), когда мужские имена на согласный при употреблении их вместе с отчествами не изменяются по падежам.

Стяженные варианты имен-отчеств в сценической речи унаследованы от старомосковского произношения. Русская сцена при изображении старины традиционно не приемлет строгого побуквенного произношения отчеств, принятого в речи учителя, юриста, администратора и т.д., типа *Андре[йь]вна, Роман[ъв]на, Васи[л'йь]вна*, предпочитая варианты *Андр[э]вна, Серг[э]вна, Рома[н:]а, Васи[л']на, Никол[á]вна, Ива[н:]а, Алекса[н:]а* и т.д. (конечно, в соединении со сценической дикцией). (Ср. традиционные рекомендации москвичей – педагогов по сценической речи: в театре надо произносить *Ма[р'] Ива[н:]а, Алекса[н] Андр[э]вна, Па[л] Па[лы]ч, Миха[лы]ва[ны]ч, Алекса[нл']екс[эйи]ч, к Миха[л] Никола[и]чу, от Степа[ны]ван[ы]ча, у Серге[й] Петровича* и т.д.) В популярном учебном пособии Р.И. Аванесова «Русское литератур-

ное произношение» сказано: «Произношение этих и подобных отчеств без стяжения не может быть рекомендовано даже в публичной речи, в которой вообще в большей степени допускается соответствие произношения написанию» [Аванесов, 2007, 225].

Московская и сценическая рекомендация несколько десятилетий назад вызывала возражения и сейчас противоречит общерусской языковой действительности. Вот что, например, писал по поводу стяжения звуков в отчествах известный специалист по русскому языку Ф.П. Филин: «Интеллигенция, не искушенная в филологических тонкостях, воспринимает его как фамильярно-сниженное и даже оскорбительное (ведь *Алексевна*, *Николавна* относится к личностям), в чем я неоднократно убеждался на собственном опыте в разных городах страны, в том числе и в Москве» [Филин, 1981, 149]. Недаром с полными, нестяженными вариантами отчеств в языке связывалось «значение большей вежливости, и относят их к лицам с более высоким общественным положением» – таково наблюдение известного филолога В.И. Чернышева, сделанное в начале XX в. [Чернышев, 1970, 531].

Женские отчества на *-ична* (*Ильинична*, *Саввична*, *Никитична*, *Кузьминична*, *Лукинична*, *Фоминична*) произносятся «постаро-московски» (как и слова типа *конечно*, *девичник*) с фрикативным [ш] перед *н*.

Отчества с начальным *И* (*Иванович*, *Игоревич*, *Игнатъевич* и т.д.) после твердого согласного в предшествующем имени произносятся со звуком [ы] (*Паве[лы]ванович* и т.д.).

Глубокую теоретическую основу в произношении отчеств как орфоэпическую проблему разработала И.А. Вещикова [Вещикова, 2007].

Особое внимание обращает на себя произнесение фамилий, имеющих безударное *а* после мягких согласных и [j]. По общему правилу, в начале слова после мягких согласных и [j] фонема <а> (в зависимости от места словесного ударения) должна произноситься как [и^э] или [ь] (*тянутъ*, *чаеводство*, *январский* и т.д.). Однако в профессиональном произношении имен и фамилий здесь преобладают звуки типа [А] или [ъ]: *Янина*,

Чайковский, Якут, Янковский, Рябчинская (то же, кстати, и в географических названиях: Ямайка, Янцзы).

Упражнение 37. Подберите тексты публицистического, официально-делового и научного (учебного) характера, каждый не более чем на 150 слов. Выполните содержательный анализ их в соответствии с требованиями § 41 (глава 10).

Разметьте тексты: разбейте на СФЕ, фразы, синтагмы, определите типы ИК, степень выделенности словоформ. Найдите участки в текстах, где может быть вариативность в звучании фонем, предупредив тем самым появление эллиптических вариантов в вашем чтении.

Запишите тексты на носитель, сопоставьте чтение каждого записанного текста с тем, как вы предварительно разметили его. Опишите замеченные вами различия. При необходимости начитайте тексты на диск еще раз и выберите лучший вариант.

Дайте полный анализ интонации и произношения с точки зрения профессиональных требований. Анализ каждого текста при этом разбивается на особенности распределения СФЕ в тексте, фраз и синтагм во фразах; далее следует анализ словоформ по темам орфоэпии.

Обнаружились ли различия в вашем чтении текстов, относящихся к разным функциональным стилям?

Вопросы и задания

1. Расскажите (с примерами) о твердости-мягкости согласных перед *е* в словах иноязычного происхождения.
2. Каковы особенности оканья в словах иноязычного происхождения? Приведите примеры.
3. В каких иноязычных по происхождению словах в безударных слогах произносится [э] без качественной редукации?
4. Как вы произносите слово *жюри*?
5. Какие превентивные правила (чтобы «не впасть» в просторечие) существуют относительно произношения отдельных грамматических форм?

6. Приведите примеры нормативного употребления неалфавитных названий русских согласных букв в аббревиатурах.
7. Приведите примеры твердого и мягкого произношения согласных перед **е** в инициально-буквенных аббревиатурах.
8. Какие служебные слова с гласными звуками, будучи безударными во фразе, не подвергаются качественной редукции? Приведите примеры таких фраз.
9. Какие превентивные замечания вам известны относительно глухости-звонкости конечных согласных в предложениях?
10. Как вы относитесь к сокращенному произношению русских имен-отчеств? Различаете ли вы ситуативные варианты? Ваши примеры.
11. Произносите ли вы женские отчества на **-ична** со звуком [ш]? Ответ подтвердите примерами.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. – 7-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Агеенко Ф.Л. Собственные имена в русском языке: словарь ударений. – М.: Изд-во НИЦ ЭНАС, 2001.
- Алексеев Д.И. Произношение сложносокращенных слов и буквенных аббревиатур // Вопросы культуры речи. – Вып. IV. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 22–37.
- Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка / под ред. Д.И. Алексеева. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1984.
- Вещикова И.А. Орфоэпия: основы теории и прикладные аспекты. – М.: Флинта: Наука, 2007.
- Горбачевич К.С. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. – СПб.: Норинт, 2002.
- Дмитренко С.Н. Инициальные аббревиатуры звукового типа и их фонологическая система // Слово и грамматические законы языка, Имя. – М.: Наука, 1989. – С. 276–350.
- Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей русского произношения. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 2006.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение фонетических (и орфоэпических) особенностей русского языка можно продолжить в нескольких направлениях, которые определяются специфическими целями исследования. Углубление фонетических знаний в большой мере зависит и от уточнения задач исследования. Здесь учитывается нынешняя роль русского языка как средства международного и межнационального общения, а также прогнозируемые изменения в сфере публичных специальностей и лингвистики, наконец, тенденции в развитии русского литературного произношения. Этим объясняются подробные ссылки на научную и учебную литературу в предлагаемом пособии и списки использованной литературы. Сказанное в целом соответствует общему методологическому положению о том, что воспроизвести предмет во всей его объективности, – конкретности – значит постичь его в развитии. Принципиальное значение придается здесь органической связи, взаимному влиянию философии и социологии, с одной стороны, и общенаучных методов, избранного метода исследования в фонетике (и орфоэпии) – с другой, что должно привести к раскрытию совокупности факторов, управляющих произношением в акте речи, построению статистической модели произношения. Акад. Л.В. Щерба считал, что лингвистические учебные пособия должны решать практические вопросы, «должны руководить говорящими» в их речевой деятельности [Щерба, 1974, 47–48].

Более полное описание современного произношения необходимо также для культурно-речевой пропаганды, когда воздействие на языковую практику, повышение ее эффективности является в конечном итоге частью языковой политики в обществе, т.е. сознательного регулирующего воздействия на функциональное развитие языка как общественного явления. Орфоэпические руководства не могут ориентироваться в основном на «разговорную технику» речи. В обществе самым ценным видом речи считаются публичные выступления, а в их воздействии на аудиторию немалую роль играет умение правильно,

четко и выразительно произнести (прочитать) лекцию, доклад, выступить перед электоратом, провести урок.

Существует бесспорное положение: вопросы культуры речи и борьба за речевую культуру могут быть поставлены на твердую базу лишь при широком изучении многообразия нынешней речевой практики. Иначе в прескриптивном языкознании возникает положение, которое акад. В.В. Виноградов назвал субъективно-эстетическим дилетантизмом в оценке и освещении вопросов культуры языка [см. В.В. Виноградов, 1981, 182].

В условиях вовлечения в решение общественных и государственных дел все более широких слоев народа, мобилизации его творческих способностей и опыта на решение усложняющихся задач меняется характер и быстро развиваются различные формы публичных выступлений, возрастает роль культуры речи в реализации целевой установки – убеждения, внушения и т.д. Тем самым растет общественная роль фонетики и орфоэпии как теоретических и практических дисциплин. Заострить внимание на речеведении значит и совершенствовать комплекс общегуманитарного воспитания: надо учить говорить, формировать текст в наиболее совершенном виде, успешно воздействовать на аудиторию, обеспечивать контакт с нею, успех во взаимопонимании.

Учитывая нынешние возможности в изучении речи, вспомним общее положение теории познания об относительности истины и о том, что применительно к любому относительному знанию надо определить, в каких пределах оно является достоверным.

Учебное издание

Ганиев Журат Валиевич

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК:
ФОНЕТИКА, ГРАФИКА,
ОРФОГРАФИЯ, ОРФОЭПИЯ**

Учебное пособие

Подписано в печать 20.06.2011. Формат 60×88/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,3. Уч.-изд. л. 8,9.

Тираж 500 экз. Заказ . Изд. № 2313.

ООО «ФЛИНТА», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485, ул. Профсоюзная, д. 90.